Философский факультет МГУ · cogito ergo sum

ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

teach-in
ЛЕКЦИИ УЧЕНЫХ МГУ

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ЧАСТЬ 1

ГИРЕНОК ФЕДОР ИВАНОВИЧ

ФИЛСФАК МГУ

БЛАГОДАРИМ ЗА ПОДГОТОВКУ КОНСПЕКТА
СТУДЕНТКУ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ
МЕДНИКОВУ АННУ АЛЕКСАНДРОВНУ

Содержание

Лекция 1. Введение в философскую антропологию **7**
Понятие «философская антропология»……………………………………………….. 7
Три тезиса о философии……………………………………………………………….. 8
«Тела и силы» Делёза; тела для эволюции и тела для грёз………………………. 9
Глава о трёх философах из «Логики смысла» Делёза……………………………….. 10
Точка сингулярности – взрыв галлюцинаций……………………………………….. 10
Критика понятия «сингулярность» у Делёза…………………………………………. 11
События и смыслы……………………………………………………………………... 11
Сон как граница между человеческим и нечеловеческим…………………………… 12
Оживотнение человека и очеловечивание мира……………………………………… 12

Лекция 2. Введение в философскую антропологию **14**
Сингулярная антропология. ………………………………………………………... 14
Человек – существо, спящее наяву. ………………………………………………... 15
Значение воображения …………………… ……………………………………….. 15
Понятие «самость». ………………………………………………………………… 16
Влияние Парменида. ………………………………………………………………... 17
Сущее у Аристотеля. ……………………………………………………………….. 18
Сознание. …………………………………………………………………………….. 18
Проблема другого. …………………………………………………………………... 19
Нечеловеческая антропология……………………………………………………... 20

Лекция 3. Введение в философскую антропологию **21**
Проблема языка..……………………………………………………………………….. 21
Нечеловеческие антропологии: искусственный интеллект, антропологизация мира. ………………………………………………………………………………….. 22
Спор Фуко и Деррида………………………………………………………………... 24
Проблема времени……………………………………………………………………. 25
О методе и науке……………………………………………………………………….. 25
Раздвоенность человека……………………………………………………………... 26
Влияние эволюции. ………………………………………………………………….. 27
Цифра…………………………………………………………………………………. 27
Мышление и речь, слово……………………………………………………………. 28
Следствие взрыва галлюцинаций………………………………………………….. 29

Лекция 4. Введение в философскую антропологию **30**
Разделение разума и эмоций………………………………………………………….. 30
Сущность человека в религии………………………………………………………. 31
Техническое отношение к миру и человеку………………………………………….. 32
Парменид………………………………………………………………………………... 32

Лекция № 5 **38**
О свободе………………………………………………………………………………... 38
Парменид………………………………………………………………………………... 41
Рильке…………………………………………………………………………………… 43
Протагор………………………………………………………………………………… 49

Лекция № 6 **51**
Интеллектуал и философия…………………………………………………………. 51
Протагор……………………………………………………………………………….... 55
Спиноза………………………………………………………………………………….. 57
Гераклит…………………………………………………………………………........ 57
Платон………………………………………………………………………………….... 59

Лекция № 7 **61**
Вторая речь Сократа из диалога «Федр»…………………………………………... 61
Миф о человеке-кукле……………………………………………………………….. 62
Кальдерон……………………………………………………………………………….. 65
Шопенгауэр……………………………………………………………………………... 67
Ницше…………………………………………………………………………………… 68
Философия социального…………………………………………………………….. 68

Лекция № 8 **71**
Философия социального (продолжение)…………………………………………... 71
Сны…………………………………………………………………………………....... 75
Ницше……………………………………………………………………………......... 75
Нигилизм в европейской культуре…………………………………………………. 79
Нигилизм Ницше…………………………………………………………………….. 79
Изъятие из мира сущего…………………………………………………………….. 79
Недоживотное……………………………………………………………………....... 80

Лекция № 9 **81**
Три идеи Ницше………………………………………………………………... 81
Одиночество Заратустры………………………………………………………. 82
Непонимание…………………………………………………………………. 83
Пещера галлюцинаций…………………………………………………………. 85
Что такое человек……………………………………………………………. 87
Что значит «Бог мертв»………………………………………………………... 88
Какая тень легла на Европу……………………………………………………. 89
Критика хайдеггеровской интерпретации слов «Бог мертв»……………………….. 90

Лекция № 10 **91**
Человек и кукла…………………………………………………………………. 92
Кукла……………………………………………………………………………….. 92
Второй план……………………………………………………………………….. 93
Игра…………………………………………………………………………………. 93
Платон о «человеке- кукле»……………………………………………………. 94
Наука……………………………………………………………………………….. 94
Вера……………………………………………………………………………….... 94
Символ……………………………………………………………………………... 95
О разуме…………………………………………………………………………. 96
Декарт…………………………………………………………………………….... 97
«Рассуждение о методе»……………………………………………………….. 98

Лекция № 11. **102**
Декарт как учёный……………………………………………………………..... 102
Декарт как философ……………………………………………………………. 103
Каннибализм: Атрей и Фиест………………………………………………….. 103
Первое письмо из «Размышлений о первой философии»…………………….... 104
Второе письмо из «Размышлений о первой философии»……………………… 107
Шестое письмо из «Размышлений о первой философии»…………………….... 109
Дискуссия Фуко и Деррида……………………………………………………. 110

Лекция № 12 **112**
Деррида про злокозненного гения……………………………………………….. 112
Ответ Фуко……………………………………………………………………… 114
Мир числа, мир бытия и мир призраков……………………………………… 115
Кант «Грёзы духовидца, пояснённые грёзами метафизики»……………………... 117

Изучение мифа о параллельном человечестве………………………………………….. 120
Поршнев……………………………………………………………………………..... 122

Лекция № 13 **127**
Человек-марионетка у Канта…………………………………………………………... 127
Романтизм в философии……………………………………………………………….. 130
Человек-ночь…………………………………………………………………………… 130
День и ночь……………………………………………………………………………... 132
Зияние Бога……………………………………………………………………………... 133
Зияние человека………………………………………………………………………… 133
Башмаки……………………………………………………………………………….... 134

Лекция № 14. **135**
От антропологии к призракологии……………………………………………………. 135
Скрытое недовольство цивилизацией……………………………………………….... 137
Человек как молчащее существо……………………………………………………… 137
Коммуникативный поворот в гуманитарных науках………………………………… 141
Экономический человек……………………………………………………………….. 144
Антропогенез………………………………………………………………………….... 146

Лекция № 15 **149**
Признаки постхайдеггерианского мышления……………………………………….... 149
Кризис субъекта……………………………………………………………………….... 156

Лекция 1. Введение в философскую антропологию.

Понятие «философская антропология». Три тезиса о философии. «Тела и силы» Делёза; тела для эволюции и тела для грёз. Глава о трёх философах из «Логики смысла» Делёза. Точка сингулярности – взрыв галлюцинаций. Критика понятия «сингулярность» у Делёза. События и смыслы. Сон как граница между человеческим и нечеловеческим. Оживотнение человека и очеловечивание мира.

Книги лектора курса: «Удовольствие мыслить иначе», «Абсурд и речь», «Аутография языка и сознания», «Клиповое сознание».

Мы сейчас живём в мире, в котором появился алгоритм. Мир изменился. Алгоритм появился, и это самое революционное событие за последние две тысячи лет. Но реакции пока никакой. Философия онемела. В рамках курса будет лекция по поводу естественного и искусственного интеллекта, сделанная на материале философии, будет Гуссерль, Кант.

Данный курс — это общий курс: введение в философскую антропологию. Замечание: философская антропология – это не рассуждение философов о человеке. Тем более это не человековедение.

Что такое антропология? Последние лет сто с подачи немцев мы умели и учились говорить о каком-то бытии. Было такое словечко и многие философии бытийствовали, рассуждали о бытии: Хайдеггер, Гегель и Кант в примечании. Все думали, что от ответа на вопрос «что есть бытие?» зависит много разных других ответов, в том числе ответ на вопрос «что есть человек?». **Философская антропология – это такая философия, которая говорит, что ответ на вопрос о том, что такое бытие, зависит от ответа на вопрос «что есть человек?».**

Вторая фраза, ещё более сильная. Она с трудом прививается и приживается, потому что всё не могут это понять. Любимая нами европейская философия за две тысячи лет не смогла даже поставить вопрос о человеке. У меня есть некоторые гипотезы. Потому что всех соблазнил Аристотель. В голову ввёл заблуждения на две тысячи лет. Он в своей метафизике поставил вопрос «что есть сущее?». И две тысячи лет всё это крутилось и до сих пор крутится.

Я начал с того, что **Европа не смогла поставить вопрос о человеке**. Это проблема. Мы будем этим заниматься.

Что такое антропология? Запомните терминологически: это фактически мысль, утверждение мысли о том, что важнейшие вопросы о бытии, о ценностях, о чём угодно зависят от того, как вы ответите на самый главный «что есть человек?». Это сделал Кант.

Он поставил вопрос, его тут же расстреляли. В смысле человек умер, Бог умер. На этом прекратилось. И до сих пор Канту очень сложно, его все свергают в Европе.

Три тезиса о философии.

1. Философия сегодня перестала быть любовью к мудрости. Любовь к мудрости осталась там, где она и была, в античности. Философия сегодня или **философия для нас – это сознательное сумасшествие.** Эту же мысль Хайдеггер выражал иначе. Он на этом месте слово ставил чудачество или дурачество.
   Почему сумасшествие? Потому что быть сумасшедшим – это единственный способ в эпоху числовых измерений не быть исчисленным. Человек – это не алгоритм, а неожиданное вдруг. Почему сознательное? Для того, чтобы избежать пребывания в доме для сумасшедших. То есть, я в сознании.
2. Философия – это не онтология, не наука о бытии. Бытие – это не то, что выражается словом «есть». **Бытие – это то, чего нет, но что дано человеку**. Поскольку его нет, постольку о нём ничего нельзя сказать. Поскольку оно дано, постольку о нём ничего нельзя сказать на языке истины. О нём можно говорить только правдоподобно. Как о чём? Как о призраке. Только правдоподобно, а не на том языке, на котором можно поставить вопрос об истине. То, что дано, дано не извне. Всё внешнее не дано, хотя и существует. То есть, то, что дано, не существует; то, что не дано, существует. Всё внутреннее становится.
   Для нас, в философской антропологии, бытие понимается так: бытие – это врата в мир сновидений. Но эти врата всегда заперты. Почему? Я думаю, что сегодня это главный вопрос, на который пытается, на мой взгляд, ответить философия.
3. **Философия – это антропология**. Греки думали, что в мире есть сущее, и ничего больше нет, кроме сущего. Так думал Аристотель. Но кроме сущего в мире ещё есть то, что дано человеку. И это не вещи. Эту данность называют разными словами: грёзы, видения, кажимости, образы, галлюцинации.
   Все существующие сегодня антропологии ищут человеку место в мире. Или ищут место человека в мире. Например, «Положение человека в космосе» Шелера. Мы не ищем место, потому что знаем, для человека нет места в мире. Мы очень привыкли к мысли о том, что человек – это некоторая вещь в ряду других вещей. Если вы меня выбросите в окно, я буду лететь так же, как любая другая вещь. Главное: что вместе с этим исчезнет? Вот эти странные некоторые мнимости. Мир обеднеет на одну грёзу.
   Не человек часть мира, а мир часть человека. Но это никакого центрирования. Человек – абсолютная случайность, невозможность.

Органика тоже невозможна. Пусть никто не обманывается, что с течением времени мало-помалу неорганика рождает органику. Это философски неразвитое сознание, которое может такие истины учреждать, пропагандировать, распространять.

А кто нас научил такой мысли? Любимая нами русская философия. Это начальная фраза из Бердяева: «Мир – часть человека». Что отсюда следует сразу же? Что в человеке есть что-то, что телом не улавливается или к телу не редуцируется.

Мир – часть человека. Это значит, что человек всегда будет находиться как бы в подвешенном состоянии. Как бы чувствовать себя неуместным. Он будет чувствовать себя как пассажир без места в вагоне метро природы. И с этим чувством ничего поделать нельзя. Мы неуместны. Мы откуда-то сбоку незаконно проникли.

Если мир – это часть человека, то другая его часть – человек.

«Тела и силы» Делёза; тела для эволюции и тела для грёз.

Греки научили нас тому, что человек – это душа. Если человек – это душа, то есть жизнь, то тогда вселение души в тело – это смерть человека. А отделение души от тела – это подлинная жизнь. Так думал Платон. А народ думал иначе. Для него смерть – это отделение души от тела, а рождение – это вселение души в тело. А философы думали так, как описал Платон. Мы пойдём за Платоном, потому что он нашёл источник света в самом человеке, а не вне его. Работая с тем, чему научили нас греки, мы попробуем согласиться или понять, что же есть в другой мысли, которой учат нас сейчас французы.

Сегодня мы можем сказать, что **в мире есть только тела и силы**. Цитата Делёза. Но это ещё не всё тела и силы. В человеке есть ещё свет. И пока в мире есть свет, в нём будут грёзы, в нём кто-то будет грезить. В отличие от Делёза мы знаем **отличие между телами для эволюции и телами для грёз**. Я не сказал, что есть грёзы, я сказал, что есть тела, у которых есть способность грезить. Я как будто бы сохранил тезис и фактически мерзко его изменил. Я ввёл в него то, что я хотел, – мнимость.

В европейской философии утвердилась мысль о том, что человек – это живое разумное существо. Это ловушка, это очень хитрый капкан. Всё наоборот. Человек совершенно неразумное существо. Но после того как появились неживые разумные машины, эта мысль потребовала корректировки. Эта коррекция достигается посредством стирания границ между живым и неживым, с одной стороны, разумным и неразумным, с другой стороны. Это условно делает европейская философия, французская философия в частности. Тем самым европейская философия растворила в себе я толерантности и отравилась.

Глава о трёх философах из «Логики смысла» Делёза.

«Человек, - говорит Делёз, - не пещерное существо». Какое презрение! А почему это плохо? Кто из вас радуется, когда говорят: «Какой Вы глубокий человек»? Делёз вам говорит, что это неприлично – быть глубокими людьми.

«Человек не пещерное существо, измеряемое глубиной, и не душа, птица, измеряемая высотой». Смотрите: глубины нет, высоты нет. А что есть? Поверхность! Современный человек – поверхностный. Это есть некое плоское животное поверхности. Делёз говорит: «Встань, человек, и скажи: «Я ползаю». Делёз ошибается. Человек не плоское животное поверхности, а существо, связанное с иным миром, который заставляет его пробудиться.

Точка сингулярности – взрыв галлюцинаций.

Сингулярность - это то, с чего всё начинается и чем всё заканчивается. Гераклит назвал сингулярность мировым пожаром. И что сделал Гераклит? Заплакал от безысходности судьбы человека. Сингулярность не определяется, а описывается, но у описания есть пределы.

Сингулярность – термин, популярный в французской философии. В человеческой жизни всё начинается с рождения человека. Рождение первого человека – это **точка сингулярности**. Мы её называем **взрывом галлюцинаций**. Описать эту сингулярность – значит свести двойственность человеческого существования к чему-то одному и неповторимому.

Когда мы смотрим на себя в зеркало, мы раздваиваемся: нас двое – один в зеркале, другой перед ним. Когда мы видим сны, мы раздваиваемся: мы спим на диване у окна, и одновременно мы бродим в сновидении. Когда мы мыслим, мы раздваиваемся: мы едем в метро и ещё мы удерживаем себя в какой-то мысли. **Сингулярность – это точка, в которой сходится сон и явь, тело и грёзы, реальное и идеальное**. **В этой точке совпадают смыслы и события. В точке сингулярности всё возможно и ничего нельзя**. Иногда её называют хаосом. По сути дела в ней существует мир, который иногда почему-то называют монадой. Я вам скажу так: монады не умирают и не рождаются.

Умирает и рождается человек. Сегодня его рождение и смерть становится не делом природы, а делом техники. Моё рождение, ваше рождение, рождение ваших детей – дело техники. Захотите ли вы сразу узнать, чем ребёнок ваш будет болеть, чего у него не будет, захотите ли сразу отказаться от него? Уже не отменимо техническое отношение к человеку. Я думаю, что точка, в которой закончится техническое отношение человека к самому себе, опять-таки называется точкой сингулярности или мировым пожаром. И

никаких надежд на какое-то вечное возвращение к одному и тому же. Забудьте Ницше. Ницше есть убивец. Он убил тему человека в европейской философии.

Сингулярный – значит единственный, неповторимый, невозможный. Это бывает один раз за бесконечность. Повторения не будет. Если близка точка сингулярности, то осталось немного. Если вас ещё интересуют апокалиптические вещи, вы можете высказывания почитать Хокинга и Иванова. Они умирали и говорили: «Люди, мы вам не завидуем, мы умираем с надеждой, что вы ещё проживёте лет тридцать».

Критика понятия «сингулярность» у Делёза.

В девятой серии «Логики смысла» Делёз попытался объяснить нам, что такое сингулярность. Не забывайте, в мире есть тела и силы. «Это [сингулярность] - поворотные пункты и точки сгибов, узкие места, узлы, преддверия и центры, точки плавления, конденсации и кипения, точки слёз и смеха, болезни и здоровья». Делёз забыл сказать про сновидения, галлюцинации, грёзы. Грезить могут только органические существа. При этом у органических существ эта способность заблокирована. И только одно уродливое существо открыло это.

Что нас расширяет? Расширяет тела галлюцинация или мнимость, или кажимость, или видимость. Но это такое расширение, в котором видение или галлюцинация, или сон не зависит от тела или от реальности, состоящей из тел. И вы никогда не сможете отличить сон от бодрствования. Декарт не смог, и никто не сможет.

Делёз забыл сказать про сновидения, то есть он фактически закрыл тему. Он заканчивает тем, что человек – лучистая энергия. Это смешно. Он забыл сказать, что в точке сингулярности мир выворачивается наизнанку. Ещё одно определение философии: философия – наука об изнанке. Это сформулировал Гегель и повторил Хайдеггер. Да, это правда. И поскольку нынче философия - это антропология, то мы эту странную изнанку исследуем, человеческую изнанку, изнанку тел и сил. Или того, что не часть мира.

События и смыслы.

Мир вещей расширяется и в этом расширении уже не зависит от вещей. Делёз же отождествляет события и смыслы. И это неправильно. Мы их разделяем. Мы знаем, что воображаемое переполнено смыслами, а реальность переполнена событиями, и что **смыслы - это не события, а события - не смыслы.** События и смыслы ведут непрерывную войну между собой. Они не совозможны. Это термин Делёза. Когда они совозможны, начинается зона сингулярности. Реальность всегда бессмысленна.

Воображаемое всегда бессобытийно. Смыслы лишают события состава событийности, а события обессмысливают смыслы.

Сон как граница между человеческим и нечеловеческим.

Сон - не пустое место воображаемого. В нём встречается то, что не может быть по законам реального мира. Человеческое всегда существуют по логике сновидения. Во сне важно не содержание сна, а сон как условие того, чтобы человеку вообще что-то виделось. Нечеловеческое, напротив, существует по логике событий, а граница между человеческим и нечеловеческим исчезает только в точке сингулярности.

Поэтому мы думаем, что суть человека состоит не в высоте и не в глубине, и тем более не в поверхности, а в сновидении. Всё происходит во сне. Даже то, что мы не хотим, чтобы оно происходило.

Когда мы спим? Если мы смотрим и не видим, мы спим. Если мы слушаем и не слышим, мы спим. Антропологическая граница пролегает не между вещами и предложениями, как думал Делёз, а между человеческим миром и не человеческим. **Сон – это граница**. В нём зияет изнанка мира, которая, как воронка, засасывает события и смыслы, показывая их с неожиданной стороны.

Оживотнение человека и очеловечивание мира.

Есть идея, что весь наш мир разделён на две части. Мир, в котором мы живём, и мир, в котором живут другие; наш – положительная частица, а там отрицательная. Встретятся, и будет аннигиляция, и ничего не будет. Поэтому вопрос звучит так: не почему есть что-то, а как из ничто получается что-то.

Я скажу несколько иначе: мир один, со всеми вытекающими из этого. А закон сохранения массы работает. Законы постоянные.

Современные антропологии хотят установить связь с другими возможными формами восприятия мира. Сейчас появились люди, которые рассказывают, как устроен мир живых. Они видят, они слушают, они нюхают, у них миры перцептивные. Это преподносится как гуманистическое отношение к птицам и животным, к червям и блохам. Делёз говорил очень хорошую вещь: нельзя к животным относиться по-человечески, нельзя.

Современные антропологи хотят установить связь с другими возможными формами восприятия мира. Они находят их у Бэкона и ищут у Комара. Мы не столь наивны в философской антропологии, как поклонники чудовищного очеловечивания мира. Он нам дорог, органика нам дорога, хотя мы вне мира, в том числе, считайте, и органического.

Сейчас происходит чудовищное очеловечивание твари и одновременно оживотнение человека. Это две опасности.

Нам не нравится Симондон и его опыты по описанию серий касания тела к самому себе. Мы в рамках философской антропологии отказываемся от расширительных толкований слова «сам» и не считаем, что существует столкновение тела с самим собой. Если бы тела сталкивались с самими собой, у них были бы сновидения. И мы бы жили в этих сновидениях, поэтому мы не видим в точке сгиба сингулярную точку, определяющую способ телесности.

Мы считаем, что в каждом человеке обитают призраки, и каждый из нас пытается дать им образ или слово. Но это попытка совершается не на поверхности, а в пространстве между внутренним и внешним. Это важные ключевые слова. Европейская философия устранила внешнее, внутреннее.

В сингулярной точке происходят столкновения тела не с самим собой, а с галлюцинацией самого себя. Мир галлюцинирует.

В мире Лейбница все возможности существуют одновременно, поэтому мы не с Лейбницем в этом пункте. В одних - первое предшествует второму; в других - второе предшествует первому; в каких-то и первое, и второе существуют вместе; в каких-то нет ни второго, ни первого. У него много миров, но не в каждом из них существуем мы с вами. В мире, в котором существует человек, нельзя изменить прошлое, нельзя попасть в будущее, нельзя встретить своего прадедушку и убить его, как Фрейд убил своего дедушку.

Лекция 2. Введение в философскую антропологию.

Сингулярная антропология. Человек – существо, спящее наяву. Значение воображения. Понятие «самость». Влияние Парменида. Сущее у Аристотеля. Сознание. Проблема другого. Нечеловеческая антропология.

Сингулярная антропология.

Слово «сингулярный» будет нарушать традиционное представление о человеке. **Предмет сингулярной антропологии - не дискретно выделенное тело человека, а событие, внутри которого стал возможен человек**. Но это не связано с событием у Делёза. К этому событию нельзя прийти, придерживаясь логики. Логика тоже встаёт под вопрос. К нему не ведут законы и правила. У него нет прошлого. Это событие можно представить как серию взрывов галлюцинаций.

Физики говорят, что если Бога нет, то есть большой взрыв. И так всё решается в секунду. Какая-то часть времени хаос. Ничего не возможно, или всё возможно, но ничего нельзя. А потом опять, когда что-то повторится, возникают законы и правила, и уже что-то нельзя, что-то невозможно. Итак, сначала всё возможно, потом взрыв, потом что-то невозможно. Появляются законы. И, следуя законам, мы ничего не можем сказать о начальной точке. Но это не вещь в себе, которую все ищут.

Примерно так же у человеке. Больше того, если был взрыв, то мы существуем через серию малых взрывов. У каждого из нас они должны и продолжают взрываться, эти странные галлюцинации. Это называется творчество.

Предметом сингулярной антропологии является множественная конфигурация типа: человек-картина или человек-кукла. В этой конфигурации некое множество галлюцинирующих существ объективирует свои галлюцинации. Вращаясь вокруг чувственно-сверхчувственных предметов, они становятся людьми. При этом внешние связи, вызванные этим движением, составляют содержание их внутреннего мира.

Итак, сингулярность - это то, к чему нельзя прийти, закон не приведёт. В горизонте того взрыва многое исключается. Сингулярная антропология позволяет обратиться к тому изначальному, что было сказано, в том числе греческой философией, и напрочь было забыто новоевропейской философией. Например, сегодня мы говорим, что человек - это существо, спящее наяву. Спящее наяву - это главное.

Мы не будем принимать во внимание оборот «бытие человека в мире». Совершенно невозможно так сказать, потому что тут же возникает вопрос. Вы о каком мире говорите?

Человек живёт в мире призраков. А вы думаете, что он живёт среди тел или, как думал Делёз, тел и сил? И он тоже как некое тело и силы?

Человек – существо, спящее наяву.

Человек - это существо, спящее наяву, и соответственно обращаемся к тому, кто это изобрёл. К Гераклиту, из темноты которого извлекаем новые темы и смыслы. Идея сна изначально связана с живописной идеей зримости. В диалоге «Филеб» Платон пишет об удовольствиях. У него есть оборот «внутренней живописец». Далее, у Платона: зримо сущее и образы, хотя образы – это не сущее. Образы есть для дня и ночи. В «Государстве» Платон говорит, что живопись – это сон для бодрствующих, а сновидение – это живопись, созданная богами для спящих.

Почему же мы **спим, когда спим, и мы спим, когда бодрствуем**? Животное всё время бодрствует, даже когда спит. А мы Мы спим, потому что мы, единственные среди тысяч других сущих, открыты внутреннему. Мы отданы времени. Воздействовать на другого можно только в пространстве. А на себя – во времени.

А что действует на нас внутри? На кого и что? Если взять Кантовскую терминологию, там - «вещь в себе». Если есть вещь в себе, - это я, это наше я. Вот это есть то невиданное, это и есть некоторая сингулярность. Что я скажу, когда я скажу, что я есть? Ничего. Я ничего не сказал. Сказать – это значит сказать «а что это». Холодное. Тупое. Мерзкое. Какое-то. Я говорю: оно есть, и это «есть» ничего не говорит. Это и есть вещь в себе. Мы отданы внутреннему, мы отданы времени. Только мы.

Мы спим, потому что наш сон – это недостижимое желание стать выше себя. Стать выше себя - значит подняться над собой, над тем в нас, что принадлежит природе.

Значение воображения.

Мы избавляемся от языка презентации и репрезентации. А почему я отказался? Презентация и репрезентация хороши, когда уже сформированы предметы, представление о том, что ты можешь сказать. А как они формируются? Это всё рождает воображение, слепое воображение. Это вы можете найти в «Критике чистого разума».

Человек странно устроен. Это открыл Кант. Он открыл, во-первых, воображение. В нём основа всего. Оно по своей глупости, в силу слепоты своей может брать что угодно, как угодно, сочетать, соединять. И так соединением оно создаёт объект. То есть эта странная субъективность обосновывает объект, или объективность - объект. Появляется объективность. Соединено то, что соединило воображение. Это и есть объект. И это формирует принцип объективности. Это щупальца, которыми мы испытываем мир. А

представление возможно после того, как поработало это воображение. Мир представлений, поэтому, не играет никакой роли. Продуктивные способности воображения – это удивительная вещь. Кант сумасшедший. И это его сумасшествие как-то не очень вкладывается в наши нормальные головы. Итак, вот что значила фраза, в которой мы отказываемся от презентаций и представлений.

Понятие «самость».

Наша самость – это не представления, а мы сами прямым и непосредственным образом. А что такое самость? Наше самостояние. Когда мы стоим, выстаиваем. И ничто не отделяет нас от самих себя в момент, когда мы стоим, даже знаки, даже речь, язык.

Самость – это не субъективность. Обычно думают, наученные Юмом, Локком, что субъективность – это то, что принадлежит субъекту. Чепуха. **Субъективность - это то, чему принадлежит субъект**. Потому что, то, что принадлежит субъекту, имеется в виду: видеть в цвете, например. Это объективное качество. А когда субъект принадлежит? Если есть идеи, видения, грёзы. Это надо исследовать, а не чувственность. Её оставьте восемнадцатому веку. **Самость – это не субъективность, это реальность, которая не ищет себя вне себя.**

Почему мозг не имеет никакого отношения к сознанию? **Мозг – продукт эволюции, а сознание – продукт взрыва галлюцинаций**, поэтому сознание – не продукт эволюции. Это некоторые параллели. Мозг примитивен.

А зачем эволюция? Запретить органическому существу галлюцинировать. Единственное существо, которое прорвёт, освободит себя, - это то, что будет называться человеком. В этом смысл взрыва галлюцинаций – освободить. И тем самым тогда развернуть так называемое внутреннее.

Органика галлюцинирует, а эволюция блокируют способность галлюцинаций, то есть человек есть существо, спящее наяву. Мы передаём в этом смысле привет Гераклиту и смеёмся над Аристотелем и его политическими животными. Человек – неполитическое животное. При этом обратите внимание на слово «политическое». Я рекомендую вам почитать «Историю животных» Аристотеля и «Метафизику».

Политическое животное - это не в смысле Маркса, а как блохи и журавли. Это обыкновенное животное. Единственное: у него есть такая способность, они ещё и говорят. Это мелочь. Это примерно позиция Аристотеля. Позиция его очень влиятельна. Войдите в это, а потом избавьтесь от этой позиции, освободитесь от неё. В «Метафизике» поставлен вопрос «что есть сущее?». Не надо было так говорить, не надо было соблазнять, не надо было направлять философию туда, куда её не надо было отправлять. А куда её надо было

направить? Нужно было узнать, как из ничто получается что-то. Эту мысль удерживать уже начал потихонечку Парменид, Протагор, но не Аристотель.

Влияние Парменида.

Парменид удалил человека из своего понятия «бытия» и этим определил судьбу всех европейских народов. Европейская философия устремилась к теме нечеловеческого. Парменид думал, что бытие бытийствует вне связи с тем, что бытийствует человек. И ошибся. Мы знаем, что **бытийствует только человек, потому что только он грезит, галлюцинирует**. А как вы думаете, с чего ребёнок рождается? Он галлюцинирует. Первое, с чем сталкивается человек, - с галлюцинацией. И последнее, когда он уходит – с галлюцинацией. Это его встречает и его провожает.

Человек бытийствует и изобретает сознание, и изобретает время только лишь потому, что галлюцинирует. У Канта есть очень общие вещи, но на этот счёт нет точных формулировок. Однако внутреннее время требует объяснения. Откуда оно? А ниоткуда не возьмётся. Для этого надо галлюцинировать. Это то многообразное, которое подлежит работе продуктивного воображения. То есть не только чувственность, но и материал внутренний.

Бытие – это не присутствие сущего. Бытие не выше человечества, как думал Хайдеггер. Оно зависит от человека.

Бытие тождественно мысли о бытии только в том случае, если бытие – это галлюцинация. Слова «галлюцинации» или «грёзы» не имеют никакого отношения к психологии. **Галлюцинация - это бытие, тождественное мысли о бытии.** Так говорил Парменид. Этого ещё никто в Европе не понял. Даже Кант, хотя у него были такие попытки, или Гуссерль.

Кант не очень хорошо обошёлся с субъективностью. Она очень важна. Что рождает субъективность? Необходимость или идею необходимости. Что она рождает ещё? Априорность. Что ещё? Объективность. Уже одно это сочетание стало катастрофой. Речь идёт о том, что нужно было понять тождество мысли и бытия.

Итак, бытие – это не присутствие присутствующее, а некое тождество бытия, мысли о бытии. Если бы Парменид помыслил бы человека, как Гераклит, то самолёты бы сегодня не летали, бомбы бы не взрывались, технологическое не угрожало бы нам нашим исчезновением. Это фактически парафраз из Хайдеггера. Жаворонок, ликуя, по-прежнему устремлялся бы к солнцу, если бы не Парменид, и мы бы жили в своём внутреннем мире, наполняя его внешними связями, как живут в нём крестьяне, как жили в нём художники палеолита. «Человек – мера всех вещей, существующих, что они существуют, и не существующих, что они не существуют», - Протагор.

Сущее у Аристотеля.

Аристотель писал в первой главе седьмой книги «Метафизики»: «И вопрос, который издревле ставился и ныне и постоянно ставится и доставляет затруднения, - вопрос о том, что такое сущее». Аристотель задал вопрос: что есть сущее? Кто на него ответил? Ницше. Поэтому он – последний метафизик. «Суть сущего в воле к власти», - цитата Ницше. То есть Ницше растворил человека в сущем. Дело не в разуме, а в воле. Этим сказанным был исчерпан весь интеллектуальный ресурс новоевропейской философии. Нужно отклонить эту мысль Ницше, нужно не ставить вопрос «почему есть что-то, а не ничто?», а нужно понять, почему в мире есть третья сторона. Что Кант относил к третьему, к третьей стороне? Трансцендентальную схему. Продукт воображения. Нужно было соединить, в Кантовской терминологии, рассудок, который подчиняет одно понятие другому понятию, и чувственность. Единственное, что их соединяет, - воображение, потому что оно слепое.

Человек - это не волящий зверь, не часть вечной природы, а сингулярное существо, единственное в своём одиночестве. Человек, если заниматься складыванием слов, - единок. Единый и одинокий. Воля – это способ, в котором грезящие существа могут пребывать.

Сознание.

Сознание – это время чувствовать себя. Внутреннее чувство может двигаться либо к Я, либо от Я. **До Я сознание не обнаруживает себя и существует вне представления самому себе. Это тёмное сознание** или, как говорит Кант, тёмное представление. Тёмное сознание – это пульсация множества нерассказанных грёз и самоощущений. Рассказывать - значит согласовывать свои пульсации с другим, добиваться признания. Согласовывать свои галлюцинации с другим - значит искать точку, в которой мышление поворачивает к себе, а бытие к себе. То есть **согласие - это точка, в которой мысль о бытии становится не тождественной бытию**. Когда тождественна, получается галлюцинация. Когда бытие в одну сторону, а мысль о бытии в другую сторону, взрывается галлюцинация. Тогда появляется такой зазор под названием «вещь в себе». Вещь в себе взрывает это тождество.

Японцы считают, что Кант корреляционист. Называть человека корреляционистом, если у него есть вещь в себе, - безумие. Это значит ничего не понимать. Гегеля тоже нельзя назвать корреляционистом. Почему? У него Абсолютное знание. Гегель вообще человек страшный: он выбросил вещь в себе, сказав, что это недоразвитое понятие. У него есть только понятие в разной степени. Оно зреет как яблоко.

Есть ещё один вариант в философии, когда ты хочешь найти опору. Ты ищешь разрыв, эту подпорку либо в вещи в себе, либо в Абсолюте, либо в самоочевидности. Это ещё до вербального, до языкового. Самоочевидное - от Гуссерля. Ходы очень простые.

А когда есть движение от я, то возникает такая проблема: я – это некое зеркало, в котором видно всё вокруг. Видно всё, за исключением чего? Я. **Если я – точка отсчёта, то до я – тёмное сознание, после - предметное. Это предметное сознание говорит обо всём, кроме одного: о я.** Этот провал, эта пустота сейчас поглощает всё: всю науку и всё остальное. Поэтому она крайне интересна, эта странная пустота, этот прочерк.

Проблема другого.

В философии другой – это очень важно. Без другого никак нельзя, потому что в другом я узнаю себя. **Другой – это язык**, который, как разбойник, поджидает каждого из нас в этой жизни. И ты **либо успеешь создать свой язык, либо тебе придётся говорить на языке другого.** Если ты создаёшь свой язык, тебя ждёт непонимание. Непонимание выводит тебя из модуса забвения своей самости, но создаёт проблемы с другим. Если ты заговоришь на языке другого, тебя будут понимать. Но что значит «будут понимать»? Значит, тебя заставят отказаться говорить от своего имени.

Итак, что значит «тебя не будут понимать»? Если тебя понимают, и у тебя нет проблем, у тебя проблема. Но ты не должен что-то выдумывать, чтобы тебя не поняли, зашифровывать. Это значит, что ты прожил жизнь так, что тебе это не понадобилось. Фактически ты отказался от своего имени, поэтому тебе не надо встречаться с собой.

Тёмное сознание не доступно для языка, ибо оно отсчитывается не от Я, выступая как место встречи потоков желаемого и не желаемого. Точка отсчёта возможна после Я. С заполнением пустоты «Я есть» начинается язык. «Есть» ничего не говорит о Я.

Вы понимаете, почему продуктивное воображение? Это выражение у Канта. Он этого не объяснил, и он сам виноват в том, что многие думают, что очень многие вещи происходят благодаря трансцендентальному единству, что в мире всё случайно, всё болото, а единство – сознание, которое я есть. Оно есть и вчера, и сегодня, и завтра. Всё не так. Просто он не очень удачно эти пункты разъясняет. Совершенно вычеркнуто это единство, потому что, если бы это было тем единством, то тогда не понадобилось бы нам вводить эту странную машину под названием «способность суждения».

У Канта есть две машины таких странных. Машина под названием «способность суждения», потому что рассудок есть у всех, но есть глупые. Можно быть учёным, но не иметь способность суждения. Способность суждения – это способность ловить момент и понимать, что соответствует ситуации или не соответствует применению правил. Это дар, который может быть, а может не быть. А если это дар, то всё случайно. Каждый из нас

разный. Мы можем соединять разное. Мир абсолютно множественен сразу же. Мы все должны пройти через эту машину, через дар способности суждения. Это одна машина, которая поставляет странные разнообразия.

Вторая машина – переодевание рассудка. Синтез его ещё называют. Человеческий разум должен притворяться, потому что на чувства воздействовать бессмысленно. Кант ввёл в моду в немецкой философии эти переодевания.

Нечеловеческая антропология.

Мы не принимаем нечеловеческую антропологию. Европейская философия ничего не понимает в человеке, несмотря на экзистенциализм, Сартра, Камю, Кьеркегора, Батай тем более ничего не понимает в этом.

Деррида немножко перестал быть французом в том смысле, что он вдруг пошёл по пути антропологии. У него в жаргоне появились призраки. Если взял призраки – структура пути приведёт тебя туда, куда надо. Если вы прочтёте «Призраки Маркса», то поймёте, что в европейской философии случилась маленькая трещина, надлом. И Деррида такой цветочек, вылезший на путь понимая того, что философия – это антропология, призракология. Это открытие: во Франции случился поворот.

Лекция 3. Введение в философскую антропологию.

Проблема языка. Нечеловеческие антропологии: искусственный интеллект, антропологизация мира. Спор Фуко и Деррида. Проблема времени. О методе и науке. Раздвоенность человека. Влияние эволюции. Цифра. Мышление и речь, слово. Следствие взрыва галлюцинаций.

Проблема языка.

Мы остановились на понимании и языке. У претендующего на мысль возникает такая проблема: ты начинаешь говорить на языке другого. Нас приучают к этому языку, правда ребёнок ещё пытается сопротивляться с самого начала, у него свой язык. Даже некоторые в детстве придумывали разные слова, но осилить этого Левиафана никак нельзя, и все мы подчиняемся.

Одновременно вам легко говорить на языке другого, потому что как будто тебя понимают. А когда ты начинаешь что-то придумывать, начинаешь говорить на своем языке, то тебе хочется, чтобы на него всё было переписано. Читаешь Маркса - на этот язык. Читаешь Деррида - на этот язык. Читаешь Мейясу - на этот язык. Это чревато тем, что тебя обязаны не понимать. И, следовательно, тебе нужно пройти такую зону, дистанцию непонимания. Это нормально: никого никогда никто не понимал. Это вечная проблема философии.

Проблема такая: всякая претензия на язык, на свой язык состоит в том, что это свидетельство или симптом, который указывают на то, что ты можешь говорить от своего имени. Во всех остальных случаях тебе отказано говорить о своём имени, то есть ты можешь говорить, что ты говоришь от своего имени. Язык позволяет это делать, тем более ты ставишь слово «я». Я думаю, я думаю, но это не означает, что ты думаешь.

Итак, язык начинается с этой точки отсчета. «Тёмное сознание» - это фактически выражение из Кантовской философии. У него есть тёмное представление. По-русски проще сказать «тёмное сознание», потому что мы привыкли считать, что оно светлое, само в себе дано, само себя узнаёт. Тёмное – то есть не узнаёт, следовательно, есть некое движение к «я», но оно не удостоверено, нет этого узнавания, нет этого признания. Это движение до «я». Всё, что до я, - тёмное сознание, когда «я», то другой режим. После «я» другая проблема. Тогда формируется пропуск, этот разрыв или пробел под названием «я». Я называл это вещью в себе.

Проблема здесь такая: когда мы отсчитываем от «я», мы видим всё, что угодно, кроме «я». Поэтому идея сингулярной антропологии - зафиксировать кризис знания или

познания. Какой кризис? Поворот от вещей, от объектов или использующих принцип объективности к исследованию субъективности. Мы не умеем этого делать, не знаем, как исследовать. За что хватаются люди? За сознание, язык, есть действия с практическими предметами. Тут же приведут слепоглухонемых Ильенкова, структуру сознания, в которой вещь дана не в формах, а в формах действия с вещью. Что такое «образ»? Это форма действия с вещью. Кажется, великолепно. Но это зыбко, потому что там есть призрак под названием «цель», который и делает что-то так называемым действием. Поэтому всякое действительное всегда призрачно.

Последнее, за что обычно может ухватиться ученый, - это мозг. Мозг – это непременно винтик, который всё открывает. Мы сегодня пребываем в этом ситуации: популярны науки о мозге, нейронауки. Большие ставки сделаны, большие деньги выделены. Сингулярной антропологии совершенно невозможно ожидать успехи в этом направлении. Они могут быть, но они будут физического свойства или биологического, связанными с исследованием куска материи под названием «мозг». Но это не путь, который ведёт к исследованию сознания.

Нечеловеческие антропологии: искусственный интеллект, антропологизация мира.

Нечеловеческая антропология является границей. Очень динамично меняется представление о человеке, особенно последние 10-15 лет. Никто никогда не знал, что это. Когда я говорю «динамично меняется» - это значит, что высказывается что угодно, поскольку никто ничего не знает. Что угодно: есть граница между животным и человеком, или нет границ.

В другом направлении, сколько этих Фёдоровых уже полетело или полетит ещё? Этих роботов, странных изделий, алгоритмов. Одно из самых главных событий в мире: алгоритм. Искусственный интеллект - абсолютно невозможная вещь, непонятная. Нет каких-либо размышлений, которые можно бы было высказать. Все работают, что-то делают, решают свои задачи на каком-то техническом отношении, делают программу.

Понятна идея искусственного человека. Очень хочется создать ещё что-то, не рожать, а сделать технический комбинат. Искусственный человек - это изобретение обезумевшего научного сознания. Случился поворот, когда надо исследовать субъективность. Деррида будет говорить так: «когда надо было вступить в беседу с призраками». Это антропология. Как может учёный беседовать с призраками? Он же должен бороться с лженаукой.

Искусственный человек - это не дискретно выделенное тело. Кризис науки будет состоять в том, что от него надо будет куда-то избавляться.

Мы знаем, что было время, когда люди не отличались от животных. Это было время до мифа. Но мы знаем, что затем был взрыв галлюцинаций. И появилось фундаментальное различие между нами и ними. В чём это различие? Мы – люди времени. Они - пространственные существа. Вот в чём различие. У них интеллект упакован в инстинкт. У нас естественный интеллект упакован в сознание. Мы смеемся над учеными, которые хотят вытащить его из этой упаковки. Они думают, что причина сознания лежит вне сознания. Философия же всегда знала, что причина сознания лежит в самом сознании.

Если мы посмотрим на то, что делается с идеей чистого разума, то увидим, что прямой путь ведет от чистого разума Канта к нечеловеческому разуму и, в конце концов, приводит к искусственному интеллекту. Я думаю, что старый Кант это понял и единственный в двух с половиной тысячелетней истории стал человеком, который сформулировал революционную мысль во «Введении в логику», сведя всю философию к ответу на вопрос «что есть человек». Это революционное событие, но не удалось отстоять эту позицию. Она была расстреляна из всех возможных орудий немецкой философии, европейской философии. Она была похоронена неокантианцами, поставлены обелиски. Есть лишь один человек в европейской философии, который это признал. Фуко. Второй человек, Бодрийяр, тоже заговорил об этом революционном антропологическом повороте. Из последних приобретений на этом пути – это призракология Деррида. Но это лишь жалкие попытки расшатать глыбу, чтобы вынырнуть из-под неё.

Итак, старый Кант это понял и стал антропологом, назвав философию скандальным образом, вопреки Аристотелю, немецкой традиции, наукой о внутренних принципах выбора между разными целями. С этой мыслью жить невозможно, не изменившись. Выражение «внутренние принципы» сводит с ума.

Современная философия мало что определяет, потому что философия – сознательное сумасшествие. В философии нужно учиться удерживать какие-то парадоксальные вещи, удерживать их в своём размышлении. Это и наука, и искусство, и опыт.

Деррида недавно это рассказывал в «Призраках Маркса». Он рассказывал, что когда ты начинаешь говорить о вещах типа призрака, начинает куда-то улетучиваться так называемая бинарная структура мышления. Белое – чёрное, мужчина – женщина. Это вещь, которая не совсем является вещью. Это Dasein, здесь-бытие отсутствующего или это не присутствие присутствующего. Деррида говорит, но это его говорение порождает такого рода странные слова.

Поэтому мы поддерживаем Канта, сохраняем и охраняем аффект или эмоцию как последнюю территорию человеческого. Предполагая, что аффект – это не трамплин, с которого можно прыгнуть и разрешить проблемы в окружающем тебя мире. Эмоция – это способ воздействия человека на самого себя.

Следовательно, наши упования не на мозг, этот жалкий кусок материи, а на сознание, великую субъективность мира. Для нас чувствовать – значит воображать, любить – значит сходить с ума. Никогда ни один алгоритм не сойдет с ума, не будет безумствовать.

Одновременно с вышесказанным существует тенденция антропологизации мира, очеловечивания мира. Нам не нравятся, нас забавляют стыдливые гуси Аристотеля или этологов. Стыдливые гуси – это и есть антропологизация, или честная сорока-воровка. Почему я говорю, что это смешно? Потому, что мы не обезьяны. Между нами и обезьянами стоит одна маленькая вещь: в отличие от них мы сумели подчинить себя своим галлюцинациям. Вот на этой зыбкой вещи держится целый мир, выдуманный нами, придуманный, мир призраков. Кто научился это делать, тот может ставить цели и подчинять себя целям. Поэтому я вам говорил, что действие, деятельность, поскольку они определяются целью, - призрачны. И наша вся действительность призрачна.

Человек – это непрерывно возобновляемая цель быть самим собой.

Спор Фуко и Деррида.

Удивляет наивность Фуко, который думал, что появление злокозненного гения - это всего лишь упражнение сознания. Я имею в виду обсуждение «Истории безумия в классическую эпоху». Деррида пишет текст по поводу этой книги. Через какое-то время Фуко отвечает на этот текст. Вот это всё я и называю перепиской.

Я на стороне Деррида. У Фуко очень слабые позиции, потому что он думал, что злокозненного гения вело сознание под своим контролем. То есть оно доминирует и остаётся в этом режиме управляющего; нет того, кто бы мог состязаться с ним. А Деррида говорит, что безумие уже давно вселилось. Фуко говорит, что это сознание придумало злокозненного гения. Оно экспериментирует, исследует и держит под контролем. Это ужасный тоталитаризм Фуко и непонимание тенденций в философии.

Фуко полагал, что это всего лишь упражнение сознания, от начала и до конца контролируемое субъектом. Мы говорим: субъект сдулся. Мир, в котором голова всему искусственный интеллект, не совозможен с миром человека. Искусственный интеллект как интеллект, лишённый органики и целеполагания, намного существеннее, чем обман злого гения, чем простое помрачение мозга парами чёрной желчи.

Итак, был злокозненный гений. Прошло двадцать лет, и появился алгоритм. Всё перевернулось. Деррида был прав. Он поменял свою философию, хотя прямо не говорит. Его философия изменилась, как только в ней появилась призракология.

Искусственный интелект убаюкивает нас, ибо берёт на себя функции разума, усмиряющего наше безумие.

Проблема времени.

Мы принимаем, конечно, прошлое таким, каким оно было, в том числе и прошлое в философии, потому что не в нашей воле менять его. Мы не хотим, чтобы оно повторялось вновь и вновь. Мы не хотим его переписывать. Мы хотим быть, как дети. Мы хотим изменить время. Быть как дети – значит быть без прошлого и без будущего. Это сингулярная антропология: время без прошлого и без будущего. Быть в непрерывно длящемся настоящем. Поэтому вечное возвращение одного и того же не для нас. Оно для тех, кто слишком позитивен. Что такое позитивность? Позитивен тот, кто находится в согласии с самим собой, совпадает с собой. Он очень позитивен, он уже почти перестал быть человеком. Кто потерял своего двойника и перестал грезить в желании стать постчеловеком. Мы не позитивны. Заратустра нас не убеждает. Мы грезим, и поэтому мы всегда в призрачном настоящем, в настоящем, которое всегда призрачно.

Мы вернём время тому, кто его породил. Мы вернём его языку. Антропологическая катастрофа нашего времени началась с того, что язык встал на место сознания, потому что мы знаем, что человек - сторож воображаемого, а не пастух бытия. Эта формула более правдоподобна, нежели то, что говорится Хайдеггером о бытии.

О методе и науке.

Пусть искусственный интеллект выводит следствие из посылок, мы научим его ловить алгоритмы. Но мы знаем, что мысли по улицам не бегают. Алгоритмы не взрываются. Между тем, каждая мысль – это взрыв галлюцинаций, рождение сознания. Мы по-прежнему взрываемся. То есть большой взрыв, сингулярность, взрыв галлюцинаций. До тех пор, пока мы будем существовать, будут такие вот небольшие взрывы.

Этот поворот не оставляет природу в забвении. Единственное, что мы научились делать хорошо: изучать природу. Мы её знаем хорошо за счёт того, что мы не знаем себя. Это простое правило. Мы полагаем, что нужно искать все её тайники, если они у неё есть. Но метод - это не наш путь. Метод нужен для того, кто идет по колее, кто привык идти за кем-то. Мы не за кем не идем. Мы против линейного мышления. Против однозначности суждений. Мы за многозначность слов сознания. В этом смысле Фейерабенд нам ближе по духу, чем Поппер, Куно, Лакатос и прочие методологи. Хотя никто не говорит, что истина устанавливается голосованием.

Сегодня многие думают, что наука – это мера мышления. Мы думаем иначе. Технологическое применение науки убивает науку. Наука сегодня не мера мышления, а его противник, потому что разум – враг мышления. Мышление – это не логика. Мышление

– это спонтанность. Это почти Кантовское выражение. Ученый сегодня – это не революционер, а, как правило, реакционер, ретроград, потому что он привязал себя к опыту и забыл о необходимости путешествия в мир воображаемого. Наука не нуждается в философии. Она теперь сама себе философия. Это её смертный приговор. Кто грезит, тот прокладывает новые пути, тот мыслит, а не анализирует тексты тех, кто когда-то думал.

Раздвоенность человека.

Мы свободны. Мы знаем, что для всего есть причины. Мы также знаем, что все случайно. Мы знаем, что жизнь человека – это всегда бросок игральных костей. Одно из двух, и нет никаких оснований. Мы знаем, что плата за этот бросок – наша вечная раздвоенность. У каждого из нас есть свой двойник, свои призраки. Все мы раздвоены. Принцип раздвоенности – это фундаментальный принцип в антропологии.

Животные не смогут принять нас в свой мир с нашей раздвоенностью. Мы слишком нехороши, нам не поместиться. Оставим их природе. Их тела созданы для эволюции, а не для грез. Они слишком позитивны, чтобы сходить с ума. Для нас нет проблемы дара. Мы не домашние животные, как мул, мы одариваем, а не накапливаем. Одаривание - это естественное свойство грезящего человека, вопреки всему животному миру. Мы одариваем, мы начали с этого. Первый шаг – одаривание.

Мы хотим иметь дело не со знаками, а с самими вещами. Дерево – это не знак дерева. Это анахронизм мышления Пирса. У нас ещё живо чувство реальности. Когда мы смотрим на дерево, мы видим дерево, а не знак. Для нас дерево стоит в поле, а знак существует в сознании. Так мы передаем привет Пирсу. Мы знаем, что только у того, кто галлюцинирует, возможно чувство реальности. Поэтому никакой реальности самой по себе нет. Это вторичное образование. Его всегда предваряет чувство реальности.

В человеке мир свернулся. В нас появилось внутреннее. Спасибо за это палеолиту. Позитивные науки увлекают нас сегодня цифровой культурой. Они хотят, чтобы мы развернули то, что в нас свернулось. Они хотят, чтобы мы стали плоскими. Культура предлагает нам оцифровать себя. Мы вспоминаем цифру семь Пифагора и улыбаемся. Мы органика. Наша почва земля. Нам угрожает кремний. Он принадлежит космосу. Человек не выдержит испытание бездонным миром, ибо выдержать это испытание – значит превратиться в лучистую энергию. Здесь мы отклоняем проект Циолковского и примкнувшего к нему Делеза. Если нечеловеческое попытается нас ограничить цифрами, мы противопоставим ему свое сумасшествие.

Философия – это наш нематериальный актив, который никак не отражается в действующих системах учета и экономических показателях. Цивилизация не заставит нас перевести нашу субъективность в цифровой актив. Мы люди – это органика первого шага.

Мы – художники. В субъективности нашего первого шага рождается идея объективности второго. Это идея есть у Канта, у Гуссерля. Любое число нуждается в повторении, в воспроизведении. Человек – нуждается в произведениях непрерывно длящегося первого шага.

Нам не по пути с дигитальной философией. Почему? Потому что это философия лигитимизирует схлопывание внутреннего мира и внешнего в цифре.

Влияние эволюции.

Смысл взрыва галлюцинаций в раздваивании. Эволюция существует лишь только в маленьком пространстве, ограниченном территорией органики, для того, чтобы не дать возможности прогаллюцинировать. Потому что органические существа имеет странную способность показывать кино себе. Поэтому тут же запрет.

Лоренц писал, что сначала всё живое было аутистическим, то есть выбрасывало реакции вслепую. Потом почему-то всё перевернулось. Появились реакции на определённые вещи, и что-то захлопнулось. А что захлопнулось? Галлюцинация. Не имеет права галлюцинировать никто, эволюция запрещает. Она для этого и создана была природой. А момент взрыва - это раздвоение. Получение свободы - это смысл фундаментального раздвоения.

Это совершенно гениальный ход, который придумали безумные люди, - это подчинить себя своим галлюцинациям или своим призракам. И мир раздвоился. После скончания мира человека, как пишет Кожев, ничего не изменится, даже на земле. Никто и не заметит, потому что никому это не нужно.

Цифра.

Раздвоились. А какой финал? Слово «дигитальное». Последние шесть лет все говорят про число. А что такое число? Единственное, к кому можно обратился, к интуиционистской математике. А это не математика, а философия: в числе схлопывается внешнее и внутреннее. Нет ни внешнего, ни внутреннего. Это финал. Это смысл этой культуры. Даже Пифагору это не приходило в голову. Схлопывание в числе внешнего и внутреннего мира – это финал, с которого начинал палеолит. Мы возвращаемся в эту сингулярность, но только уже технологическую. Поэтому мы судим этой размерностью: раздваивание и схлопывание.

Цифра завершает деантропологизацию мира. Европа торжествует, пронумеровав родителей и половую принадлежность человека. Где есть цифра, там совесть не нужна. Тем самым мы посылаем привет Аксакову.

Цифровая культура – это культура данных. Большие данные пытаются заменить сознание. Данные – это не бумажные документы, переведенные в электронный формат. Это информация о достойных веры фактах, информация, пригодная для алгоритмической обработки. Число – это язык науки и технологий. Мы не технологические детерминисты. Мы не хотим подчиняться гибельной судьбе современной науки и технологий. Наше мышление уже само по себе должно перестать быть техническим, чтобы не подпасть под власть науки и техники, потому мы все поэты, писатели и художники. Философ – художник, писатель и поэт. Наш язык ищет не число, а метафору. Мы любим парадокс, а не логику. Мы ищем абсурд, а не истину. Мы не из тех, кто хочет вернуться сегодня назад к Аристотелю.

Мышление и речь, слово.

Чтобы мыслить, нужно воображать. Нужно научиться придавать смысл бессмысленному. Нас интересует не язык, а речь, которая соединяет реальное и воображаемое. Науки о мозге ничего не знают о воображаемом. Наш мозг слишком примитивен, чтобы, минуя сознание, реагировать на символы. Искусственный интеллект лишь повторяет операции, совершаемые человеком. Человек – ритм, но не алгоритм. Не число, а чистый цвет, чистый звук и чистая форма непосредственно воздействуют на человека. Ничто во внешнем мире не является цветом, звуком и формой. Это все то, что возникает и существует во внутреннем мире человека.

Кто хочет думать сам, тому не нужно быть вместе с другими. Мысль – это не согласованное с другими путешествие в мир воображаемого. Согласованная мысль – это не мысль, а событие языка. Интеллектуальная элита сегодня не мыслит. Она бредит согласованиями, которые лежат в основе любого общества.

Коллективные галлюцинации, закрепленные в формах языка, составляют содержание социальных отношений. То, о чем мы вместе со всеми говорим, это и есть социальное. Чтобы говорить вместе со всеми, нужно игнорировать то, что ты чувствуешь. Любой социум имеет слепое пятно, то, что нельзя увидеть. Нельзя увидеть самообман.

Дело не в том, что человек владеет словом. Им владеет и попугай. Но в этом слове нет внутреннего слова. Дело не в том, что человек умеет говорить, хотя это и важно. Уметь говорить – не значит мыслить. В конце концов, язык сегодня обнаружен везде, где обнаружена жизнь. Суть дела в том, что изначальное слово не имеет никакого отношения к языку. Это некое внеязыковое существо, в котором соединились воображаемое и реальное. Слово и есть это соединение, обозначенное предметами.

Следствие взрыва галлюцинаций.

Человек не часть мира. Разрыв человека с природой произошел тогда, когда человек стал грезить. Нет причин для того, чтобы человек грезил. Все против этого. И в первую очередь против этого эволюция. А он подчиняет себя грезам. И превращает то, что должно было его погубить, в то, что стало его спасением, стало новым горизонтом его жизни. У взрыва галлюцинаций есть два следствия.

Первое - это освобождение замороженного аффекта. Освобожденный аффект – это страсть, одержимость. Замороженный аффект спрятан внутри эволюции галлюцинирующей природы. Что значит спрятан? Это значит, что он предназначен для решения локальных проблем в природе, достижения того, что без аффекта не достигнуть.

Страсть есть только у человека. Она в нас, но от нас не зависит. Мы не субъекты по отношению к ней. Мы пассивны. Она активна. Ей противостоит разум, который хочет полной власти над ней. От того, что в нас, но независимо от нас, нельзя избавиться при помощи разума. Страсти нужно пережить. Человек – это эмоция переживания. Страсть асоциальна. В страсти находится энергия творчества и одновременно угроза культуре.

У цивилизованных людей разум и эмоция отделены друг от друга. Они противоположны. Канту пришла мысль: есть слепое воображение. Что значит слепое, слепая функция души? Только вслепую можно соединить эти противоположности. Появляется этот монстр под названием «трансцендентальная схема». Эта схема очень интересна. Мы перестали быть аффективными. Что не употреблено, то исчезает, посажено на цепь. Страсти и аффекты посажены на цепь. Мысль требует страсти. Какие мысли, если нет страстей? Тощие, худенькие, плоские.

Человек без эмоций – это не человек, а некое техническое устройство. Сущность человека не в технике, а в религии. Сущностью того, чего является техника, называется постчеловеком.

Лекция 4. Введение в философскую антропологию.

Разделение разума и эмоций. Сущность человека в религии. Техническое отношение к миру и человеку. Парменид.

На этой лекции заканчивается вводная часть. Это была кратко сжатая схема всего курса, чтобы Вы могли ориентироваться. Я буду читать какие-то вещи и тут же разбирать их. У меня остался из введения один фрагмент, и сейчас мы его разберём.

Разделение разума и эмоций.

Я вам говорил о том, что **у нас, людей цивилизованных, отделены друг от друга разум и эмоции, или аффект**. Это неправильно, это нехорошо. Из этого есть следствие: технический человек. Нам говорили: будьте сдержанными, учитесь властвовать собой, будьте внимательными, не впадайте в раж, будьте разумными в любви, не бросайтесь, очертя голову, сто раз подумайте, пощупайте, проверьте, посчитайте. У русских, например, чрезмерные чувства к французам. Любят неистово, дерутся, муж бьёт жену, жена бьёт мужа, потом надо в суд подавать, а, оказывается, они любят друг друга и очень любят детей.

Вы же понимаете, что я имею в виду, когда говорю «следствие»? Всё время имейте в виду алгоритм. Кто вы такие? Вы порядочные, вы дисциплинированные, вы соблюдаете норму, **вы соблюдаете правила, но вас легко заменить.** Вы не нужны. Вы органика, хотите есть и пить. Мы вас заменим. Вас обманули. Когда вы вступали в договор с социумом, вас обманули. Социум говорил вам: «Я вам дам бытие-вместе, но при некоторых условиях. Вы не останетесь одни. Один не выживешь».

Какие это **условия социума**?

- Ты не должен говорить на своем языке. Социум даст язык. Мы его получили.
- Ты не должен говорить от своего имени.
- Ты должен забыть про себя.
- Ты будешь всегда четвёртым. Это значит, что ты будешь всегда повторять то, что будет говорить первый, второй и третий. Даже если ты не будешь понимать и будешь чувствовать, что что-то не так. Ты обязан повторять.

Для того чтобы выскочить, нужно быть непорядочным, неглубоким, непоследовательным, нужно говорить от своего имени, чтобы тебя не понимали. Тогда

неизвестно, что с тобой делать. Тогда тебя нельзя заменить. Ты выпал из технического отношения к себе. Например, ты роскошный дирижёр. Их всего два: Фуртвенглер и Караян. Повторить их мы никак не можем, автомат не сработаёт.

Итак, мы заключили договор, но социум не даёт бытие-вместе. Он обманывает, вводит в заблуждение, играет видимостями. Как говорил один классик, нельзя жить в обществе и быть свободным от общества. Кто это сказал? Ленин. Был такой русский философ, деятель. Это правда. Никакой свободы, пока вы живёте в социуме. Это призрак. Вас водят за нос, вам обещают. Итак, разум и эмоции отделены друг от друга.

Сущность человека в религии.

Это разделение стало губительной социальной практикой для человека. Она предназначена для усмирения страстей. В ней изначально мыслилась какая-то идеальная жизнь человека без эмоций. А это техническое отношение, техническое устройство. Сущность человека не в технике, а в религии. Наша суть в религии не потому, что мы верим в Бога, а потому что **мы подчиняем себя грёзе.** Мы единственные, которые это сделали и открыли тем самым новый горизонт. В этом горизонте мы стали называться человеком.

Подчинить себя галлюцинации - это значит спать наяву. Мы непрерывно спим наяву и так до скончания. А почему нам, спящим наяву, нужно верить в Бога? Потому что без него никак нельзя. Без него будет что угодно, то есть ничего не будет. **Всё возможно – это то же самое, что ничего невозможно**. Даже во сне не всё можно. Бог – это не всё можно. Помните, у Достоевского всё позволено, Бог умер – мы теперь гуляем. Теперь всё возможно, можно убить старуху.

В русской культуре, в философии был такой Розанов. У него на эту тему было так: гуляй, душенька. Есть свобода, есть судьба. Эти две вещи нужно связать. Всё случайно или у всего есть причины? Розанов говорит: «Я пришёл в мир, и социум подчиняет меня. Послушайте: я, может быть, один раз пришёл в эту жизнь, и вы мне ставите какие-то заборчики, ограды, границы, правила. Гуляй, душенька моя. Куда хочешь и как хочешь. Единственное - вечером пойдёшь к Богу и ответ дашь». Это и есть ограничение. Потом взяли и отрезали: а не надо вечером никуда идти с ответом.

Классическая философия старалась разбудить человека. Особенно усердствовал Спиноза, заявивший, что человек находится в рабстве у страстей. Поэтому мы не любим Спинозу. Без Бога, говорим мы, ничего нельзя. С Богом не все можно. Поэтому мы против разделения человека на разумную часть и на аффективную. Мы говорим: нет разума без эмоций и нет эмоций без разума. Разум сам по себе – враг мышления.

Техническое отношение к миру и человеку.

Техническое отношение к миру – это второе следствие разделённости. Подчинение человека грезам – это изъятие человека из природы. Но место человека в ней зияет пустотой. Любое заполнение этой пустоты будет техническим. Техническое началось не с орудия, не с палки, оно началось с прирученного животного. Приручить животное – значит разорвать вяжущие связи биосферы, нарушить круговорот живого вещества. Орудие, машина, автоматическая система машин – это всего лишь расширение присутствия неорганического в сфере органического. Предел этого расширения – в техническом отношении человека к самому себе, заменяющем органическое на искусственное. Социальные практики усмирения страстей дополняются практиками на уровне генной и клеточной инженерии. В результате этих практик человек, как штопаный чулок, превращается в некий синтез органики и машины. Как птенцы на птицефабриках превращаются в биомассу, встроенную не в биосферу, а в порядок технического, так же и человек в стремлении к бессмертию идеально устроенного человека приближается к сингулярной точке, в которой заканчивается время человеческого, а вместе с ним заканчивается и эпоха технического. И начинается немыслимый мир нечеловеческого.

Парменид.

План такой: я прочту вам фрагменты, дошедшие до нас от Парменида благодаря разным авторам, расскажу, на что обратить внимание. Вас спрошу, что вы думаете.

То, что понравилось мне, то, о чём буду я говорить всё время, Хайдеггер не рассматривает. Он цитирует это место, это тридцать вторая строчка из стихов Парменида. Он начинает с двадцать второй. Каждую разбирает, дойдёт до тридцать второй – ноль, ничего.

У меня три варианта перевода Парменида. Я выбрал один. Если вы уже что-то поняли из того, что я говорю, то постарайтесь подумать, какие именно строчки будут подходить для меня, какие я возьму. Итак, то малое, что на вес золота, - Парменид, часть 1:

Те кобылицы, что носят меня, куда дух пожелает,
Были со мной и меня увлекали на путь многовещий
Той Богини, что всюду ведет приобщенного к знанью.
Мчался я этим путем, искушенные лошади в беге
Крепко держали ярмо, а девы казали дорогу.
Ось, накаляясь в ступице, свистела, подобно свирели,
Ибо стремили ее, вихревым вращаясь вращеньем,

Два колеса с двух сторон, а дочери светлого Солнца,
Бросивши за собой чертоги сумрачной Ночи,
К свету меня торопили, откинув с голов покрывала.
Там восстали Врата меж стезею ночной и дневною -
Притолока в выси и порог из твердого камня,
А между ними эфирный проем и огромные створы;
Держит от них двойные ключи казнящая Правда,
К ней-то ласкательно речь обратили сопутные девы
И умолили искусной мольбой поспешить перед ними
Сдвинуть с ворот железный засов. Зазияло безмерным
Зевом разъятие створ, повернулись медные стержни
В гнездах, один за другим, утвержденные справа и слева
Скрепами и острием; и меж них на широкий и торный
Девы направили путь моих лошадей с колесницей.
И благосклонно Богиня меня приняла, и рукою
Правую руку взяла, и вещала ко мне, и сказала:
«Юноша, спутник бессмертных возниц, под чьею охраной
Лошади эти тебя домчали до наших чертогов,
Радуйся! ибо не злая судьбина тебе указала
Странствовать этим путем, столь дальним от троп человечьих,
А указали Правда и Суд. Познай же как должно
И кругловидную Истину с сердцем незыбким, и вместе —
Мнения смертного люда, которым нет истинной веры;
Нужно, однако, и то изучить, как мнимости эти,
Все проникая насквозь, убедительны виделись людям.

И другой перевод последних строчек:

Как убедительной Истины непогрешимое сердце,
Так и мнения смертных, в которых нет верности точной.
Все ж таки ты узнаешь и их: как надо о мнимом
Правдоподобно вещать, обсуждая все без изъятья.

В третьем переводе другая фраза: «как правдоподобно говорить о кажущихся вещах». Социум принимает при одном условии, если ты будешь правильно говорить. Правильно говорит четвёртый, когда повторяет первых трёх. Речь идёт о том, как правдоподобно говорить, не истинно о кажущихся вещах. Так мы живём.

Теперь вторая часть, начинается с 32 строчки. Это часть поясняет, как правдоподобно говорить о мнимости, которая видится людям.

Слово тебе изреку — склони же внимание слуха! —
Слово о том, какие пути предлежат разысканью.
Первый тебе указует: «Есть!» и «Не-быть — невозможно!»
Это — путь Убежденья, оно же вслед Истине правит.
Путь же второй указует: «Не есть!», «Не-быть — непременность!»
Этот путь — так я говорю — уводит в незнанье,
Ибо тебе ни уведать того, что не есть, невозможно,
Ни об этом сказать.

Теперь скажите, пожалуйста, если я говорю, я соединяю бытие с временем, что я делаю? Я следую правилу, установленному Парменидом или нет? Нет, конечно. Всё шиворот-навыворот. Нельзя этого делать. Хайдеггер делает незаконную работу. Зачем он это сделал, если всё не так, у Парменида не так. Он посягнул на изначальное. Зачем?

Зачем Гегель соединил бытие и ничто? Ведь было сказано: нельзя этого делать. Или, как любит говорить Хайдеггер, человечество пошло куда-то не туда. Что случилось с нами? Вы, конечно, понимаете, зачем это нужно Гегелю, так появляется диалектическая логика, а бытие и ничто – это начало.

Нужно потребовать объяснения и обоснования этой связи: бытие и время, бытие и ничто. Нужно продумать, что это. Это проблема, за которую нужно отвечать. Теперь 3 часть:

...мыслить и быть — не одно ли и то же?

Вы думаете, Хайдеггер много по поводу этой фразы написал? Нет, ничего.
Посмотрим, что Парменид говорит дальше.

Взглянь на то, что не рядом, но что на уме неотрывно, —
Ибо уму не рассечь сопричастности Бытного с Бытным.
Ни рассеяв его целиком во всяком порядке,
Ни воедино собрав.

О чём мысль ваша? О том, что не рядом. Я упираю на некоторую пространственность. Вы получили золотой ключ.

Итак, появляется мысль. Время отсекли. Ничто нельзя. А что можно? Появляется слово «мысль». Но, если это одно и то же, что и быть, то зачем отдельная глава и этот вопрос? Значит, это не одно и то же? Или это одно и то же, но в каком смысле? Где ты взял мысль? Почему ты должен связать что-то с мыслью? Зачем? Бытие есть бытие. Я есть я, как сказал Кант, и больше ничего не надо. Это и есть тождество, единство. Я есть, и больше ничего нет.

«Взглянь на то, что не рядом, но что на уме неотрывно». О чём мысль? О том, что не рядом. Я вам открою тайну: люди так устроены, они галлюцинируют, а это время. Что делают люди? Они представляют всё во времени. Они не мыслят. Парменид сейчас будет называть их глупыми. Им говорят: мыслить бытие - это значит мыслить, а не мыслить - это значит мыслить бытие во времени. Это ключ.

Теперь приступим к отрывку о мнениях. Почему мнения? Потому что люди делают одну вещь: они мыслят всё во времени. Что будет делать Хайдеггер? То же самое. Зачем?

Быть тому, чтоб сказать и помыслить Бытное. Ибо
Есть лишь «Быть», а Ничто — не есть: раздумай об этом!
Ибо я возбраняю тебе первый путь разыскания,
Но возбраняю и тот, по которому бродят невежды,
Люди о двух головах, в чьем сердце беспомощность правит
Праздно бредущим умом. Глухие они и слепые
Мечутся, ошеломясь, неспособное племя к сужденью,
Те, кому быть и не быть, — одно и то же и вместе
Не одно и то же: всему у них путь есть попятный.

Кто такой человек о двух головах? Гегель. Что он сделал? Он соединил бытие и ничто. Ему сказали, в лучшем случае быть и мыслить, но быть и время - это какая-то глупость.

До меня доходит через две с половиной тысячи лет вот эта страсть Парменида, которая даже через переводчика проникает.

Ибо ничем нельзя убедить, что Не-бытное может
Быть. Воздержи свою мысль от этой дороги исканий:
Пусть тебя на нее не толкнет бывалая свычностъ,
Чтобы лелеять невидящий глаз, полнозвонное ухо,
Праздный язык. Будь лишь разум судьей многоспорному слову,
Произреченному мной!

«Пусть тебя на нее не толкнет бывалая свычностъ». Что это такое? Привычка. Ко всему привыкает подлец, человек.

К чему не толкнёт? Чтобы лелеять невидящий глаз. Чтобы лелеять полнозвонное ухо. Я слышу только себя, я никого не слышу. Праздный язык, неистовый, без цели. Это безумие! Сколько бесцельных безумцев неистовствуют.

На этом пути остается
Только то, что Есть. На этом пути перед нами
Много примет у него: оно нерожденно, несмертно,
Цельно, единородно, недвижно, полнопредельно,
Не было и не будет, но есть, но ныне, но вкупе,
Слитно, едино.
Какое ему ты приищешь начало?
Как и откуда ему возрасти? Из Небытного Бытным
Я не дозволю его ни сказать, ни подумать: ни сказа
Нет, ни думы о том, что не есть. И какая потреба
Из ничего повелит ему стать — иль раньше, иль позже?
Нет: или только быть, или только не быть ему должно

В своих «Чёрных тетрадях» Хайдеггер скажет: «Я хотел заново поставить вопрос о бытии. Не получилось. И книга моя «Бытие и время» - хлам». Но вы не знаете этого. На этой книге лежит вся онтология. Он это пишет, а вы читаете – лишь бы нести что-нибудь. Хайдеггер очень твердый человек. Он говорит и никогда не отказывается от своих слов. Ни под каким предлогом. Вы можете его пугать тюрьмой, расстрелом. А здесь он признается: не получилось. Хотел, но был глуп. Хотел встать рядом с Парменидом, хотел переделать, поставить заново, со временем соединить. Книгу написал, но провалился, господа.

То, что было, — не есть; не есть и то, что в грядущем.
Вот и погасло Рожденье, и стала неслышима Гибель.
Далее, всё подобно себе, потому — неделимо:
Нет нигде ничего ни больше, ни меньше, — слиянность
Не нарушима ничем. Всё единым исполнено Бытным,
Всё слиянно, что есть, Бытным к Бытному плотно приникнув.
Так в пределах великих оков существует недвижно
То, чему нет ни конца, ни начала: и Смерть и Рожденье

Изгнаны, их отвела достоверная Истины сила.
Так, само в себе и само по себе пребывает
Бытное там, где оно неизменно лежит. Неизбежность
Мощная держит его, сжав кругом, в оковах предела,
Ибо тому, что Есть, невместна незавершенность.
С ней бы оно нуждалось во всем, а оно есть безнуждно.
Мысль и цель этой мысли — одно: ведь ты не приищешь
Мысли без Бытности той, которая в ней изречется.
Ибо нет ничего и не будет на свете иного,
Кроме Бытного, кроме того, что Мойра в оковах
Держит недвижным и цельным. А все остальное — лишь имя,
Все, что смертные в вере своей как истину ставят,
Все, что есть и не есть, рождается и погибает,
Место меняет свое и меняет яркие краски.
Так как оно — последний предел, то оно завершенно
Сразу со всех сторон, как тело круглого шара,
Вкруг середины всегда равновесного, ибо не нужно
Быть ему ни с какой стороны ни больше, ни меньше.
Ибо Небытного нет, чтоб сдержать его в этом стремленье,
Так же, как Бытного нет, чтобы сделалось больше иль меньше.
Бытное там или здесь: оно везде нерушимо,

В следующий раз я вернусь к Хайдегеру, прочту Рильке, но сначала полистайте сами.

Лекция № 5

О свободе. Парменид. Рильке. Протагор

О свободе

Свобода - это произвол. Свобода - это каприз, нечто не алгоритмизуемое. Человек изначально свободен, ибо он рождён в палеолит взрывом галлюцинаций, разрушившим сдерживающие органическое цепи эволюции. Всю свою историю он, оставаясь художником своих галлюцинаций, искал алгоритмы, то, за что можно было бы ухватиться и выжить, потому что всё случайно. Если всё случайно, то ничего нельзя. А если не всё случайно, то появляется техническое. И это техническое заполняет пустоту органического, образованную изъятием человеком самого себя из природы.

Алгоритм - это надежда на то, что не всё призрачно, не всё случайно. И что-то можно сделать, положив себя в основание новых цепочек причин и следствий. В мире, в котором есть законы, и они постоянны, для всего есть причины. В мире грёз всё случайно, и мы свободны.

Никакой внешней свободы не существовало и не существует. Во внешнем есть лишь причины. Существует только внутренняя свобода, а это значит, что и на дыбе человек свободен. Понятие о социальной свободе - это призрак, посредством которого социум пытается манипулировать сознанием человека. В обществе никогда не было и никогда не будет свободы. Нельзя жить в обществе и быть свободным от общества.

Что такое общество? Это не группа людей, не множество определённых существ. Причиной общества всегда является четвёртый человек, ибо четвёртый – это тот, кто обязан повторить то, что до него говорили первые три человека. Четвёртый говорит о том, что он не чувствует. Общество основано на разрыве между тем, что человек говорит, и тем, что он чувствует.

Общество соблазняет одиноких по своей сути людей тем, что обещает им бытие вместе, но за это бытие человеку надо заплатить. Чем? Отказом от себя, отказом от своего языка. Каждый в обществе должен говорить на языке другого. Никто не имеет права говорить на своем языке и от своего имени. Язык алгоритмизует свободного человека и тем делает его пригодным для жизни в обществе.

В обществе человек сталкивается с привилегиями или с отсутствием таковых. Свобода в обществе – это всегда привилегия немногих. За этими немногими стоит сила. Когда привилегия становится привилегией всех, свобода исчезает. Сила остаётся на стороне того, за кем идут массы.

Для русского сознания свобода начинается и заканчивается в пространстве быта. Мы знаем бытовую свободу. Нас не интересует политика, ибо политика – это привилегия для немногих и не самых лучших. Этим мы отличаемся от европейцев, которые к свободе присоединили политику. Они хотят политической свободы, ибо быт у них есть нечто алгоритмизуемое. Тогда как у нас политика алгоритмизуется вождем, правителем. Для нас политические свободы - это обман слабого сильным. В любом обществе всегда есть одна привилегия: быть сильным по отношению к слабым.

В русском сознании место свободы занимает воля. Это хорошо выразил В.Розанов, сказав: гуляй душенька, гуляй милая, ведь не для того ты родилась, чтобы гулять по правилам, по законам, по алгоритмам. Гуляй без правил. Гуляй по своей воле. А вечером к Богу пойдёшь, ответ держать будешь. И вот вечер настал, а идти не к кому.

В любом человеке в каждый момент встречается воля и судьба. Свободное доопределение и необходимая предопределенность. Покорного судьба ведет, а непокорного тащит, как говорили стоики. Мы всегда свободны, и одновременно мы всегда принадлежим судьбе. Судьба - это не воля и не каприз, это то, что нельзя обойти, избежать.

Неволя, то есть судьба, тянет нас к миру вещей, к объективному. Воля отдает нас миру грёз, призрачному бытию. Призрачное бытие - это субъективный мир призраков. В мире объектов нет призраков. Своей волей мы поселяем их в будущее. Социальные революции, например, - это реализация в наличном бытии призраков из будущего.

Свобода родилась, как многие думают, не в 18 в. во Франции. Революция - это не торжество свободы. Иллюзия свободы родилась, как скажет Г. Федотов, в совместной жизни государства, университета и церкви в Средние века.

Опасность для свободы возникла тогда, когда мы соблазнились идеей о том, что знание - это сила, когда мы науку захотели превратить в непосредственную производительную силу. Технологическое применение науки погубило, прежде всего, саму науку. Мы узнали природу ценой незнания самих себя. В мире, в котором много знания, мало веры. Нас захватила радость от принадлежности к техническому действию. Мы все устремились в погоню за алгоритмами. Нам захотелось быть профессионалами, но мы не знали, что техническое действие нуждается в инструкции, а не в мысли.

Кто много действует, тот мало мыслит. Техническое отношение к миру приучило нас к порядку в мыслях, к последовательности в действиях. Мы отвернулись от самих себя. Мы потеряли Бога. Мы стали атеистами. «Атеисты - это последние отбросы отсутствия Бога», которые заполонили мир.

Человечество нашло утешение в спорте и в нелюбимом Платоном лицедействе. Свобода окончательно погибла в страшном для России 20 в. Именно в нём то, что есть снаружи, совпало с тем, что есть внутри. Даже Хайдеггер не понял, что произошло, когда

сказал в Пармениде: «То, что есть снаружи, и что вообще есть, будь то «снаружи», «внутри» или «вне» пространства, - об этом мы знаем только из знания бытия, которое само бытийствует как свободное, в чьём просвете сущее находит вход в несокрытость, из несокрытости, восходящее в проявление, а с ним - лад присутствия».

Он сказал и ошибся. Бытие не бытийствует само как свободное. Для этого ему нужен человек. То, что снаружи, не совпадает с тем, что внутри. Этим несовпадением существует человек. Снаружи вещи, внутри грёзы. Хайдеггер думал, что там, снаружи, и там, внутри, одно и то же. И это одно и то же зовут бытием.

Нет. Это одно и то же зовут не бытием, а цифрой. В числе схлопнулись внутренний мир и внешний. Победило техническое отношение к миру. Победил алгоритм. Искусственный интеллект оказался проворнее естественного. Человек оказался лишним. Мы потеряли человечество. Неалгоритмизуемая свобода оказалась слишком призрачной. Никто не стал умирать за неё.

Пребывая в недоумении, ещё долго люди будут спрашивать себя, что с ними стало? Куда делась свобода? Куда делся человек? И им необходимо вновь повторять:

- То, что есть снаружи не совпадает с тем, что есть внутри.
- Снаружи - то, что существует.
- Внутри - то, что не существует.
- Парадокс состоит в том, что то, что существует нам не дано, а то что не существует, нам дано. Можно отказаться от того, что существует, но нельзя отказаться от того, что нам дано. Ибо для этого нам надо отказаться от самих себя.

Наша ошибка состояла в том, что мы думали, что у нас есть доступ к вещам самим по себе, но это не так. У нас есть доступ только к призракам, которые существуют во времени. А к тому, что существует в пространстве, у нас нет доступа.

Поэтому тем, кто ещё что-то слышит, можно сказать: не будьте глубокими, ибо глубина не дает вам возможности встретиться с собой и заговорить на своём языке. Не ходите на Болотную. Опустошайтесь. Не будьте последовательными, ибо логика выдаст вас алгоритму. Ваша сила в абсурде. Не принадлежите к порядку, ибо порядочность вовлечет вас в техническое отношение к самим себе. Вы станете простой рабочей силой. Станьте непорядочными, нелогичными, поверхностными, для того чтобы суметь выскочить из технического отношения к самим себе. Философия и искусство - это последняя территория человеческого, не исчисленного числом. Хватит ссылаться на опыт. Воображайте.

Как вы заметили, я не говорю об ответственности. Все пережили время экзистенциалистов. Сейчас можно на ночь прочесть Камю о последнем человеке или фрагмент Ницше о последнем человеке.

Парменид.

Казалось бы, совершенно академические вещи: Парменид, бытие. Но, на мой взгляд, это вещи, которые касаются нас сегодня.

Итак, резюме о Пармениде:

1. Вы должны были понять, на что я обращал внимание, на какие слова Парменида. И на какие слова не обращал внимания Хайдеггер. Почему Хайдеггер? Потому что это такая величина крупная в философии, человек чудовищно одарён. Поэтому всё, что он говорит, интересно и следует принимать во внимание.
2. «Как о кажущихся вещах надо говорить правдоподобно». Эта фраза является ключевой, а не бытие и связанное с ним, потому что если я утверждаю, что есть только бытие, то тогда мне нужно решить одну проблему.
   Это проблема такова: если есть кажущиеся и вещь, и там бытие, и здесь бытие, потому что ничего не может быть помимо бытия, бытие везде, то что мне с этим делать? Важно их отличить. Это важно жизненно, для того, чтобы можно было выжить человеку. Я говорю, что я не могу этого сделатью
   Во фрагменте «О свободе» была цитата Хайдеггера, когда он говорит эти там и здесь, то есть внутри и вовне, там везде бытие. Поэтому он не стал, видимо, анализировать эти кажущиеся вещи. Они наталкивают на мысли другого рода. Соответственно эти кажимости заставляют говорить не об истине, а о правдоподобном.
   Прочтите работу Канта «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане». Это чрезвычайно важная работа. Каждый студент уже на первом курсе должен потратить какое-то время, чтобы изучить её. Она написана в необычной для Канта манере. Это уже немолодой Кант.

Кажимость – это одна из самых интересных тем в философии ныне существующей. Кажимости, видимости, призраки, мнимости. Человек имеет свойство расширять пространства посредством мнимости, того, что не существует.

Кажимость - это то, что показывает себя в качестве того, что оно есть, хотя его нет. Если Парменид вдруг начинает говорить о том, чтобы бытие и мысль о бытии одно и то же, то я, напоминая вам о двух головах, хочу сказать: не превращается ли он в какой-то момент в это странное двухголовое существо? Одна голова – бытие, вторая голова – мысль. Не превращается ли он сам в то двухголовое существо, которое он ругал в своей работе?

Спросим себя: что означает утверждение о том, что бытие и мысль о бытии одно и то же? Если это одно и то же, то мы имеем два разных слова для обозначения одного и

того же. Слово «существовать» относится к предметам, как сейчас выясняется, а слово «грезить» относится к внутренним предметам.

В философии 20 в., на мой взгляд, постоянно совершается непонимание, ошибка, связанная с путаницей этих странных предметов, внутренних и внешних. Их нельзя растворить в одном феномене, которое называется бытием. Я уже говорил, что когда есть бытие кажущееся и бытие вещи, то не понимаешь, что делать. Это вводит в заблуждение, это путаница. Поэтому я просил вас различать: внешнее существует, а есть вещи, которые не существуют, но даны. Это нужно, чтобы различить и разбить тем самым кажущиеся вещи на некие серии.

Сегодня неверно говорить, что философию интересует вопрос о том, почему существует что-то, а не ничто. Так было. Это Аристотель, человек, который игнорировал мнимости. Всякое существование отсылает к тому, что существует и одновременно к тому, что кажется, что существует.

Наверняка вы смотрели сочинение «Что значит мыслить» и обсуждали идею возвращения. Я хотел бы в этой связи напомнить, чем отличается Ницше и Хайдеггер от Парменида. Потому что, во-первых, если Парменид говорит о возвращении, то он говорит о возвращении от того, что есть не рядом к тому, что есть рядом. От того, что есть пространственно, не во времени. От того, что есть, к тому, что есть.

Во-вторых, думать и мыслить - это мыслить бытие вне времени, вне связи. Кажимости фактически объясняются Парменидом, потому что у человека есть склонность представлять всё во времени. В этом пункте Парменид не занимался исследованием того, что сейчас интересно.

Его формула «бытие и мысль о бытии», как ни странно, отличается от следующего хода, который пытался проделать Хайдеггер в 20в. Что он сделал? То, что у Парменида галлюцинация, у Хайдеггера язык. Почему-то Хайдеггер воспротивился, он не захотел продумывать или передумывать Парменида в том направлении, которое бы привело к прояснению и пониманию кажущихся вещей, мира кажимостей.

Сегодня я к Вам пришёл со словами: господа, бытие и мысль о бытии - это галлюцинация. Хайдеггер, конечно, в гробу перевернётся, потому что у него бытие имеет совершенно другой смысл. У него бытие существует в момент вопрошания о бытии. У Хайдеггера язык - это и есть бытие, исполняющее себя в момент вопрошания о бытии. Там, где была галлюцинация, поставил язык. Соответственно, что его принуждало ко времени? Язык. Язык временной. Но Парменид прав: нельзя во времени обсуждать временное.

Рильке.

Теперь я хочу вернуться к тому, что я вам обещал. Я вам обещал элегию. Если Вы перелистывали «Парменида», то наверняка не могли не обратить внимание на цитируемого Рильке. Иногда в поэзии удачно выражается всё то, что так нудно преподаватели рассказывают.

Хайдеггер рассуждает о том, что философия, конечно, не в праве врезаться в поэзию, но уж очень нагло Рильке пишет. Они пишут в одно время. Хайдеггер делает революцию на философском факультете. Как пишет Гадамер, появился Хайдеггер, и нам стало дышать легче, потому что теория познания и неокантианцы, истинная истина – философия умирала почти, но пришел человек, и всё у него задышало.

Хайдеггер берёт читать Рильке и говорит: «Кошмар какой-то. Рильке не читал философию. Он не читал Хайдеггера. Он ничего не понял о бытии». Хайдеггер пишет, что философия не судья для поэзии. Он читал Рильке не для того, чтобы его деконструировать, но читал так, что от Рильке ничего не остаётся. А Рильке, на мой взгляд, прав, а Хайдеггер не прав.

Речь там идёт о звере и человеке. Кто мы? 20 век. Понятно, что будет говорить Хайдеггер. Я коротко скажу, чтобы вы наблюдали за тем, что делает Рильке. Такое чувство, как будто Рильке читал Гераклита, как будто бы он знал о том, что говорил я месяц назад: люди спят. Человек живёт во сне наяву. Мы спим. Вы думаете, что это метафора, и не понимаете, насколько это выражает положение дел. Рильке исходит из этой мысли автономно, но так, как будто читал.

Рильке говорит, что животные живут в вечности. У них нет времени. Они живут в пространстве. Оно им открыто, им всё открыто. Они не умирают. Если вы прочтёте ту работу Канта, о которой я говорил, то увидите такую мысль: человек никогда не может доделать то, что он делает, и умирает, не доделав, и жизнь наша трагическая.

Жизнь и самого Канта трагическая, жуткая. За несколько лет до смерти он пишет письмо Гарве и говорит, что он физически здоров, ясно видит целое, но не может ничего сделать. Закон жизни другой: нужно умереть, не доделав. Обратите внимание в той работе на антагонизм в обществе, когда разрываешься на две части.

У Рильке животное открытое. Почему? Смерть для кого? У кого есть сознание смерти. Что отсюда следует? У кого чувство реальности?

Если вы думаете, что социум можно составить комбинацией тел, то вы ошибаетесь. Это не социум. Социальность – это, когда я терпеть не могу других людей, они меня раздражают, они не выносимы, но в то же время никак не могу без них, потому что только среди них возникает чувство человека. Вот зачем социум. Люди собираются,

каждый со своим взглядом, и начинается трение. Только здесь возникает чувство человека. Ровно так же запомните, что никаких реальностей нет. Есть только чувство реальности.

Хайдеггер читает Рильке, которой пишет, что смерти нет. Животное умирает и идёт в вечность к Богу, как растворившийся сахар в стакане. Но есть существо, которое не может раствориться.

Сейчас, когда я вам говорю о компостерах, пугая вас, вы такие невинные не понимаете, что сейчас вновь обсуждается вот эта странная вещь: мы открыты или мы закрыты? Я говорю, что человек – это, прежде всего, аутистическое существо. Он замкнут на себя. Разомкнутый - это компостер, это движение к миру, где надо быть миром, как животное. Тогда нет проблемы смерти, конечности.

Хайдеггер читает и говорит, что Рильке не понимает, что человек и животное следуют от сущего к сущему. Человеку дано слово. Он преодолевает эти пределы сущего, и он говорит о бытии. Вы можете занять любую позицию: Хайдеггера, Рильке, свою. Есть миллион переводов. Я выбрал несколько.

Перевод №1:

Вся тварь земная множеством очей
глядит в открытый мир. Лишь наши очи
погружены всегда в самих себя
и вольный мир не видят из капкана.
О том, что там творится, нам твердит
лишь облик зверя: малого ребенка
мы уклоним с пути и детский взор
насильно обратим назад, подале
от той открытости, что нам видна
в очах звериных, смерти не подвластных.

Сейчас я этот фрагмент передам в том виде, в каком его цитирует Хайдеггер. У него там чуть жёстче.

Перевод №2:

Во все глаза взирает тварь
В открытое. Лишь наши очи
Обращены вовнутрь, мы в них ее поймали,
Как в западню, закрыв свободный выход.
То, что снаружи, знаем мы
По одному лишь лику зверя…

Перевод №1:

Лишь нам знакома смерть. Но вольный зверь;
как прошлое, давно отринул гибель,

Поэтому мне жаль экологов, людей, которые переживают за животных. Это не значит, что нужно мучить зверей. Сейчас переживают за права зверей, хотят их утвердить. Я не думаю так. Я согласен с Делёзом: не надо к животным относиться по-человечески. Это смешно и нелепо выглядит. Люди звереют тогда. В этом «по-человечески» есть что-то звериное. Больше того, помните, у Кафки есть рассказ, в котором он пишет про дрессированное животное? Он рассказывает, как дрессированное животное смотрит на дрессировщика. Этот взгляд ужасен, там столько всего, потому что он хочет в открытое, а не развлекать публику. Как пишет Аристотель: слоны такие умные, один даже всегда приветствует царя. Что это такое? Об этом и две тысячи лет назад было стыдно говорить.

... Но вольный зверь;
как прошлое, давно отринул гибель,
И если он умрет, то в вечный мир
он перейдет, как осушенный кладезь.
От нас укрыто, скрыто навсегда
то чистое пространство,

Пространство. Я всегда вам говорю, что есть то, что существует во времени. Есть в пространстве, а есть во времени. Этот мир временных призраков нам дан и никогда не учитывался в философии. Это ошибка колоссальная.

то чистое пространство, где цветы
незримо расцветают. Видим мир,
но мы неявленным обделены,
нездешним и ничем не охраненным,
той чистотой, которою мы дышим,
забыв желанья. Ею грезит часто
дитя, когда баюкают его, —

Чемпион. Кто чемпион? Ребёнок. Он живёт в мире грёз, а потом происходит социализация, алгоритмизация. Начинается в садике, и к пяти годам уже социализирован, десять лет в школе, восемь в университете, и готов.

Ею грезит часто
дитя, когда баюкают его, —
но лишь до пробужденья. Или смертник.
На грани смерти мы не видим смерть
и дерзко смотрим за предел, как звери.
Любовники, когда любимый им
не застит взора, смотрят изумленно:
что брезжит им порой, как бы ошибкой,
из-за плеча любимого?..

Любимый закрывает мир. Хочется дорогу проделать в мир ещё, а он говорит: «Куда? Я твой мир».

Но дальше
никто не видит, возвращаясь в мир.
Лицом всегда обращены к творенью,
свободы отблеск видя только в нем,
мы сами застим этот отблеск. Зверь
глядит сквозь нас безмолвно и спокойно.
Судьбой зовется это: быть вблизи,
вблизи, вблизи — и в вечном отдаленьи.

Это почти Кант. Чем европейская культура славна, ты можешь неожиданно встретить философию. В русских произведениях тоже можно Канта встретить, например у Достоевского.

Судьбой зовется это: быть вблизи,
вблизи, вблизи — и в вечном отдаленьи.
Когда бы был сознаньем наделен
спокойный зверь, идущий нам навстречу
своей дорогой, — он бы нас увлек

Он бы сказал, что вы мучаете себя?

своей дорогой, — он бы нас увлек
с собой иным путем. Но бытие
его неизмеримо, непостижно,

и чистый взор в себя не обращен.
Где мы — грядущее, он видит все,
себя — во всем, и чует исцеленье.
И все же теплый и тревожный зверь
изведал также вес и тяжесть горя.
Ведь и ему знакомо то, что нас
так часто поразит: воспоминанье.
Как будто все, к чему стремимся мы,
когда-то было ближе и безмерно
нежней, чем ныне. Здесь — отдалено,
там все вблизи дышало. После прежней
так зыбко-мнима новая отчизна.
О, малой твари дивное блаженство —
она родного лона не покинет;
о счастье мошки, пляшущей под кровом
и в брачный час: весь мир — ей отчий кров.
Но погляди на полуробость птицы,
и вольной, и невольной от рожденья,
как будто бы она — душа этруска,
чей саркофаг, где мирно спит мертвец,
его спокойный облик украшает.
А как ушастый удивлен летун:
рожденный матерью, взлететь он должен.
Как бы пугаясь сам себя, он режет
крылами даль. Так трещина бежит
по чашке вдоль. И вечер, как фарфор,
разбит летучей мыши трепетаньем.
Но мы лишь созерцать обречены
и видеть все, но видеть безучастно!
Мир полнит нас. Мы все приводим в строй.
Все рушится. И рушимся мы сами.
Кто нашу суть так омрачил, что мы,
как ни бунтуй, похожи неизменно
на уходящего? Как он, взойдя
на холм высокий, на родные долы
в последний раз глядит, и медлит, ждет,
вот так и мы живем, всегда прощаясь...

Мы потеряли человечество. Апокалипсическая нота в современной философии всё явнее слышима и всё больше будет слышаться.

Перевод №2:

Но мы же зрители всегда,
Везде, всегда и никогда во вне.
Нас распирает, мы вершим порядок,
и сами распадаемся.

Хайдеггер видит вину Рильке в том, что он употребляет слово «тварь», не вспоминая Творца. Одна тварь сотворена, и вторая тварь сотворена. Одна со словом, а вторая без слова.

Для Хайдеггера человек – это разумное животное, хотя это не единственная формула, встречающаяся в античности. Эта идёт от Аристотеля. Разумное – значит просчитывающее свои действия, сущее для него - это объекты, предметы, а он, конечно, субъект.

Как только заходит тема о субъекте, я хочу пометить вот какую вещь: субъект в изложении Декарта прозрачен, это призрак. Я имею в виду, что вы занимались теоретико-познавательными проблемами, человеком, который в сознании, знает самого себя, прозрачный для себя - это описание призрака под титулом субъект. Поэтому когда говорят «субъект сдулся» - это значит, что призрак рассеялся.

Хайдеггер полагает, что человек имеет слово и, имея слово, смотрит в открытое, то есть за пределы. Он смотрит за пределы и видит некое сущее. Хайдеггер совершенно не берёт в расчёт, какие пределы он может смотреть. Что вообще может грезящее существо?

Вспомните все три вопроса Канта. На что я, грезящий… Не вообще я. Я – это призрак, придуманный Декартом. На что именно я, грезящий, могу рассчитывать? На что мне надеяться? Мне, грезящему. Что я могу знать? Я, грезящий.

Хайдеггер обвиняет, что животное идёт от сущего к сущему в бесконечность и никогда не выйдет в открытое, потому что у него нет слова. У Рильке человек видит сны, он замкнут на себя, животное у него не замкнуто, открыто. Это возмущает Хайдеггера, который полагает, что человек - это историческое существо. Историческое в смысле с внутренней историей, принадлежит истории, а история – это, когда передают как эстафетную палочку, когда не доделали.

Шла война, Сталинград, а Хайдеггер писал, рассуждая о жаворонке, о вертолётах и самолетах: «Конечно, камень, равно как самолет, никогда не смогут, ликуя, живо вознестись к солнцу, как это делает жаворонок, и тем не менее эта птица не видит

открытого». У него нет слова. Жаворонок, конечно, ликует, но как самолёт, как камень, не видит открытое. «Нельзя думать, что где-то существует некое человечество, которое создаёт себе некое представление о бытии и затем наделяет себя им». «Бытие и истина бытия существенно выше всякого человека и всякого человечества».

Кризис метафизики начинается в момент, когда Хайдеггер скажет, что всё-таки бытие зависит от человека. С моей точки зрения, это кризис.

Протагор.

Я сейчас пробегаю истоки сингулярной антропологии, в которой человек – это не центр вселенной, а недоразумение.

Протагор, по моим понятиям, - это антрополог античности. Греки почему-то назвали его софистом. Это заклёванный антрополог античности. Для греков человек - это самое неинтересное, такой же, как слон, но легче устроен.

С тех пор софизм стал неизменным спутником европейской философии, невольно и непрерывно напоминая ей о забвении человека. Протагор выразил мысль Гераклита о том, что люди видят сны наяву в таких словах: «Человек есть мера всех вещей, существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют».

Человек как мера всех вещей означает не то, что человек как ремесленник изготовил вещи и учредил их. В этом суждении главным является слово «всех».

Протагор умный. Что он знает? Вы думаете, что есть вещь, или её нет? Это не имеет никакого отношения к делу. Это не вещь, не что-то там, рядом, но не здесь, как у Парменида. Потому Парменид и не антрополог, хотя то, что он написал о кажущихся вещах – это грандиозно. Что означает фраза Протагора? Она о том, чего нет, но что нам дано. Бытия нет, но оно нам дано. Оно нам ближе всего, а ближе всего нам наши грёзы.

«Всех» означает и те вещи, которые мы видим, бодрствуя, и те вещи, которые мы видим во сне. Грёзы. «Существующих и не существующих» - этим он объял всё. Протагор не употреблял слово «бытие», потому что надо было потом поставить слово «дано» и закрепить, а не говорить доступно или недоступно.

Слово «всех» касается вещей существующих и вещей несуществующих, ибо существующими будут не вещи, которые признаны человеком существующими, и несуществующими будут не вещи, которые признаны не существующими. На одну вещь всегда два человека будут реагировать по-разному.

Ветер одному покажется холодным, другому тёплым, потому что люди различны. Это самые простые и понятные вещи. Вы читаете, например, скептиков: как они с удовольствием описывают людей! Этому сладко, этому солёное. Один говорит: «Это

добро, я у тебя украл». Другой говорит: «Это зло, ты у меня украл». Одно и то же, но там зло, а тут добро. Где справедливость?

Человек вообще относится к тем, кто не имеет доступ к вещи самой по себе. Тем не менее, он всегда формулирует законы относительно мира вещей, только это он научился делать. Может быть, уже близко это исчерпание, потому что в науке кризис.

Почему он не имеет доступа? Потому что люди галлюцинируют, окружая себя кажимостями. Поэтому даже законы геометрии - это кажимости, которые разделяют все люди. Кажимости или общественно необходимые иллюзии, или общественно необходимые кажимости. Необходимо, чтобы жить вместе. Об этом будет говорить Гераклит.

Это и есть реальность. То, что мы разделяем, вяжущая связь этих странных вещей. При этом терпеть мы не можем друг друга. Попытка найти равновесие – это иллюзия, неразрешимая задача.

Этические ценности - это то, что кажется всем. Границей одной кажимости является другая кажимость, которая делит всех на нас и на их. Мы - это те, которые объединены одной этической ценностью или кажимостью, а они - это те, которые объединены другой этической кажимостью. Кажимости существуют, если мы к ним относимся как к чему-то действительно существующему.

Правильными являются те действия, которые кажутся правильными до тех пор, пока люди не перестанут считать их правильными, а пока они считают их правильными, они объединяют нас словом «мы». Никто никогда не думает правильно, хотя одни люди умнее других. Общее определяет закон, но не закон для нашего полиса. Это не закон, это закон для другого полиса.

Лекция № 6

Интеллектуал и философия. Протагор. Спиноза. Гераклит. Платон.

Интеллектуал и философия.

Я хочу напомнить о том, что наша жизнь состоит из событий. Но еще в ней есть смыслы. События и смыслы понимают в сингулярной антропологии не так, как их понимают во французской философии. Каждое событие является катастрофой для смысла. Смыслы - бессобытийны. События – бессмысленны.

В современном обществе явно преувеличена роль всех тех, кто создает событийную сторону жизни. Среди этих «всех» мы видим шоуменов, спортсменов и политиков. В последнее время к ним присоединился еще и интеллектуал.

Интеллектуал не имеет какой-то определенной профессии. Вернее, его профессия быть экспертом, тем, кто во всеуслышание объявил себя носителем какого-то особого, невиданного ранее знания. Интеллектуалы называют его экспертным знанием.

Я думаю, что любым событиям противостоят смыслы. Смыслы лишают события состава его событийности и этим интересны. Между смыслами и событиями всегда идет война. Интеллектуал в этой войне событий и смыслов находится на стороне события. Что же это за фигура? Откуда она взялась и что она делает?

После того как Платон рассказал нам мифы о «Пещере» и «Человеке-кукле», стало ясно, что человек – это не часть природы, что реальность – это не вещи, а объективированная иллюзия. Иллюзия же может быть либо объективирована в вещах и языке, либо актуализирована в мистериальных играх души. То, что интеллектуал в этих играх не участвует, очевидно. Правда, остается ответить на вопрос: какую роль он играет в процессах объективации ума, в созидании реальности? Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно понять, какие отношения возможны между философом и интеллектуалом.

Философ самим фактом своего существования указывает на мыслящее начало человека. Мыслить – значит круглосуточно терзать себя грезами. Философия возвещает о том, что только грезящее, то есть мыслящее существо может решиться на первый и потому бессмысленный шаг, чтобы потом, в следующий момент времени узнать, не появились ли смыслы. А это значит, что разумным существом можно стать только потом, только вторым шагом. Иными словами, философы говорят нам, что нет иного пути к уму, кроме мыслящего безумия.

Но интеллектуал не безумец, не авантюрист, чтобы заниматься философствованием. Ведь философия – это интеллектуальное юродство. А интеллектуал

не хочет быть юродивым. Он не желает терять свою солидность. Поэтому ни один интеллектуал не является философом. И ни один философ не является интеллектуалом. Есть записи с Делёзом, где он говорит, что он не особенно начитан, не интеллектуал. Интеллектуал должен сидеть, читать, знать, быть информированным. Философия не имеет к этой работе никакого отношения. Она ничего не должна не знать, не начитывать, поэтому Делёз так себя вёл.

Сегодня в мире мало философов и много интеллектуалов, тех, кто не хочет делать первый шаг, то есть преодолевать бессмысленность, кто желает начинать движение сразу со второго шага. Поэтому любой интеллектуал, как и спортсмен, – это, безусловно, разумное, но немыслящее существо.

Как разумное существо интеллектуал обращен к миру, но не для того, чтобы заниматься миром и его иллюзиями, а для того, чтобы не заниматься собой, своей самостью. Так интеллектуал поневоле становится революционером производства, то есть главной фигурой экономики знаний. Тем самым интеллектуал вступает в область производства объективных мыслительных форм – в область идеологии.

У Деррида я впервые встретил фрагмент, в котором он рассуждал о призраке. Он говорил: «Послушайте: вообще надо переосмыслить всё то, что означает «производство». Он говорил о работе как о призраке, и в этой связи надо переосмыслить всё. Это он сказал в «Призраках Маркса», и я понял, что это очень неглупый человек. Конечно, надо всё передумать и труд тоже.

После Дестюта де Траси каждый идеолог занят тем, что распутывает те немногие мысли, в которых запутался человек. Для ускорения процесса идеологи научились производить сознание. А это значит, что они научились в разные головы людей внедрять одни и те же идеи, добиваясь, с одной стороны, социального консенсуса, с другой – единомыслия.

В конце концов, работа идеолога оправдана тем, что он хочет уменьшить количество причин для распри. Действительно, мир слишком большой, а головы у людей слишком маленькие. И нужно упрощать мир, чтобы он поместился в наших головах. Но кто упрощает, тот и искажает. Упрощая, идеолог все-таки ориентирует человека в мире, оправдывая задним числом неудачные заблуждения. Идеолог создает ложное сознание, которое оказывается случайной истиной ложного мира. В этой своей роли он замещает и священника, и политика.

Но интеллектуал не упрощает мир и не оправдывает заблуждения. Он пытается говорить с миром на языке истины. Интеллектуал – не идеолог, а диссеминатор знания. Последнее обстоятельство предопределяет его отношение к власти, которая сегодня не сомневается в том, что самораскрывающейся сущностью человека являются его галлюцинации. А это значит, что каждый человек, любое общество нуждается в

определенной порции иллюзий. Все нуждаются в них, но не все их могут произвести. Только интеллектуал не нуждается в них.

Производителями социально приемлемых иллюзий остаются идеологи. Интеллектуал как основная фигура нашего общества разлагает различного рода предметные знания до уровня, приемлемого производством, сознанием. Он размельчает их до капиллярного уровня, рассеивая их как пыль, как споры, так, чтобы они проникали в головы людей, не спрашивая на то их согласия.

Сам интеллектуал является образцом отношения к миру, не опосредованному отношением к самому себе. В интеллектуале истина отсылает не к самой себе, а к другой истине. В бесконечности самоотсыла она теряется. Единственным напоминанием о ней является фигура интеллектуала, разменявшего истину на знание, на рационально устроенный порядок значений. Поэтому никто больше уже не может сказать: «Что есть истина?» и «Где она существует?». Истины нет нигде. Знание мы находим везде.

Поскольку прошло то время, когда субъектом истины могла быть только сама истина, постольку интеллектуал стал сегодня распорядителем знания, функционером истины.

Но и власть перестала быть сущностью, которая сама себя раскрывает. Теперь ее раскрывает чиновник. Он отсылает власть к тому способу, каким она есть для народа. Поэтому власть теряется в деловых мелочах службы бюрократа. Никто теперь не может сказать, где находится власть и кто является ее носителем. Поскольку власть перестала быть содержательной и становится формальной, постольку чиновник превращается в распорядителя формализованных различий. Отныне никто не видит власти, хотя она везде.

Значимость интеллектуала состоит в том, что в его фигуре функционер истины совпадает с бюрократом власти. Функционер находит у власти поддержку для истины, а бюрократ находит у истины поддержку для власти. Так они и сосуществуют, поддерживая друг друга.

В современном обществе власть видит свою опору не в среднем классе, а в интеллектуале, в том, кто порвал связи со своим уже-сознанием, со смыслами и больше не играет в прятки с миром. Интеллектуал – это не средний класс и не пролетарий умственного труда. Это всеобщий эквивалент для экономики знаний в современном обществе.

Интеллектуал чужд стратегии ускользания от мира. Он заключает с миром договор, вступая с ним в обмен пустыми знаками. Самым главным пустым знаком является его Я. Мир ему дает истину, он миру свое Я. Любой власти нужны функционеры, но не для того, чтобы была истина, а для того, чтобы у Я не было самости и не было барьера, мешающего ветвлению социальных событий и власти.

Поэтому интересно рассматривать отношения между социумом и Я. Социум – это множество поименованных других, сосчитанных из предельной точки, которой является Я. Пустое Я ничего не прибавляет к счёту и ничего не отнимает. Я – это социальный ноль, пустое имение мест. Само Я не является элементом социума. Оно желает в нём всё, кроме себя, поэтому социум всегда испытывает нехватку в Я, отсутствие которого воспринимается как пустота, как прокол или дыра социума, через которую утекает всё его содержание.

В современном обществе интеллектуал стал тем присутствием, которое замещает отсутствие Я в социуме. Но пустоту отсутствия Я не заполнить полнотой присутствия интеллектуала. Будучи поименованным, Я обращается к социуму в поисках своего имени. «Кто я?», - вопрошает оно социум. Социум может указать на статусные различия, на социальные роли, которые Я играет в обществе. Но он отказывается назвать имя Я.

Не обнаружив себя в социуме, Я может обращаться к языку в поисках своего имени. Но и я отказывается дать Я имя. Отсутствие имени в языке заставляет Я вернуться к самому себе.

Лишь именуя себя, Я может найти своё имя и сделать свою речь полной. Поименованный другим не может встретиться с самим собой. Его речь всегда будет пустой. Чтобы речь стала полной, нужно каждому говорить от своего имени. Интеллектуал слишком содержателен, чтобы дать себе имя. Он недостаточно пуст, чтобы встреться с самим собой. Он не догадался в своё время опустошиться.

Власть даёт ему статус и отнимает у него Я, лишая его тем самым собственной речи. Поэтому интеллектуал в качестве поименованного другого принуждён всё время говорить, чтобы скрыть то, что ему нечего сказать, что его речь пуста. Любая остановка речи показывает пустоту интеллектуала, а так же показывает отсутствие у него уже-сознания.

Современный интеллектуал – это даже не интеллигент, не критически мыслящая личность, не герой. Ведь интеллигент – это человек, который своими личными качествами залатывает дыры в плохо работающей социальной машине. Так в России, во всяком случае. Поскольку в России всегда плохо работает и работала социальная машина, постольку ей всегда были нужны герои труда - интеллигенты.

В Европе социальная машина хоть и портится, но работает. Поэтому ей были нужны не интеллигенты, а интеллектуалы, профессионалы.

Интеллигенция не самое удачное изобретение русской истории. Первые интеллигенты просуществовали недолго, ибо ушли в политический терроризм. Нельзя быть интеллигентом долго, если ты не ушёл в политический терроризм, иначе ты не интеллигент. Советская интеллигенция оказалась заражена страстью к наживе. Русская

ушла в терроризм, а советская - на рынок. Одна часть советской интеллигенции ушла на рынок, но другая объявила себя в качестве интеллектуала.

В современном умонастроении в России доминирует не философы и даже не интеллигенция, а эксперты, то есть интеллектуалы. Если интеллигенция хотя бы обживала смысловые поля европейской философии, отчего, правда, страдала интеллектуальной беспочвенностью, то интеллектуалы не нуждаются в воображении. Им достаточно событий и опыта, которыми они обессмысливают любые смыслы. Вот его задача – обессмыслить любой смысл.

Резюмируя, я скажу, что сегодня всё зависит от того, обессмыслят ли смыслы события, и тогда победит интеллектуал, или же смыслы лишат события состава их событийности, и тогда победит человек мыслящий, адекватным способом существования которого является молчание. Молчать может лишь тот, кому есть что сказать. Среди тишины повседневности каждому станет ясно, что интеллектуалом быть неприлично.

Протагор.

Парменид, помимо того что объявил, что бытие и мысль одно и то же, сказал нам ещё, что человек глуп, потому что то, что нужно мыслить вне времени, он мыслит во времени. Временное бытие – это то, что делает Хайдеггер потом. Это трагедия, которую лучше не касаться. Больно всем. Поэтому существуют кажимости. Мы живём в мире кажущегося. И нужно учиться правильно говорить, правдоподобно. Это гениальная вещь.

Проблема Протагора состоит в том, что он был в те времена обыкновенным носителем дров, он их прекрасно складывал. Протагор очень хорошо упаковывал. Кто его вывел в люди? Демокрит. Он сказал: «Ты хорошо увязываешь – будешь философом».

Протагор был антропологом. Его обозвали софистом, а софист – это унизительно. Да, он получал деньги. Ну, а жить-то как-то надо, как-то себя кормить надо, не воровать же. Но он не софист. Этим словом «софист» греки убили у себя на родине антропологов. Они их убили, и больше никогда антропологи не возвратились в Европу. Их не было и не будет никогда. Кант – единственный, кто пытался что-то на эту тему говорить. Его тут же уничтожили. Кто? Ницше, друзья, Хайдеггер в том числе. Поэтому Европа ничего не знает про человека, кроме мыслящего тростника, политического животного.

Все знают про пещеру Платона. Но все представляют пещеру по-разному. А эта пещера очень простая и начинается с Протагора. Кажимость, видимость – вот эта пещера наша. Европы и мы, как дальние родственники, играем в эту игру: мы, конечно, не знаем самих себя, и это цена, которую мы заплатили за некоторые наши технические знания о природе. Сегодня мы расхлёбываем. Стало понятно, что мы заблудили не туда, и что-то мы сделали не так. Нельзя ли всё это перевернуть теперь?

Не надо было убивать, не надо было называть софистом. А софизм сопровождает всю философию. Она софистична. Сейчас выражаются иначе: потому что имеет дело с языком. Не в этом дело. Философия больна склонностью к софизмам.

И даже Платон сочинил диалог, а он авторитетная фигура, уважаем не то, что Протагор. Я выставил против Протагора Спинозу, потому что всё, что делает Спиноза, - это такая явная дубина по Протагору. У меня есть фрагмент Протагор – Спиноза, чтобы вы понимали, что философия опасна. Тут надо понимать, куда ты идёшь, с кем сталкиваешься, что ты делаешь, и что это всё значит, и как это тебе всё аукнется.

Протагор говорит: «Того я и называю мудрым, кто, если с кем-нибудь из нас случится кажущееся и действительное зло…». Есть у Соловьёва работа. Называется «Поддельное добро». Вы же знаете, что человека можно изнасиловать добром? А бывает кажущееся добро и не кажущееся. Это тема сегодняшняя.

Немцы делают прекрасно. Они говорят: «Слава Богу, что нельзя отличить кажущееся от доброго». Никто не может отличить. Раз это нельзя, то это одно и то же. Кажущееся добро и некажущееся – это одно добро. Кажущийся ум и некажущийся ум – это один ум. Это просто ум. Отсюда интеллектуалы появляются.

Мы вернулись во времена Протагора. Вот его фраза: «Того я и называю мудрым, кто, если с кем-нибудь из нас случится кажущееся и действительное зло, сумет превратить его в кажущееся или действительное добро».

Вы хотели пещеру: что кому кажется, то и достоверно. В мире есть вещи, которые существуют, потому что мы хотим, чтобы они были. Что это за вещи? Трудно так показать, но они есть, потому что мы хотим, чтобы они были. Если меньше хотим, то начинает проседать, исчезает всё то, что придумали греки. Исчезают полные предметы, ум. Сейчас же нет умных людей. Есть интеллектуалы, но это неумные люди. Сейчас умный человек - это спортсмен, потому что он пробежал хорошо стометровку. Сразу вопросы: «Что вы думаете?». Его работа не думать, а бегать.

«О богах я не могу знать, есть они, нет ли их, потому что слишком многое препятствует такому знанию». Роскошная формула. «…И вопрос тёмен, и людская жизнь коротка». Это Протагор. Я вам говорил о трагедии Канта на прошлом занятии так же: жизнь коротка, а вопрос тёмен.

Вы думаете, там есть какая-то мораль? Это сон. Быть моральным – это спать наяву. Где вы видели нынче моральных людей? Мораль - это странная область, как впрочем, и эстетика. Всякие ценности, социальные и этические, - это призраки. А согласно моей терминологии: то чего нет, но что дано.

Спиноза.

А Спиноза в «Этике»:

1. Свобода – это фикция. Вычеркнул сразу всё.
2. «Невозможно, чтобы человек не был частью природы». Нет у него никакой пещеры! Скот он. Ничего в нём нет. Тело может многое, почти всё. Сознание не нужно. Делёз наслаждается, ему нравится такая философия.
3. Тогда никаких галлюцинаций не существует. «Желание есть сама сущность». Но желание – это гром, должна быть молния. Что такое молния? Это грёза. Спиноза говорит, что желание – это сущность. Он всё время что-то хотел.
   Делёз идёт вслед Спинозой, повторяя, что когда говорят «сознание» имеют в виду тело. Это такая заглушка в современной философии, на которую попались тысячи волонтёров, и с которыми сейчас очень трудно работать.

Я противопоставил Спинозу Протагору. Это две абсолютно разные философии. Понятно, что я симпатизирую Протагору. Я ничего личного не имею к Спинозе, но его философия отвратительна.

Гераклит.

Гераклит – любимец, поскольку у нас была марксистская философия, а он диалектик. У него всё совпадает со всем: война - это мир, любовь это – вражда. Это очень интересно. Я расскажу то, что не знал никто и вам этого не говорил, и говорить никто этого не будет, и Хайдеггер ничего об этом не сказал, хотя книжку написал про Гераклита.

Гераклиту противостоит Аристотель. Я расскажу сначала о двух вещах, которые я не знал и взял у Хайдеггера. То, что он тёмный, понятно. То, что он плакал, понятно, потому что люди несчастны. У Гераклита не было учителей. Кто его будет учить? Он гордый, надменен, терпеть не мог людей. Он не любил их.

Итак, Хайдеггер выделил две истории. Первая обыкновенная. Кто такой Гераклит? Он царь, отказался от власти. Брату отдал. Он из царского рода. Приезжают в Грецию, как и сейчас на экскурсию, какие-то иноземцы, иностранцы и говорят: «Ну, покажите мне этого вашего Гераклита». Все знаю, что есть у них Гераклит Эфесский. Повели к нему. Стоит хибара, осень холодная, он зябнет, бедный, жалкий человечек. Они думали, там гигант, красавец, Гераклитище. А там жалкое зрелище. Они растерялись. И он сказал гостям: «И здесь живут боги». Они же хотели увидеть Бога! Гераклит – это же необыкновенный человек. И он сбил это, поменял.

Вы знаете, почему в надо православной церкви появился иконостас? По этой же причине. Хочется заглянуть туда, а нельзя. Потому что преломление - это символическая вещь. Там физически ничего нет. И здесь живут духи, а там живут боги. Ты обернулся, взгляд наткнулся и вернулся к себе. Это преображение символическое, то есть это вход в ту реальность, которую я сейчас называю внутренним. Нельзя без этого обращения. Когда у тебя бытие-здесь и бытие-там одно бытие, как у Хайдеггера, - это грубая ошибка.

И здесь живут боги. Гераклит срывает обычность. У них проблемы, а у Гераклита всё в порядке.

Во втором рассказе всё наоборот. Храм Артемиды. Когда ты заходишь в церковь, тебе говорят: «Тише! Не балуйтесь». Сразу постное выражение лица. В этом храме проходят совещания, обдумываются проблемы полиса. А Гераклит там играет с детьми. Все удивлены. Как это? Это же храм Артемиды. «А вы что, думали, что я с вами буду проблемы обсуждать? Пошли вон», - ответил Гераклит. Он же человек прямой. У греков не было толерантных высказываний. У этих он сбил другое: важность, строгость. В одном случае: и здесь живут боги. В другом случае: не с вами же обсуждать. Это очень много говорит о Гераклите, о проницательности.

У меня много цитат из Гераклита, три разных перевода, даже четыре одного и того же фрагмента. Один из них: «Люди, не осознавая того, что делают наяву, подобно тому, как это не помнят спящие». Самая гениальная идея Гераклита состоит в том, что он говорил про человека как про существо, спящее наяву. Меня интересует его «спящий наяву», это странное сновидение. Это отмечено у Гераклита. Только он мог заметить при своей нелюбви, при своём недоброжелательном отношении это состояние, в котором мы прибываем, о которым я вам говорил, когда говорил о морали. Это же заметил и Гераклит.

Другой перевод: «Эту вот речь, логос, сущую вечно, люди не понимают, и прежде чем выслушать её, не понимают и, выслушав однажды, не понимают. Ибо, хотя все люди сталкиваются напрямую с логосом, они подобны незнающим его. Даром, что узнают на опыте такие слова и вещи, какие описываю я, разделяя их согласно природе и высказывая их так, как они есть. Что же касается остальных людей, то они не осознают того, что делают наяву подобно тому, как это не помнят спящие».

Последняя фраза для меня основание, чтобы сказать, что люди спят наяву. Гераклит не спит. А вы спите, и все спят и будут спать всегда.

Другой перевод этого фрагмента: «От других людей ускользает и то, что, бодрствуя, делают, так и то, что в дремоте».

Следующий вариант: «От остальных же людей скрыто то, что они делают, бодрствуя, точно так же, как они свои сны забывают». Скрыто то, что они делают, бодрствуя, - это и есть сон. Два сна: когда спим – сон, когда бодрствуем – сон, только глубокий сон настолько, что мы начинаем быть даже моральными существами во сне.

«Поскольку мы спим, необходимо следовать общему». Это уже иная трактовка, иная вещь. Он уже будет обсуждать ту же тему, что и Кант: кто принуждает? Кант говорит, люди одиноки, другой неприятен, все другие неприятны, даже лучшие студенты очень неприятны, но есть тяга к социуму, потому что там мы получаем чувство человека. Я чувствую себя человеком. Кант сказал про нашу амбивалентность: и отталкивает, и притягивает. В конце концов, он выведет, что есть закон, есть сила и принуждение. Он будет говорить, что каждому нужен господин.

«Должно следовать всеобщему, но хотя логос всеобщ, большинство людей живет так, как если бы имело собственное понимание». Эта проблема, которая для нас звучит на таком простом языке: человек в обществе, кто его загоняет туда, нужно ли это, нельзя ли оттуда уйти.

«Всё, что мы видим наяву, - смерть». Подумайте, вообразите, пофантазируйте. «Всё, что во сне, - сон». А что после смерти? Гераклит скажет: «Жизнь». Всё перепутал, или у нас всё перепутано. Мы как-то иначе себе представляем.

«Те, кто слышал, но не понял, подобны глухим. Они, присутствуя, отсутствуют». Мы присутствуем, но мы спим.

Гераклит не нравился Аристотелю. Аристотель полагал, что у Гераклита есть какой-то дефект в характере. Иначе, почему он повторяет бессмыслицу постоянно? Почему настаивает на необъяснимом? Почему у него противоположности не противоположны? Почему они совпадают у Гераклита постоянно? Это ненормально! Жизнь - это жизнь, а смерть - это смерть. Не надо их смешивать, а Гераклит смешивает. «Этот человек просто головотяп».

Аристотель никак не мог понять, потому что у Гераклита человек – это пересечение горизонтальной линии и вертикальной, у Аристотеля только плоскостное представление.

Платон.

Таким образом я добрался до Платона. Начнём с пещеры Платона. Я думаю, что вы все читали про эту пещеру в «Государстве», но вы наверняка не читали тот абзац, который идёт после пещеры. Я к нему обращаюсь. Этот абзац очень важен.

С пещерой всё понятно. Самый главный вывод оттуда: того, кто поведёт в свет, нужно убить. У всех этих вождей, которые выводят к свету, жизнь заканчивается убийством. Мы их убиваем и правильно делаем. Философ должен быть убит. Сократа убили? Убили. Аристотеля, к сожалению, не поймали вовремя. Сбежал. Он хитрый.

Если вы знаете работу Канта «Что такое просвещение», то вы ещё ничего не знаете, потому что фрагмент, который я сейчас процитирую, - это Платон «Что такое просвещение». 2000 лет и оба примерно пишут одно и то же.

Я выбрал Платона потому, что он нашёл и донёс до нас мысль о том, что в каждом из нас есть свет. Забудьте бред науки. Метафора Платона – это очень точное указание. Что вам говорил Декарт? Из себя вытаскивай. Раскрути, достань.

Платон: «Просвещённость - это совсем не то, что утверждают некоторые лица, заявляющие, будто в душе у человека нет знания, и они его туда вкладывают». Вот я пришёл и тому вложил, другому – это чепуха. Хватит вкладывать! Дайте разгореться и тихо уйдите.

«…Заявляющие, будто в душе человека нет знания и они его туда вкладывают вроде того, как вложили бы в слепые глаза зрение». Мы слепые, а он пришёл и дал нам зрение, и мы пошли зрячие. Прекрасно, но это не так. Если люди не понимают, то они уже не понимают. Никогда не поймут. Никто им не даст понимание. Я говорю то же самое, что и Платон, но немножко по-другому. «…Вроде того, как вложили бы в слепые глаза зрение… У каждого в душе есть такая способность, есть у души и орудие, помогающее каждому обучиться».

Это был первый фрагмент. Я говорил о пещере, о некоторых словах после неё. Я говорил о просвещении, что значит «просвещать». Когда вы говорите о Канте, пожалуйста, вспоминайте Платона и то, что он говорил.

Вторая речь Сократа из «Федра». Это о любви, о неистовстве.

Лекция № 7.

Вторая речь Сократа из диалога «Федр». Миф о человеке-кукле. Кальдерон. Шопенгауэр. Ницше. Философия социального.

В антропологии Платон умещается в три вопроса:

1. миф о пещере
   Здесь самое главное – источник. Я вам говорил, чем хорош Платон. Он не отказался от источника, а, напротив, его утверждает.
2. речь Сократа из «Федра»
3. кукла из «Законов».

В «Законах» пещера формулируется следующим образом: «Каждый человек должен беспрестанно петь для самого себя очаровывающие песни». Это и есть, на мой взгляд, настоящая пещера. Мы мало поём. Мы больше к поверхности стараемся выйти.

Вторая речь Сократа из диалога «Федр».

Меня интересует вторая речь Сократа, потому что в ней он выступает за неистовство, быть маньяком. Вторая речь Сократа - это рассказ о том, как замечательно быть неистовым, если это от Бога, а, если от человека, это называется дурь.

Первая цитата из второй речи Сократа звучит следующим образом: «Неверно было слово это». То есть он сам неправильно говорил. С осуждением мы смотрим на влюблённого, потому что он сумасшедший. Если кто-то ещё влюбляется, что удивительно, то влюбляется не почему-то, а в силу своего сумасшествия, схождения с ума. Никогда нет причин в объекте любви, чтобы мы его любили. Мы просто любим. Влюбленный неистов, потому что он не видит то, что есть, а видит то, чего нет.

«Если бы неистовство было попросту злом, то тогда бы всё было сказано правильно. Между тем величайшие для нас блага возникают от неистовства, когда оно уделяется нам как божий дар».

«Прорицание по свидетельству древних вещь совершенно замечательная. Это не какое-нибудь академическое птицегадание. Замечательно, если оно основано на неистовстве, которое у людей от Бога. Прекраснее рассудительности свойство человечества». То есть неистовство прекраснее рассудительности. В этом смысл второй речи Сократа.

Миф о человеке-кукле.

Миф о человеке-кукле в своё время произвел на Лосева «не только странное, но и прямо удручающее впечатление». Жуткое, старый Платон, и это всё ужасно, потому что какой же человек кукла? Разве это кукла? Это такое сложное устройство!

А Платон, по словам Лосева, называет человека «бессловесной, бездушной куклой». Как мы не приемлем это! Уже христианская культура сказывается, хотя речь идёт совершенно о другом. «Человек не может действовать сам, а может лишь действовать как кукла по приказанию свыше». Вообще этого нет. Откуда он это взял, я не понимаю. «И он вообще требует превращение всей человеческой жизни в своего рода игру, в какой-то сплошной танец». Какие танцы, какие игры? Тут быть бы живым.

Прошло какое-то время. Я вижу совершенно иначе этот мир. Я вижу в нём всё, что мы можем сказать сегодня. Всё, что я хочу вам сказать, сказано было в этих восьми строчках платоновских. В этом эффект изначальных мыслителей: они говорят коротко и ясно.

«Представим себе, что мы, живые существа, - это чудесные куклы богов, сделанные ими либо для забавы, либо с какой-то серьезной целью». Я не знаю, что думал в это время переводчик, но «либо…либо» - это некая ирония. Он смеётся немножко, потому что посмотрите: «…сделанные ими либо для забавы, либо с какой-то серьезной целью. Ведь это нам неизвестно». Как мы можем знать, что там у них? И далее начинается: «Но мы знаем, что внутренние наши состояния...». Эти «внутренние наши состояния» дезавуируют сразу же Лосева, что какой-то дядька тобой как-то играет, дергает за ниточки. Это ошибка. Никаких ниточек, никаких дядек, никаких богов. Появится это слово «внутреннее», и вычеркнуть его невозможно, потому что всё утратится.

«Но мы знаем, что внутренние наши состояния»… У куклы внутреннее состояние. Хотите определение? Человек – это кукла с внутренними состояниями. Но здесь всё требуется пояснять.

«Внутренние наши состояния, о которых мы говорим, точно шнурки или нити тянут и влекут нас каждая в свою сторону». Здесь сказано всё то, что я ещё только хочу сказать. Эти нити и шнурки! Тебе хочется есть сладкое, и ты хочешь худеть. Я сейчас цитирую героя одного фильма. Может быть, вы помните Колягина, кажется. Он был толстый, сидел в кресле и говорил: «Господи, как поесть хочется и худеть хочется, и вес сбросить, и ещё что-то. И всё это хочется».

Нити нас тянут. Пойти на занятие или поспать? Тянут. Ещё минутку подремлю. Или шёл по дороге, забыл куда и зашёл в другое место. Мы же всегда можем отвлечься. Почему думать тяжело? Испытайте себя. Возьмите какую-нибудь мысль и попробуйте её

продумать, хотя бы на два шага вперёд, даже на один. И у вас найдется миллион поводов для того, чтобы не думать. Вас всё время будет что-то сбивать с толку. Надо удержаться. Пройти по прямой. А как ты пройдёшь? И, кстати, прохождение по прямой - это Христос, который шёл по прямой, это нам было завещано. Когда мы думаем, мы идём по прямой или пытаемся пойти по прямой. Это Кант говорил, когда писал, что человек - это не туча комаров.

Платон точно передал смысл. Я вам только что цитировал про пещеру. Вот эта пещера. Она нас разрывает, тащит. Можно так жить? Нельзя так, друг мой. Но куда деваться? Откажись, и дальше начинается процесс. Так нельзя, потому что это хаос. У кого-то это преодолевается посредством инстинкта. Так жить невозможно, следовательно, что-то надо. Так мы не доедем до университета. Надо что-то затормозить, иначе погибнем. Мы разлетимся, распадёмся. Что делать?

«И так как они». Здесь не могу ничего сказать, потому что всегда у меня в этом пункте возникает недоумение, потому что разрушается текст. Здесь либо переводчик, либо что-то случилось с текстом. Это «так как» ниоткуда не следует, так построено. Мы поняли, что здесь очень важная сформулирована мысль, что мы так не выживем. Это то, что исключает нас, накладывает запрет на то, чтобы мы были.

Дальше идёт выражение: «И так как они…». Кто «они»? Они ещё не противоположны. Нас тянет в разные стороны. Получается, что не «так как они противоположны», а нужно ещё было бы редуцировать, свести к каким-то двум, по крайней мере, направлениям, которые тянут тебя в одну и другую сторону, разрывают. Не множество, каждая в свою, а поляризация. Получить это противоположное ещё нужно. Для этого нужна работа, то есть что-то ещё нужно сделать, чтобы были получены два явных доминанта, как хочу быть худым и хочу есть только пирожные всё время.

«И тогда две противоположности увлекают нас к противоположным действиям». Здесь разрыв. Появляется два противоположных действия, которые тянут нас. Каждая в свою сторону. Они тянут нас к противоположным действиям. Нельзя в одну и ту же минуту и думать, и скакать на коне. Это невозможно. Нельзя и думать, и слушать лекцию.

В этой фразе очень много. Я предлагаю вам обдумать её. Что такое два противоположных действия? Что тебе делать, когда тебя разрывает два противоположных действия, и нет оснований. Первое: ты должен быть свободен. Тебя должно разорвать это всё. Тебе требуется основание. Надо куда-то выбрать. Но как? Для того чтобы это совершить, требуется свобода. Несвободный не сможет это сделать, совершить такое действие. Это действие, для которого нет оснований. Или оно само себя основывать будет.

Когда ты рискнул: быть или не быть. Быть, причём без оснований. Тогда начинается прямая, как я в начале говорил. Тебе нужно пройти, думать, мыслить, и получается следующее: «это действие и будет служить разграничением добродетели и

порока». Нет ни добра, ни зла, ни ума, ни глупости. Вообще ничего нет. И вдруг всё появляется. Из чего? Из этого странного действия. Из акта такого действия рождаются искомые вещи, эти полные предметы: добро и зло. Нет в мире добра, не было и не будет.

«И так как они противоположны, они увлекают нас к противоположным действиям, что и служит разграничением добродетели и порока. Согласно нашим рассуждениям каждый должен…». Это замечательная вещь. Она будет встречаться везде. Если Вы подумаете, вы не можете не сформулировать то же самое. «Согласно нашему рассуждению каждый должен постоянно следовать только одному». Всё, что называется человек, - это специальное приспособление для того, чтобы следовать только одному из влечений. Их много бесконечно, потом сузили до двух. Но каким образом выбрать, посредством чего? Чтобы следовать из двух одному, когда нет оснований. Это чудовищная проблема. Платон начинал мыслить о человеке с общипанной курицы, а то, что говорит старый Платон, - это лучшая вещь в мировой философии.

«Постоянно следовать только одному влечению». Подобное я прочту вам у Декарта, у Канта, у Гегеля. Как непреднамеренно скоординировано всё! «…ни в чём от него не отклоняясь и оказывая противодействие остальным нитям». Это и есть существо дела. Это и есть люди.

«Это и есть золотое и священное руководство разума, называемое общим законом государства». Разум, общий закон государства. Вы помните, что слово «общий» очень важен для всех. Бытие общее, сущего много. Здесь то же самое. Влечений много, но есть разум: следовать одному и не отвлекаться. Нам нельзя не следовать одному.

Вторая речь Сократа - это была хвала тем, кто следует одному. Это мания. Он разбирает слово «мания». Если мы не следуем одному, наши реакции будут реактивными. Мы перестанем быть людьми, даже будучи внешне людьми. Отсюда появляется всё то, что я называю дрессированная сила. Нас слишком много дрессировали. Мы все хотим быть профессионалами. Мы попали в капкан. Теперь я говорю: опустошайтесь.

Я утверждаю, что Платон вопреки тому, что он сам принимал участие в травле софистов, антропологов, сочинил то, что я сейчас только что прочел. Вот что говорит сам Платон о значении этого мифа: «Этот миф о том, что мы – куклы, способствовал бы сохранению добродетели. Как-то яснее стало бы значение выражения». Дальше пойдёт еще более компактная вещь, выражающая существо дела.

Если знание давать кому-то, у кого грубая душа, это опасно. Запрещено, как дать ребенку гранату и сказать, чтобы рвал кольцо. Коротко скажу, в чём проблема, она и сейчас видна. Где знание, там нет веры. Кто враг веры? Наука. А что такое вера? Это сознание. Это первое свойство сознания. Ещё есть свойства: воображение и изображение. Они будут считать, что их боги - это учёные. Это же не так, это люди. Бывает, с грубыми душами. Упаси Бог, давать знание в эти души.

«Яснее стало выражение «быть сильнее или слабее себя». Единственное существо в этом мире под названием человек может быть, и это его обременение, сильнее или слабее себя. Одно из двух: быть слабее или сильнее, быть выше себя или ниже себя. Ты никогда не будешь равен себе, никогда, а мы стремимся к равенству с собой. Мы очень позитивно по отношению к самим себе настроены, и это есть хитрая смерть ядовитая человека. Если можешь идти по прямой или по одному и тому же, сильный. Свернул? Всё. Готов. Отходи в сторону на компостер.

«Даже каждое государство должно беспрестанно петь для самого себя очаровывающие песни. И каждый пусть проводит свою жизнь, играя в игры». Каждый. Это тоже очень важная вещь. Там, где мы играем, боги..

Это всё, что я хотел вам сказать об антропологии Платона. Он начинал с курицы, закончил куклой. Платон огромен. Мы можем бродить по его диалогам, но я счёл нужным только это выделить.

Кальдерон.

Давно обещанная песнь из Кальдерона «Жизнь есть сон». Я рассуждаю и рассказываю вам о том, что, следуя Гераклиту, нам нужно принять тезис, что «человек есть существо, спящее наяву». Тут и пещера появляется Платона. Единственный, кто стоит особняком, - это, конечно, Аристотель, но я нашёл у него в «Истории животных» фразу о том, что больше всех животных видит сновидения человек. А почему? Это же удивительно! Почему ягуар не видит, а я вижу?

Вы уже знаете, что всё начинается в этом странном взрыве. Взорвались галлюцинации. Всё здесь начинается и заканчивается. Как в тебе. В тебе всё. Зачем ты бегаешь? Вытаскивай из себя.

Как вы думаете, люди появились сразу, бодрствуя? Нет, это странное состояние, когда тебе мерещится, когда ты спишь и не спишь. Я бы употребил слово «бессознательное», но такое бессознательное, в котором хранится сознание, но ещё не родилось.

Если вы откроете книгу Канта «Антропология с прагматической точки зрения», а её прочесть всем. Это старый Кант. Это не Кант «Критики чистого разума». Он там будет рассуждать про животных. Животное ли человек или нет. Это противоречиво. Если животное, то почему нам не передается инстинктом ум, например. Мама с папой передали, и не надо идти в университет. Всё уже есть. А если нет, то почему люди не умерли. Непонятно же ничего. Это остаётся неким облаком. Я об этом облаке напоминаю, когда говорю «не сон, не явь».

17 век. Кальдерон пишет «Жизнь есть сон». Его цитируют все: Ницше, Шопенгауэр. Сцена 19 из пьесы. Сигизмунд:

Да, правда! Мы должны смирить
Честолюбивые порывы
И буйный и жестокий нрав,
Когда мы в самом деле спим
И жизнью нашей только грезим.

Во сне ты должен быть морален. Не твори пакостей.

Так мы и будем поступать,
В чудесном мире пребывая,
Где наша жизнь есть только сон.

Не различие дня и ночи первично. День – это, когда мы бодрствуем, а ночь, когда не бодрствуем, рассеяны.

Ведь опыт научил меня,
Что люди в этом мире спят
И грезят жизнию своей,
Пока от сна не пробудятся!
Царь спит и грезит, что он царь;
В обмане этом он живет,
Повелевая, управляя;
Взаймы дана ему хвала:
Она написана на ветре.
Увы! Царя в прах обратит
Царица смерть! о жалкий жребий!
И кто же царствовать захочет,
Когда он знает наперед,
Что в смертный час проснется он?

Помните, что Гераклит говорил, что жизнь после смерти?

Богач своим богатством грезит,
Богатством, что полно забот,
Но также грезит и бедняк,

Терпящий нищету и голод.
Кто начинает наживаться,
Кто утомлен и жаждет счастья,
Кто оскорбляет и вредит, -
Все эти люди спят и грезят.
Ну, словом, грезят в мире все,
Хотя никто не замечает.
И сам я сплю и сам я грежу,
Что заключен в темнице я,
И грезил лишь, когда увидел
Себя в блистании царя!
Что наша жизнь? Одно безумье!
Одна иллюзия она,
Она лишь тень, мечты созданье,
И в ней великое ничтожно.
Вся наша жизнь лишь сновиденье,
И сновиденья также сон.

Тема сна будет у Шопенгауэра, у Ницше, у Канта. Потом будет много разных проблем. Тема «человек есть грезящее наяву» в эстетике, в морали, в праве. Выше права справедливость. Если бы было не так, то тогда бы выше права ничего не было. Запомните: есть то, что выше права, выше законов. Выше законов идея справедливости.

Если бы мы не были грезящими наяву, то тогда право было бы равно праву. Тогда не нужно было бы различать легитимное от легального. Не нужно бы было Канту говорить, что есть колоссальное различие между действием по закону и действием во имя закона. Это не словесное. Это существо дело, затрагивающее формулы.

<u>Шопенгауэр.</u>

«Мир как воля и представление», книга первая, параграф пятый. У него много цитат. Он цитирует Шекспира, Кальдерона.

«*Мы видим сны, — не сон ли вся наша жизнь? Или, определеннее: есть ли верное мерило для различения между сном и действительностью, между грезами и реальными объектами? Указание на меньшую живость и ясность сонного воззрения сравнительно с реальным не заслуживает никакого внимания, ибо никто еще не сопоставлял их непосредственно друг с другом для такого сравнения, а можно было сравнивать только воспоминание сна с настоящей действительностью. Кант решает вопрос таким*

образом: «взаимная связь представлений по закону причинности отличает жизнь от сновидения». Но ведь и во сне все единичное тоже связано по закону основания во всех его формах, и эта связь только прерывается между жизнью и сном и между отдельными сновидениями. Ответ Канта поэтому мог бы гласить лишь так: долгое сновидение (жизнь) отличается непрерывной связностью по закону основания, но оно не связано с короткими сновидениями, хотя каждое из них само по себе имеет ту же связность: таким образом, между последними и первым этот мост разрушен, и по этому признаку их и различают. Однако, исследовать по такому критерию, приснилось ли что-нибудь или случилось наяву, было бы очень трудно и часто невозможно: ведь мы совершенно не в состоянии проследить звено за звеном причинную связь между каждым пережитым событием и данной минутой, — но на этом основании еще не утверждаем, что такое событие приснилось…».

«…хотя отдельные сновидения отличаются от действительной жизни тем, что они не входят в беспрерывно протекающую по ней общую связь опыта, и хотя пробуждение указывает на эту разницу, — тем не менее именно самая связь опыта принадлежит действительной жизни, как ее форма, и сновидение в свою очередь противопоставляет ей свою собственную внутреннюю связь…».

«…жизнь — долгое сновидение». В среднем 70-80 лет длится, а потом бодрствование.

Ницше.

У Ницше фрагмент из «Истины и лжи во вненравственном смысле» начинается так: *«В некоем отдаленном уголке вселенной, разлитой в блестках бесчисленных солнечных систем, была когда-то звезда, на которой умные животные изобрели познание. Это было самое высокомерное и лживое мгновение “мировой истории”: но все же лишь одно мгновение. После этого природа еще немножко подышала, затем звезда застыла – и разумные животные должны были умереть. Такую притчу можно было придумать, и все-таки она еще недостаточно иллюстрировала бы нам, каким жалким, призрачным и мимолетным, каким бесцельным и произвольным исключением из всей природы является наш интеллект».*

Философия социального.

У человечества есть много травм. Одна травма звучит так: человека создал труд. Чем европейская философия славна? Тем, что она ничего не понимает в человеке, но всё-

таки на издыхании в 19 веке она придумала, что человека создал труд. Нет более убогой мысли за всю мировую историю.

Вторая, такого же рода мысль: человек есть сугубо социальное существо. На этом всё заканчивается. Больше ничего нет. Моя задача всё расшатывать. Философия твёрдое превращает в зыбь, я превращает в сон.

В 1926 г. Пудовкин снял научно-популярный фильм «Механика головного мозга», в котором рассказывалось о научных достижениях школы академика Павлова,. Утверждается мысль о том, что человек ничем существенным не отличается от животных. Это такая революционная мысль. Рефлекс человека на слово ничем не отличается от рефлекса собаки на метроном. Сказали сидеть, сижу. Сказали встать, встаю. У человека формируется такие же условные рефлексы, как и у собак, на которых проводил опыты Павлов. В подтверждение этой мысли показывалось выделение слюны у подопытного ребёнка. Вы же толерантны. Вы же должны сейчас кричать от ужаса, возмущаться, биться головой о стену. Как? Кто разрешил? Кому?

Фильм показывал слюновыделение у подопытного ребенка. У обезьяны выделяется и у человека выделяется. Опыты, которые сотрудники Павлова проводили на детях, шокируют своей маниакальной уверенностью в том, что нет границы для науки в исследовании человека. В школе Павлова не принято было говорить о том, чем человек отличается от животного.

Об этом рассказал позднее Лурия. На его взгляд работать с человеком гораздо легче, чем с животным. Животного надо всё время подкармливать. Его условный рефлекс требует подкрепления, а человека подкармливать не надо. Ему достаточно слов, вербальных инструкций, и условный рефлекс у него будет сохраняться.

Суггестивное действие речи обсуждается в учебном фильме «Я и другие». За столом сидит пять детей в возрасте около 6 лет. Они ждут кашу. Экспериментатор ставит на стол тарелку с кашей, которая с одной стороны сладкая, а с другой солёная, но дети об этом не знают. Затем исследователь поочередно предлагает детям попробовать эту кашу и сказать, какая она. Первым четырём детям он даёт сладкую кашу. Дети говорят, что она сладкая. А пятому ребёнку предлагается соленая каша, и хотя по выражению лица ребёнка видно, что кашу ему дали солёную, и она ему не нравится, он вслед за остальными детьми говорит, что она сладкая.

Разрыв между тем, что говорил ребёнок, и тем, что он чувствовал, как раз и должен был подчеркнуть, что человек существо социальное и зависит от мнения других. Что же, на мой взгляд, следует из этих экспериментов? Первое - асоциальность мысли. Мысль - это всегда новая мысль. Что значит новая? Это значит независимая от того, что думают другие. Это самое сложное. Вот, где начинается человеческое. Если мы хотим быть вместе с другими, нам нужно согласовывать с ними свои мысли.

Второе: если же мы хотим думать сами, нам не нужно быть вместе с другими. Вы одиноки всегда, когда вы думаете, даже если вы сидите в толпе, в электричке, в метро, дома. Это способ исключения себя. Вам не удастся даже полминуты продержать себя в этом положении. Попробуй продумать хоть одну мысль, и вы увидите, что никого нет. Уверяю вас. Всё исчезнет, всё растворится.

Что такое мысль? Мысль - это не согласованное с другими путешествие в воображаемое, в котором может оказаться истина. Согласованная мысль – это не мысль, а коллективная галлюцинация. Почему это галлюцинация? Потому что она строится на неразличении в коллективе подлинного и симуляции. В коллективе можно делать вид, можно казаться. В нём думают, что думают, хотя не думают, а делают вид. Отличить одно от другого нельзя. Несогласованные мысли разрушают коллективные галлюцинации, а согласованные мысли разрушают мышление.

Вывод: думать самому очень трудно, потому что любая мысль асоциальна по своей природе.

Лекция № 8.

Философия социального (продолжение). Сны. Ницше. Нигилизм в европейской культуре. Нигилизм Ницше. Изъятие из мира сущего. Недоживотное.

Философия социального (продолжение).

Напоминаю, к чему мы пришли в прошлый раз рассказал. Я рассказал про сюжет кино, дети, эксперимент, каша сладкая и солёная. Появился четвёртый ребёнок, который вслед за первыми тремя, хотя ему было противно, присоединился к предыдущим. Мыслить нужно в одиночестве, а не публично. Публично не мыслят, публично рассказывают. Несогласованные мысли разрушают коллективные галлюцинации. Согласованные мысли разрушают мышление. Вот был вывод.

Думать самому очень трудно, потому что любая мысль асоциальна по своей природе. Все мы сначала видим, а потом говорим, даже слепоглухонемые. Мы видим, не открывая глаз, ибо спать для нас – это значит видеть сны. Каждый из нас видит свой сон. Нельзя подсмотреть сон другого. Это не могут сделать даже нейрофизиологи. Между тем все дети спят одинаково. Что значит, что все дети спят одинаково? Это значит, что все дети видят один и тот же сон. Они переживают одни и те же галлюцинации. Когда дети заговорят, они проснутся, то есть они начнут спать, как сказал Шопенгауэр, долгим сном. Наша жизнь - это долгий сон.

Когда дети заговорят, они проснутся, и каждый из них начнёт видеть свой сон. Язык, как свидетельствует об этом миф о строительстве людьми Вавилонской башни, разрушил единочество людей. Единочество – соединение слов единый и одинокий. Это слово-чемодан. Делёз придумал, я повторил.

Язык разрушает единочество, потому что люди могут быть единокими, хотя они и живут в социуме. Сны у нас перестали сбываться, потому что вместе с языком к нам пришло время, и вещие сны стали пониматься уже не как следствие отсутствия времени в работе нашего сознания, а как необходимость нашего путешествия по времени.

Социальное есть не что иное как непрерывно длящаяся согласованная галлюцинация. В эксперименте с детьми проясняется вопрос о смысле слова «социальное». Кажется, что социальное - это некое коллективное действие, предполагающее коллективную чувствительность, то есть ребёнок, для того чтобы вместе со всеми сказать сладкое, должен проигнорировать факт, зарегистрированный чувствами, то есть закрыть глаза на солёное. Человек отличается от животного тем, что может игнорировать чувственность, обращенную к внешнему миру. Это игнорирование является

условием существования воображаемого, которое может отсылать человека к самому себе, а человек может вступать в конфликт с реальностью. В результате этого конфликта возникает момент, когда язык заставляет человека видеть то, чего нет, и не видеть то, что есть. В этот момент возникает и длится социальное как некая согласованная галлюцинация.

Слепое зрение является условием существования социальности у человека, который, следовательно, принципиально отличается от социальности, если таковая существует, у животного. У животного не существует разрыва между тем, что оно чувствует, и тем, как оно себя ведёт. У человека социальное является результатом игры воображаемого, симулируемого и реального. Первые три ребёнка, которые сказали, что каша сладкая, - это ещё не социум. Это повторение одного и того же. Они сказали то, что чувствуют, а чувствуют они одно и то же. Последний ребёнок учреждает социальное. Весь пафос и смысл моего небольшого рассказа в этом тезисе. В основе социального лежит самообман. До тех пор, пока мы сами себя обманываем, будет существовать социум. Как только мы перестанем это делать, он исчезнет. Для того чтобы быть вместе с другими людьми, для того чтобы стать элементом порядка целого, последнему ребёнку приходится отказываться от своей чувственности и создавать галлюцинаторные состояния, находясь в котором он видит соленое как сладкое.

Социальность мог учредить и экспериментатор, приказав солёное называть сладким. Социум - это не просто коллективное действие, а групповая ментальность. Социум - это длящаяся посредством языка галлюцинация, в основе которой лежит непрерывно возобновляемый самообман человека. Феномен самообмана закреплен в языке.

Резюме: в основе любого общества лежит конфликт между языком и чувственностью. Язык говорит о том, чего нет. Чувственность говорит о том, что есть. Вы до сих пор можете решать вопрос о том, что делает язык. Язык помимо прочего делает ещё то, о чём я сейчас говорю. Язык позволяет говорить о том, чего нет. Он никогда не может говорить о том, что есть. Он говорит о том, что было. Поэтому кто говорит на языке, тот вступает в мир времени, о том, что было, и о том, что будет. А о том, что есть, передаёт чувственность наша.

Чувственность говорит о настоящем, которое не знает внутри себя перемен. Язык рефлексивен, чувственность аффективна. Если бы язык предшествовал чувственности, то у человека она не могла бы появиться, но человек сначала видит, а потом уже говорит. Он сначала рисует, а затем пересказывает нарисованное.

Что такое социализация человека? Это приобретение навыка не думать самому, но знать, как надо правильно говорить о кажущихся вещах. Я вам рассказывал, что социум

тебе говорит, что не надо думать самому, а нужно научиться правильно говорить о кажущихся вещах. Этого достаточно.

Когда другой молчит, он приемлем, а когда другой говорит, он невыносим. Другой заставляет тебя симулировать, делать вид. В нём коренится источник неподлинного. Он заполняет все поры социального своим бредом, если под бредом понимать согласованные друг с другом слова, которые не имеют никакого отношения к воображаемому. Избавиться от языка, а значит и от времени, можно только в вещих снах. Они бывают, не волнуйтесь.

Человеку социальному всегда предшествует человек грезящий, то есть человек, на поведение которого сказывается не столько действие внешних сил, сколько действие внутренних образов. Если бы не было действия этих внутренних образов, то человек, рождаясь, не кричал бы так жутко.

Чем меньше человек грезит, тем менее прочными являются скрепы социальности, тем больше в мире множится одиночество одиноких, тем меньше в нём единочества. Социум нуждается ни в языке, а в грезах, в антропологической реальности. Что это значит? Это значит, как говорит мой знакомый, все мы галлюцинируем. Никто не знает, как устроен мир на самом деле. Язык без воображаемого теряет смысл и может быть заменён неантропологическим нормированием.

У детей, которые избежали разрыва между тем, что они говорят, и тем, что они чувствуют, целостное сознание. Они могут сопровождать свои действия словами: «У меня есть сознание». То есть когда они говорят, что каша сладкая, они говорят: «У меня есть сознание». Сознание этих детей может носить понятийный характер. У последнего ребёнка сознание разорванное, шизофреническое. Он не может сказать, что у него есть сознание, что каша, которую он съел, сладкая. У него происходит разрыв между сознанием и языком. У него нет сознания того, что каша сладкая, но он может сказать вместе со всеми, что она сладкая. Иметь сознание и говорить - это разные вещи. Это понятно ещё со времен Сартра. В последнем случае язык, и это главное событие конца 20 в. - начала 21 в., встаёт на место сознания. Чему учат сейчас в институте? Поставить язык на место сознание. Почему трудно работать с магистрами и с аспирантами? Потому что они стараются поставить язык на место сознания. А что хочет преподаватель? Преподаватель хочет, чтобы язык был на месте языка, там где ему положено, а на месте сознания было сознание. Отсюда возникает трения между преподавателем и студентом, преподавателем и аспирантом.

За детьми, которые первыми едят кашу, наблюдает последний ребёнок. Он наблюдает за ними и подражает им, показывая силу их языковой суггестии. За наблюдателем наблюдает наблюдатель, за наблюдателем наблюдает экспериментатор. Первые дети включены в план сознания последнего ребёнка. Они расширяет его сознание,

и в этом расширении он не зависит уже от реальности внешних воздействий. Последний ребёнок включен в план сознания экспериментатора, но это включение не расширяет сознание экспериментатора, как говорит Дюрренматт.

Разного порядка наблюдатели не могут находиться внутри одного сознания. У них разное сознание. Наблюдая за наблюдателем, сознание не становится серийным объектом, не включается в матрешку. Оно никогда не отсылает к другому сознанию, оно в каждый момент отсылает только к самому себе.

Это было не совсем традиционное представление о социальности. Но, на мой взгляд, оно более адекватное чем то, которое циркулирует в обществе.

Когда я говорю, что люди одиноки, это значит, что они обёрнуты к себе. Как у Рильке: глаза, которые смотрят в себя. Я закрыт, я застёгнут. Когда я говорю то, что я думаю – это асоциальность. Это то, что разрушает её. Попробуйте говорить то, что вы думаете, дома в своей семье. Просто испытайте хотя бы полчаса, час, два. Это же так легко, как будто бы, называть вещи своими именами. Недаром же вам говорят: «Будьте толерантными, мягкими. Ориентируйтесь. Что же вы так сразу. Вы конфликтный человек».

Для чего нужен был социум? Для меня, грезящего, он не нужен вообще. Как сказал Кант: общество формирует чувство человека самого себя. Если бы я мог это сформировать сам… Но не получается, и я вынужден терпеть. Я уже толерантен, потому что я терплю. Я не отказываюсь от себя, и поэтому Кант говорит о противоречивости, о двигателе, который рассеивает мою животность, мою леность, мою пассивность. Слушаешь лекцию, а хочется заснуть. В то же время человеку приходится жить в этом социуме, в котором люди отталкиваются друг от друга так же, как и притягиваются.

Чувство самого себя – это почти и есть горизонт человеческого. Его можно получить или потерять, потому что в нём возникает всё. Отнесение к себе – это самое фундаментальное действие, которое мы фиксируем. Обычно фиксируется всё не так, внешнее. Не по отношению к себе, а открытое в мир. Деятельность с орудием, но с орудием не подействуешь. Там другой механизм воздействия: сновидения, цели. В воздействии на самого себя есть разные формы, и орудие очень грубый материал, это очень грубая философия, потому что она не описывает отношение с самим собой. Поэтому они думали, что формировать личность легко, использовать какие-то механизмы.

Когда я наблюдаю за наблюдающим, я не наблюдаю за его наблюдением. Если я наблюдаю за наблюдателем – это реакция за наблюдателем, который наблюдает. Уже наблюдает, и мне не требуется отделить его наблюдения от него самого. У нас есть такая манера говорить, что есть сознание, а есть я. Сознание отделить от меня, а меня от сознания. Это незаконно. Я сознающий. И ты будешь наблюдать за мной, а если блокируешь, то тогда под гипнозом - не сознающий. Когда меня снова включили, я

начинаю врать. Зачем ты взял зонтик? Помните Фрейда, девушка с зонтиком? Сидит Фрейд в зале и делает выводы. Девушка подошла и взяла зонтик. Потом вернулась в сознание. Её спрашивают: «Зачем ты брала зонтик?». Она отвечает: «Посмотреть». Она обманывает, потому что у неё была инструкция. Фрейд тогда сделает вывод: сознание лжёт.

Сны.

Я возвращаюсь к снам. Вы помните эту линию. Человек – существо грезящее. Сейчас я расскажу вам маленький фрагментик из литературы про Чжуан-цзы.

Однажды Чжуан-цзы приснилось, что он стал мотыльком, и, проснувшись, он уже не знал, кто он. Цзы, видевший во сне, будто он стал мотыльком, или мотылёк, которому снится, что он Чжуан-цзы. Что я могу сказать на это? «Реальность» очень хитрое слово. По существу реальность – это не что иное как объектированная галлюцинация. А галлюцинация - это актуализированная реальность.

Начиная с Хаксли, начинается попытка осознанного выхода за пределы повседневного, заканчивающаяся игрой уже не с миром, а с грёзами. Кастанеда предлагал научиться осознанному сну, для этого надо было научиться проносить в мир сна мелкие предметы из яви. Например, монеты, зажатые в кулаке. Во сне нужно было вспомнить о них, разжать кулак и посмотреть на монеты.

Вы помните, что делал Аристотель с монетами, зажатыми в руке? Аристотелю пришла мысль в голову, как себя разбудить. Он зажимал руку, ставил медный тазик и ложился спать с монетой. Когда рука падала, был звон, и он просыпался.

Во сне расширяется нетелесный опыт. В нём можно посмотреть будущее, которого не будет, но которое могло бы быть, а также можно увидеть многомерное прошлое, ибо есть прошлое, которого не было, но которое могло бы быть.

Ницше.

Я продолжаю линию сновидений. В той мере, в которой мы моральны, в той мере, в которой у нас есть эстетическое чувство, в той мере, в которой у нас есть чувство самого себя, в той мере мы художники. Художник – это человек, пребывающий во сне, и это реальность. Быть студентом - это шестилетнее сновидение. Зашёл и вышел, и диплом: был, спал.

Фрагмент из «Весёлой науки»: «*Когда мы любим женщину, мы с лёгкостью проникаемся ненавистью к природе*». Природа постоянно его мучила. «…*вспоминая о всех отвратительных естественностях*». У Ницше очень сложное отношение к телу, потому

что он склонен к тому, чтобы говорить о теле тогда, когда мы привычно, традиционно говорим о сознании. Ницше говорит, что мы преувеличиваем, что это не сознание, а тело, умное тело. Тела может очень многое, и повторяет Спинозу.

«*Когда мы любим женщину, мы с легкостью проникаемся ненавистью к природе, вспоминая о всех отвратительных естественностях, которым подвержена каждая женщина; мы охотно обошли бы это вниманием, но, раз соприкоснувшись с этим, душа наша нетерпеливо вздрагивает и с презрением, как было сказано, взирает на природу: мы оскорблены, природа кажется нам вторгшейся в наши владения и осквернившей их неосвященными руками. Тогда затыкают уши от всякой физиологии и втайне решают про себя: "я не желаю ничего слышать о том, что человек состоит из чего-либо еще, кроме души и формы!" "Подкожный человек" для всех любящих – ужас и немыслимость, хула на Бога и любовь. – Ну так вот, то же самое, что ощущает нынче любящий по отношению к природе и естественности, некогда ощущал всякий почитатель Бога и его "святого всемогущества": во всем, что говорилось о природе астрономами, геологами, физиологами, врачами, видел он вмешательство в ее драгоценнейшие владения и, стало быть, посягательство – и вдобавок к тому еще и бесстыдство посягателя! "Закон природы" – уже одно это выражение звучало для него богохульством; в сущности, ему очень хотелось бы видеть всякую механику сведенною к актам нравственной воли и произвола».* Когда читаешь Ницше, становишься ницшеанцем на время чтения. Иначе невозможно. Кому удавалось читать Ницше бесстрастно? Я терпеть не могу всё то, что он говорит. Всё это не так. Это ложь, это обман.

«…но, поскольку никто не мог оказать ему этой услуги, он по возможности сам утаивал от себя природу и механику и проводил жизнь в грезах». Вот с чем я прихожу к вам. А на меня Ницше есть.

«О, эти люди прошлого умели грезить, и для этого им вовсе не следовало прежде заснуть! – но и мы, люди настоящего, все еще слишком умеем это, при всей нашей доброй воле к бодрствованию и дневному свету! Достаточно лишь полюбить…». Мы всё ещё умеем грезить, говорю я, и слава Богу. Мы с вами ещё любим, правда, уже не с такой интенсивностью, не с такой страстью. Вернее, ещё кто-то влюбляется. Не все. Многие уже не влюбляются. Они сначала делают вид, что влюбляются, потому что им хочется испытать этот опыт, но у них уже нет органа, которым влюбляются. Любовь, ненависть – это что такое? Это и есть человек, спящий наяву. Кто-то нас раздражает, кто-то симпатичен. Это и есть сон наяву. Мы грезящие. Мы моральны.

«Достаточно полюбить, возненавидеть, возжелать, вообще ощутить – на нас тотчас же нисходит дух и сила сна, и мы, с открытыми глазами и пренебрегая всяческой опасностью, взбираемся на самые рискованные стези, на крыши и башни бреда без малейшего головокружения, словно бы рожденные лазать по высотам, - мы, лунатики

дня! Мы, художники! Мы, утайщики естественности! Мы. Сомнамбюулы и богоманы! Мы. Смертельно спокойные, безустанные странники по высотам, которые и видятся нам не высотами, а нашими равнинами, нашими гарантиями».

Гениальная формула Ницше: «лунатики дня». В этой фразе вся философия.

Ранняя работа Ницше «Об истине и лжи во вненравственном смысле»:

«В некоем отдаленном уголке вселенной, разлитой в блестках бесчисленных солнечных систем, была когда-то звезда, на которой умные животные изобрели познание. Это было самое высокомерное и лживое мгновение». А почему лживое?

«…самое высокомерное и лживое мгновение "мировой истории": но все же лишь одно мгновение. После этого природа еще немножко подышала, затем звезда застыла – и разумные животные должны были умереть. Такую притчу можно было придумать, и все-таки она еще недостаточно иллюстрировала бы нам, каким жалким, призрачным и мимолетным, каким бесцельным и произвольным исключением из всей природы является наш интеллект».

Здесь всё хорошо, но концовка ужасная. Он поставил там интеллект. Всё было хорошо, но он поставил там опасное слово. Человека надо было поставить. Речь идёт об этом.

Он сформулировал идею сингулярной антропологии, не понимая этого. В сингулярной антропологии человек был и исчез. Был невозможным образом. Никто никогда не объяснит, и не надо будет объяснять, потому что осталось немножко подождать, поскольку планета уже замирает, и осталось небольшое время, и она замрёт. И не будет этого лунатика дня. Он проведением каких-то инстинктов случился. Этой случайностью можно пренебречь. Он необъяснимо явился и также необъяснимо должен исчезнуть.

Почему Ницше поставил слово «интеллект»? Потому что интеллект имеет органическую природу. Человек не имеют права притязать на интеллект. У нас интеллект такой же, как и у любого другого живого существа.

Как рождается мозг? Эволюционно. Органика выработала, и он ничем не отличается от любого другого создания. Чем мы с вами отличаемся? Сознанием. Сознание не имеет никакого отношения к интеллекту. Сознание использует ловушки разные. Интеллект ничего не может сделать с нашими чувствами. Это такая игра. Тогда рассудок переодевается в виде некоего воображаемого, в одежды другие и воздействуют на это чувство. Хитрость разума появляется. Особенно немецкая философия обожала эти хитрости с тем, чтобы достичь своего результата, воздействовать на чувственность. Почему? Потому что, цитирую Декарта, если наша душа чувствует страсти, то они не могут быть не такими, какими он их чувствует. Здесь никто нас не может обмануть. Здесь

нет этого разрыва, здесь знак не может поместиться. Благодаря этому мы музыкальны, благодаря этой непроницаемости для другого мы художественны.

Конечно, наш интеллект другой, но это не от него зависит. Он принуждён. Он не может делать то, что делает наше сознание. Ницше говорил, что «были целые вечности», а я добавляю: и будут, были и будут. И этот пропуск считайте недействительным.

«*Были целые вечности, в течение которых его не было; и когда он снова окончит…».* Слово «снова» здесь стоит. Он всё-таки повторяет придуманную в Европе мысль, что материя и дух породит нас с неизбежностью вновь и вновь. Эта скрепа сидит в том числе в голове Ницше. Это неправильно. Он сам дитя своего времени.

«*…снова окончит свое существование, итог будет равен нулю. Ибо у этого интеллекта нет никакого назначения, выходящего за пределы человеческой жизни. Нет, он принадлежит всецело человеку, и только его обладатель и изобретатель так горячо и с таким пафосом относится к нему, как будто бы на нем вращались оси мира».*

Интеллект есть трёх видов. Я ещё вам подробно об этом не говорил. Интеллект машинный или искусственный, органический и человеческий. Мозг как бы испытывает неудобное соседство с сознанием. Первое ключевое слово, которое приходит в голову, говоря о сознании, - это всё то, что названо в кантовской критической философии «внутреннее чувство». Сейчас не пытайтесь понять, что это такое, потому что нужно целую философию вытаскивать из этого.

Ницше разбирает один фрагмент Паскаля. Паскаль рассказывает: представьте, когда вы будете умирать, придётся решать задачу. Как себя вести в том мире? На этот счёт Флоренский говорит: «Господа, изучайте путеводители. С вас не убудет. Готовьтесь». Придётся решать вопрос. Какой? Кем быть там, в том мире? Не ошибитесь.

Первое испытание. Скажите, какая вам разница: ты будешь 12 часов царём, но во сне. Ровно 12 часов ты будешь царствовать абсолютно точно, как царствуют все люди. Потом просыпаешься и работаешь садовником.

Второе. А можешь быть царём, но каждые 12 часов ты работаешь садовником. Засыпаешь, и приёмы закончились. Ты садовник. У тебя кусты, обрезать, прививать. 12 часов ты это всё делаешь. Потом просыпаешься, принимаешь консула.

Теперь вы решаете вопрос: «Ты кем, батюшка, будешь в этом, нашем мире? Садовником или царём?». Тут нужно правильно ответить, изучая путеводители. Что можно делать, а чего не надо. И что можно попросить. Почитайте Флоренского.

Паскаль спрашивает, вы можете заметить разницу? Нет. Вы можете отличить царя, который наполовину садовник, от садовника, который наполовину царь? Нет. «Какая вам разница?», - говорит Ницше вместе с Паскалем и со мной. Какая? Что вы все лезете в этот социум? Что вы всё время хотите быть социальным качеством? Я никто.

Нигилизм в европейской культуре.

В европейской культуре слово «нигилизм» ввел в оборот Ницше, для которого нигилизм обозначал обесценивание высших ценностей. И Ницше поясняет, что это значит: «Нет цели. Нет ответа на вопрос «почему». Вы заметили, что у него сверхчеловек без цели? А вы заметили, что нельзя быть человеком без цели? Здесь поставлено под вопрос вообще человеческое, и нет ответов на вопросы: «почему?» и «как?».

Но высшие ценности потому и существуют, что люди ставят цели и пытаются ответить на вопрос «зачем». Правда, Хайдеггер считал, что Ницше так и не смог распознать сущность нигилизма, ибо не смог связать нигилизм с историей бытия. Хотя Ницше и не обещал связать ценности с бытием. Ницше ничего не скажет о сверхчеловеке. Это то, о чём ничего нельзя сказать, потому что всё сказанное осталось с ним, с человеком. Ницше раскрывает сущность нигилизма, указывая на связь между ценностями и природой человека. Обесценивая одни ценности, человек продолжает держаться за другие ценности. Почему? Потому что, не учреждая ценности, он перестаёт быть человеком и может выйти за пределы субъективности.

Нигилизм Ницше.

Чем Ницше поразил сознание русских? Простыми для Европы словами: что падает, провозгласил Ницше, то нужно подтолкнуть. Пусть падает, не нужно ему подставлять свое плечо. Если тебя ударили по одной щеке, то ты не должен подставлять другую. Страдать страдай, но не сострадай. Ибо сострадание губительно для человека. Не будь христианином. Отвечай на силу силой. Не надейся на небесное царство. Помни, что ты живешь на земле. Имей мужество быть дерзким, опирайся только на самого себя. Учись быть господином. Когда говорят, что человек есть дух, тогда, смеялся Ницше, забывают сказать, что дух есть желудок. Добрые люди, согласно Ницше, никогда не говорят правду. Перестанем же быть добрыми. Станем лучше, станем злее, и особенно по отношению к близким. «Не щади ближнего своего», – наставлял нас Заратустра. Ближнему достаётся больше всех, больше, чем от любого диктатора. Самый главный диктатор в семье. А уж о дальнем и говорить нечего. Мы тираны, в нас тиран. Идя к женщине, не будь толерантным, не забудь взять плеть, – рессентиментно рассуждал Ницше.

Изъятие из мира сущего.

В «Несвоевременных размышлениях», рассуждая о Шопенгауэре как воспитателе, Ницше писал: человек «есть существо темное и сокровенное: если у зайца есть семь кож,

то человек может семижды семьдесят раз сдирать самого себя, и все же не сможет сказать: «Вот это – подлинно ты. Это уже не оболочка». Гениальный человек, хотя философия у него дурацкая. Это нельзя придумать. Ты не найдёшь в этой капусте ничего. Даже кочерыжки нет. Натуральное в человеке – это, если я правильно понимаю Ницше, оболочка, но подлинное в нем носит не натуральный характер. В человеке есть кровь, но суть человека не в крови, а в сокровенном. Ницше знал об изъятии человека из сферы сущего, он знал, что в человеке есть что-то, чего нет среди того, что есть. На это знание указывают его слова о человеке как существе темном и сокровенном. И он захотел вернуть «темное» человека «прозрачной» природе. Захотел заново его натурализовать, то есть сделать «зайцем». Но этой натурализации всегда мешала субъективность, которая посредством воображаемого вытесняет реальное. Ницше не знал, что с ней делать.

Недоживотное

В «Воли к власти» Ницше обозначает изъятие человека из сущего двояким образом: то как недоживотное, то как сверхживотное. И в том, и в другом случае мыслится одно и то же, а именно: животное не может быть ни недо-, ни сверхживотным. «Недо» и «сверх» понимаются Ницше как изъян, как пропуск в естественном порядке сущего. Заполнение пустоты изъяна требует изменения способа существования, быть уже не по природе, а быть самому.

Лекция № 9

Три идеи Ницше. Одиночество Заратустры. Непонимание. Пещера галлюцинаций. Что такое человек. Что значит «Бог мертв». Какая тень легла на Европу. Критика хайдеггеровской интерпретации слов «Бог мертв».

Три идеи Ницше.

У Ницше есть совершенно замечательные три идеи.

1. Ницше говорит, что такое человек. Это хаос, рождающий звёзды. Этот хаос может перестать рождать звёзды. Тогда всё, финал.
2. На прошлом занятии, когда мы читали про сомнамбулу, мы прочитали одну фразу. Она не так блестяща с точки зрения литературной, тем не менее, гениальна. Ницше говорит: «Мы лунатики дня». Я веду с первого дня с вами этот разговор об онейрическом существовании, сновидном существовании.
3. У Ницше есть выражение, что человек - это самокатящееся колесо. Ницше крайне одарён. При этом с философией в каких-то пунктах я не согласен.

Итак, я продолжу тему онейрического существования. Был Гераклит, Аристотель в стороне, Спиноза в стороне, Ницше я тоже сюда привлёк. Ницше - отдельная строка. Это человек один на тысячелетие бывает. Их всего не много. Если вы читали Фуко, помните, у него есть в «Истории безумия» две странички, когда он говорит: «Господи, весь смысл этого многомиллиардного существования людей составляет шесть человек». Это правда. Это звучит кощунственно, нелепо, тем не менее. Если спрашивать, что вы из себя представляете? То судить можно по этим безумцам. Все остальные не в счёт.

После Ницше будет Декарт. Декарт - это время науки. Это очень хорошо видно. В конце, если останется время, будет небольшая лекция о вере и знании, науке и религии. Время веры прошло, время науки прошло. Как фиксируется конец науки? Декарт уже не будет отвечать на вопрос «что есть что-то». Он будет делать иначе. В данном случае, в «Размышлениях о первой философии» он будет говорить: «Как найти границу между сновидением и явью?». Это совсем другая работа. Как найти, как понять, как отличить одно от другого, в каких словах, какие критерии. Я говорю, что это время другое. Ещё сто лет назад Кальдерон пишет, что жизнь есть сон. Теперь стиль другой. Безумцы другие.

Мне не очень нравится тема сверхчеловека, потому что он не открывает и не закрывает тему человека. Ницше, несмотря на то, что у него есть гениальные вещи о человеке, расстрелял эту тему антропологическую в европейской культуре. Кант

единственный за две с половиной тысячи лет в европейской культуре сформулировал вопрос «Что такое человек вообще?» без связи с Богом, религией. Как с ним разобраться? Это совершенная насмешка Ницше. И его поддержали.

Я думаю, что его идея сверхчеловека закрывает эту тему. Я вам говорил о двойном изъятии. Он изымает его из сферы принадлежности к человеческому и из сферы принадлежности к природе. Двойное изъятие.

Одиночество Заратустры.

Заратустра жил обычной жизнью неевропейского человека, то есть он верил в Бога и соблюдал неписаные правила общежития. Но в 30 лет, как со всеми нами, с ним что-то случилось. В нем, как говорит Ницше, проснулось сознание. Заратустра задумался и стал избегать людей. Почему? Потому что нельзя думать в стаде, на людях, в присутствии множества других. Сейчас я скажу, что можно. Ты можешь окуклиться всегда. Думать – значит вступать в разговор с самим собой. Говорить с самим собой в присутствии другого – значит сойти с ума, быть сумасшедшим.

Другие нас заставляют прикидывать, рассчитывать, выгадывать. Внешнее заставляет нас соображать, то есть соотносить себя с тем, причиной чего мы не являемся. Общество вообще возникает для того, чтобы люди меньше воображали и больше работали. Я ещё много буду говорить об обществе. Вы помните названные мной две травмы? Европейская философия касательно антропологии нанесла две интеллектуальные травмы:

1. труд создал человека;
2. человек – это сугубо социальное существо.

Реальность приставляет к человеку другого с тем, чтобы он не мог остаться наедине с собой. Помните, как у Бахтина: «Кто даст тебе форму? Другой. Кто завершит тебя? Кто сделает из тебя целое? Другой. Без него ты разомкнут, не закончен, не оформлен». Бахтин – певец социального.

Итак, другой приставлен к человеку только лишь для того, чтобы он не мог оставаться наедине с собой. Кто тебе мешает? Другой. Он тебя завершит. Он даст тебе целое. Он даст тебе имя. Каждый должен сыграть какую-нибудь роль в социальном спектакле. Заратустра тоже играл в нем свою роль и до 30 лет не знал, что значит быть собой. До 30 лет мужик не знал. Вы чувствуете, что у Ницше происходило? Он это пережил.

И вот однажды он понял, что ему не хватает себя. Как принято говорить в таких случаях, Заратустра сошел с ума, ибо сам по себе разум – это злейший враг

воображаемого. Заратустре захотелось оставить реальное, чтобы побыть наедине с собой, погрузившись в воображаемое.

Заратустра захотел говорить на своем языке, и он ушел в горы. А куда мы уйдём? В деревню? В горах, или, по словам Ницше, за пределами своей родины, он нашел отдохновение и 10 лет наслаждался собой, своим духом и одиночеством.

Непонимание.

Кто хочет говорить на своем языке, тот должен лишить себя радости быть понятым. Кто хочет быть понятым, тот должен перестать говорить от своего имени. История Заратустры, рассказанная Ницше, это история непонимания. Да, ты сверхчеловек, когда тебя не понимают, но ты не пошёл, не застрелился, не ушёл таким радикальным образом, а ты вдруг начинаешь выстраивать свой путь среди непонимания, когда всё против тебя. Заратустра говорит, с ним соглашаются, его слушают, но не слышат. Помните, я вам говорил: кто спит? Если ты слушаешь, но не слышишь, ты спишь. Это сон наяву. Ты можешь не проснуться. Как говорил Гераклит: единственное, что ты можешь сделать, - начнёшь жить после смерти. Жди.

Обращаясь к людям, Заратустра пророчествует о сверхчеловеке, а народ, собравшийся на площади, думает, что речь просто-напросто идет о ловкости канатного плясуна и, прерывая Заратустру, требует начать представление. «*Они,* – говорит Заратустра, – *не понимают меня: мои речи не для этих ушей*». А где мы возьмём тебе других? Люди такие. Непонимание – это всего лишь следствие пребывания Заратустры внутри самого себя. Потом на эту тему я буду читать Гоголя, потому что он единственный, кого я знаю, попробовал обратиться к себе и побывать у себя внутри. Он вышел и рассказал. Судьба Гоголя очень интересная. Он попробовал. «*Это ад, это ужасно*», - скажет он. Это как побывать внутри у крокодила, который тебя проглотил, как Кандинский рассказывал.

История Заратустры закончилась его возвращением из мира воображаемого к безъязыкой реальности. Но сначала Заратустра попытается уйти в горы, в мир грез.

«Уйти в горы» – это значит создать, по словам Фуко, практику самого себя, то есть попытаться изменить ритм жизни своей субъективности. А поскольку этот ритм часто называют внутренним временем, которое дает нам нашу самость, постольку, изменяя течение времени, мы можем попытаться изменить самих себя. Отсюда следует, что нет одинаковых людей. Если все животные равны, то люди принципиально не равны. Это неправильно: считать равными неравных. Это неравенство, согласно Ницше, коренится не в природе и не в социуме, оно коренится в субъективности людей. Субъективность – это не психика. Это заполнение пустот реального воображаемым. Субъективность пульсирует

одновременно вокруг двух центров: самоаффектирующей самости, представленной ребенком, и говорящим «я», представленным Заратустрой. Две фигуры. Мы с вами как можно быстрее стремимся перекинуться из состояния самоаффектируюшей самости во взрослое, говорящее «я». Но мы плохо думаем, чем мы за это платим. Мы пытаемся освоить этот мир, сделать карьеру, научиться думать.

Ницше называет работу субъективности по заполнению изъянов существования созиданием ценностей. И с этим тезисом Ницше вынуждена была согласиться вся современная философия. Изъять себя из сущего и не созидать ценности, нельзя. Ницше славен тем, что ввёл ценность в оборот. Не бытие, а ценности. Ценности – это и есть принятые нами грёзы и галлюцинации. У Заратустры никак не получается совместить движение в мире ценностей с движением в мире вещей, поэтому он галлюцинирует.

В горах Заратустра научился жить в мире галлюцинаций. Чего мы ищём, когда хотим уединиться? Быть наедине с собой – это значит не позабыть, как люди ещё живут в мире галлюцинаций. Кто не был одинок, тот не галлюцинирует, тот плохо спит наяву. А кто не галлюцинирует, тот не может творить ценности. Он не ценен. Заратустра не знает, чем бытие отличается от мысли о бытии. Чтобы творить, нужно следовать мысли Парменида о тождестве бытия и мышления. Чтобы выжить, нужно признать нетождественность бытия и мысли о бытии.

Один год, проведенный внутри самого себя, равен по интенсивности, как стали полагать позднее ученые, трем годам обычной жизни. Если Заратустра провел в состоянии депривации десять лет, это значит, что субъективно он достиг шестидесятилетнего возраста. Сосредоточенность на самом себе делает Заратустру нечувствительным к внешним воздействиям. Она стирает грань между явью и сном. Депривация создает такую оптику, такую чувствительность, что внешнее утрачивает чтойность, ясность границ между вещами. Декарт будет это требовать. Ясность, четкость требует наука.

Пресытившись своей мудростью, Заратустра решился спуститься с горы к людям. По дороге он встретил старца. «Что ты, бодрствующий, хочешь найти среди спящих?» – спросил его старец. «Я люблю людей», – ответил Заратустра. «И я любил людей. Теперь я люблю Бога», – возразил ему старец. «Иди лучше к зверям», – продолжал он. Но Заратустра не послушал совета старца и поспешил к людям. «Старец, видимо, еще не знает, что Бог умер», – сказал себе Заратустра, спускаясь в город к людям. Сказал и ошибся. Так начался закат Заратустры. Я бы всё переписал. Всё не так. Но Ницше сделал всё, что он сделал.

Закат Заратустры состоит не в тратах накопленной мудрости, а в том, что он поверил в возможность существования человека без Бога. А зачем нам Бог безотносительно к институциям, к социуму? Какой формуле мы подчиняемся? Если человек – это спящее наяву, грезящее, то он не может жить без Бога. Почему? Потому что

для него есть только два пути. Либо ничего нельзя, либо не всё можно. Бог – это не всё можно. Не всё можно, но что-то можно. Поэтому человек не верблюд, нагруженный ценностями.

Заратустра пошел к людям, а ему нужно было идти к зверям, но не для того чтобы стать зверем, а для того чтобы среди них спеть себе последние очаровывающие песни.

Кто любит людей, тот не любит Бога. Кто любит Бога, тот не любит людей. Заратустра не любит ни Бога, ни людей. Он любит землю. Видимо, поэтому старец советовал ему идти к зверям, к тому, что подчиняется закону вечного возвращения к одному и тому же. Сингулярная антропология запрещает саму возможность вечного возвращения. Первый и последний раз. Не будет второго. Вспоминайте Рильке и Хайдеггера. Звери замыкают себя на внешнем. Они и есть внешнее. Человек замыкает себя на внутреннем. Он и есть внутреннее мира. Бог размыкает внутреннее человека и соединяет его с внешним. Без Бога человек обречен, как Заратустра, на вечное возвращение к одному и тому же, как животное. Нельзя отменить закон сохранения массы. Мы никуда не денемся. Мы вернёмся к этой массе. Она вечна. Мы хотим другого возвращения, но это невозможно. Если ты хочешь такого вечного возвращения, умри.

А непосредственная тождественность с миром означает не что иное как смерть. Эту тождественность Ницше называет почему-то сверхчеловеческой. Ибо человеческое, на его взгляд, попадает в лучшем случае в ситуацию самообмана, поклонению ослу. Кому-то надо поклониться.

Без Бога человек обречен задохнуться внутри своей субъективности. Заратустра размыкает внутреннее своими силами. Но за это сверхчеловеческое усилие он должен был заплатить вечным возвращением к одному и тому же, к непосредственной тождественности с миром.

<u>Пещера галлюцинаций</u>

Однажды в пещере Заратустры установилась тишина. И Заратустра решил незаметно посмотреть на своих гостей, что они делают. Среди гостей были разные люди. Все они молились ослу. «Что вы делаете?» – закричал Заратустра, – «Это осел». «Лучше молиться Богу в этом образе, чем без всякого образа», – отвечал ему папа. «Старый Бог еще жив», – поддержал папу странник.

Дело не в Боге, убеждает нас тем самым Ницше, дело в людях. Бог мертв. Вы уже все научены, что Бог мёртв, человек мёртв. Я хотел бы напомнить, что он умирает не где-то, когда-то. Он умирает тогда, когда он не рождается у тебя в душе. Это умирание странного свойства: он умер, когда он не родился. Он перестал рождаться в наших душах. Мы стали другими, такими, которые не могут родить. А молиться хочется. Здесь

появляется скорлупа. Что такое социум? Пленка. Что нас окружает? Социокультурная пленка. Что за ней? Ничего.

Когда вам говорят, будьте устойчивыми в жизни. Будьте такими, как Ванька-встанька. Ваньку бьют, а он стоит. У него свинец есть. Его нельзя убить. Тебе говорят, пусть у тебя будет свинец внутри. А как его получить? Эту тяжесть, то, что делает тебя устойчивым. А мы без неё. Тогда что получается? У нас есть только социокультурная пленка, которая протыкается элементарно.

Я сходил в церковь и считаю, что контакт у меня есть. А о самоотчёте не хочу думать. Если у нас есть то, что мы вложили или допустили, чтобы что-то появилось, то ты устойчив как Ванька-встанька: тебя бьют, а ты стоишь. Это называется самостоянием. А если ничего нет, то появляются массы. Они везде. В музее Пушкина – массы, в Третьяковке – массы, в университете – массы. Что делать? Я-то думал, что я человек. Почему мы массы? Потому что у нас только социокультурная пленка. Следовательно, мы легко протыкаемся пальцем.

Дело не в Боге, дело в людях. Но люди таковы, что еще тысячелетие у них будут существовать пещеры, в которых показывают тень Бога. Эти пещеры – церкви. Я вспоминаю другую фразу. Из Достоевского: «Ко всему привыкает подлец-человек». Ко всему, со всем согласен. На это есть ещё Шаламов. Будь человеком везде.

И мы, говорит Ницше, должны победить еще и тень. Но Ницше еще не знает, что нельзя победить тень, если она коренится в субъективном.

Финальная сцена книги «Так говорит Заратустра» отвечает на этот вопрос. Если вера – это самообман, то победить эту веру можно лишь силой. Эту силу Заратустра нашел в косматом льве, который, как собака, вилял перед ним хвостом и одновременно, как человек, смеялся. Когда люди захотели выйти из пещеры, чтобы поприветствовать Заратустру, лев с диким ревом прыгнул к ним, и люди навсегда исчезли. Вместе с ними исчезла и тень Бога. Остались одни животные. И Заратустра растворился в мире природы.

Сверхчеловек – это человек, который хочет своей воли. Я вам читал маленькую лекцию о свободе и говорил, что нет никакой социальной свободы. Есть только внутренняя свобода. Внутренняя свобода – это произвол, каприз. Что касается социальной свободы: это мираж, привилегия немногих.

В сверхчеловеке Ницше перестает мыслить человека как движение, порыв, и начинает мыслить его как вещь. Если человек теряет мир, и у него появляется свой мир, то есть внутренний мир, то Заратустра делает обратное движение – он теряет свой мир и возвращается в мир вещей, в мир сущего, в мир зверей, в котором нет ни человека, ни сверхчеловека. «Истина крива, само время есть круг».

Что такое человек?

Ницше не знает, что делать с тем, что в человеке больше человека. Европейская философия не знает. Есть гениальная фраза, сформулированная Деррида: «Человек всегда больше, чем один». Я понимаю всё, что упаковано в этой мысли. Ницше думает, что больше человека – это сверхчеловек, а сверхчеловек – это выше которого ничего нет. Помимо этой, у Ницше есть другая теория человека.

Человек – это хаос, рождающий звезды. И проблема человека состоит в том, что, как пишет Ницше, приближается время, когда человек не сможет больше родить звезды. Появится презренный человек, то есть человек, который не может даже презирать себя, который может только гордиться собой.

Люди – это дети. Что может сделать ребенок, чего не смог бы сделать даже лев? Лев может сбросить с себя бремя культурных ценностей и растоптать их. У ребенка нет этого бремени. Он может только грезить. Это самоаффектирующая самость. Ребенок – это чистая субъективность. То, что может быть причиной самого себя.

Ницше пишет: *«Дитя есть невинность и забвение, новое начинание, игра, самокатящееся колесо, святое слово утверждения».* Дитя как невинность означает, что за его спиной нет никакой культуры, нет никаких ценностей, нет никакой стихии, у него нет ничего, что работало бы за него.

Что значит «русские бескультурны»? На что обратил внимание Чаадаев? Он приезжает в Италию, там все улыбаются, всё упорядочено. Они знают, что они будут делать через полгода. Это культурные люди. К нам приезжаешь, мы встаем и говорим: «Так. Что делать? Как жить?». Мы каждый день решаем одну и ту же проблему. Так ли я живу? И нам это нравится. Там не решают. У них решено. Есть культура. Решилось. Мы каждый день решаем: встать или не встать при виде этой бабки, которая заходит. В этом, конечно, есть какая-то прелесть. Мы ещё не умерли. Мы ещё думаем. Культура – это сложившиеся механизмы, аппарат, который работает за нас. Социум то же самое предлагает. Но социальная машина вообще не работает в России, как вы понимаете. Худо-бедно её наладили в Европе. Она тарахтит, но как-то работает. Мы придумали другое в России. У нас есть такой философ Лосский. Он народник. У него есть работа про героя. Пафос какой? У нас нет машины, но людей не жалко. У нас есть герои. До сих пор дают Героя в России, чтобы человеком затыкать социальные дыры. Чаадаев говорит, что это сумасшествие. Прочитайте письма Федотова о русской культуре. Он ходил, ходил, потом стал работать. Обеды не нужны, ужины не нужны. Он как встал к станку и неделю работал. И всё сделал. А немец делает полгода, а он за неделю, но потом полгода гуляет. Ему Героя Труда. Нам нужны герои.

Дитя предназначен природой к творчеству. Но дитя есть, одновременно, и забвение. То есть дитя есть бытие, которое не опосредовано временем. Любой человек, благодаря тому, что забывает, может, как дитя, начинать что-то с самого начало. Поэтому дитя есть новое начинание, начало, которое не ведет к результату. Начало без результата – это игра. Играющий ребенок – это и есть самокатящееся колесо, то есть самоаффектирующая самость. Ребенок – это не опосредованное негативностью утверждение жизни.

Что значит «Бог мертв»

О смерти Бога Ницше впервые сообщает в «Веселой науке». Глашатаем вести о том, что Бог умер, выступает не атеист, не ученый, не позитивист и даже не европеец, а безумец. Почему? Видимо, потому что есть вещи, которые не высказываются обычным образом. Они высказываются человеком на грани безумия. К таким вещам относится и смерть Бога.

Помните роман «Идиот» Достоевского? Идиот старается смотреть, поймать логику ситуативную, двигаться, как и все, по этим полям силовым. Но всё время попадает, как с вазой.

Один безумец уже искал человека при свете дня на агоре и не нашел его. Помните его? Другой тогда придумал философствование с молоточком. Это Ницше. Философия - это молоточек. Философией простукивается всё. А у нас в стране не любят философию. Не понимают, а это молоточек.

Сами эти поиски были, конечно, оскорбительными для людей, собравшихся на агоре. Почему же поиски Бога не оскорбляют людей? Ведь убить Бога так же невозможно, как отцепить землю от солнца. Отцепить землю от солнца – значит уничтожить и землю, и солнце. И все же, настаивает Ницше, люди убили Бога. Но в этом убийстве есть один аспект, на который Ницше почему-то не обращает внимания. Убили его как-то тихо, побытовому, даже не заметив его смерти. И вот это-то безразличие к Богу и потрясает в убийстве Бога. Вы же знаете, что человек родился тихо. И исчезнет также. Никто не заметит, что была цивилизация.

Его убили между делом, занимаясь насущными вопросами. Ницше даже как будто бы сожалеет об этом. Но вот теперь, когда Его нет, нужно осознать и пережить Его смерть. Ницше слишком торопится возвестить о сверхчеловеке.

Но если смерть Бога – это такое событие, которое никто не помнит, то это значит, что его не было. А если бы оно и было, то это была бы какая-то вселенская смерть. И Ницше дает понять об этом, полагая, что человек без Бога обречён жить на земле без солнца, во мраке ночи, без пространственных и временных координат, без низа и верха.

Если всякий миг начинается ночь, то это такая ночь, которая никогда не завершится днем. И только в такой ночи может возникнуть вопрос, не нужно ли нам сегодня зажечь фонарь посреди белого дня и не придется ли нам самим стать богами? Ведь вся земля теперь наша, мы ее господа, но готовы ли мы к этой мысли?

Безумный человек, сообщив о том, что произошло невозможное, понял, что он обратился к людям, которые так и не поняли, что они сделали. Люди сочли его безумцем, а себя нормальными. И тогда безумец разбил свой фонарь. Безумец разбил свой фонарь не перед праздными зеваками, не перед теми, кто не верит в Бога, а перед тем, кто Его убил и убивает, не ведая о том, что творит. Христос умер, как только он не родился в душе человека. Это неведение о чудовищном событии, лишившем людей звезды, свет от которой еще виден, и стало предвестником ночи, опустившейся на Европу.

Разбитый фонарь у Ницше – это символ опустившейся ночи на Европу. Ницше понял, что он последний метафизик Европы. Кризис.

Какая тень легла на Европу.

Разбитый фонарь безумца означает, что с некоторых пор в Европе перестал гореть огонь безумия, который позволял ей видеть невидимое. Европа стала слишком рациональной, слишком позитивной. Бодрийяр, Хайдеггер, Деррида пишут на эту тему. Отсюда следует, что вера в христианского Бога сделалась в Европе неправдоподобной, ибо этот Бог был не только на небе, но и на земле, а его захотели спустить с небес на землю. Бог на земле – это человек. И Ницше посоветовал этому человеку изменить свою сущность, то есть стать сверхчеловеком.

Я недавно узнал одну замечательную вещь. Может, вы этого ещё не понимаете. Было время, когда думали, что у человека есть сущность какая-то особенная. Потом пришло время, когда стали говорить, что никакой сущности у него нет. У него есть просто природа, как у всех остальных. Потом, через некоторое время появились мудрецы, которые стали говорить, что вообще нет никакой сущности. Я с этим согласен, но прошло ещё некоторое время. Появились такие умные люди, которые стали говорить, что если что-то есть, то только права. У человека есть права. Вы даже не понимаете. В философии случился революционный переворот.

В чём переворот? Сущность я не могу передать. Права передаются. Человек передал свои права нечеловеческому. Вот что сегодня происходит: передача прав, расширение границ антропологического. Право можно передать. Я дарю, передаю своё право быть человеком резиновой кукле. Конечно, я должен знать, что она думает по поводу того, что я думаю.

Критика хайдеггеровской интерпретации слов «Бог мертв».

Хайдеггер полагает, что слова Ницше «Бог» и «христианский Бог» служат для обозначения сверхчувственного мира вообще. «*Бог – наименование сферы идей, идеалов»,* – пишет Хайдеггер. Но Ницше нигде не говорит о том, что Бог – это наименование. У Ницше Бог – *«самое святое*». У Него есть кровь и плоть. Если мы прислушаемся, то, говорит Ницше, мы услышим, как гробокопатели роют могилу для захоронения Бога. Вряд ли гробокопатели хотят похоронить сверхчувственный мир. Разве мы не чуем, пишет Ницше, как воняет гниющее тело Бога? Но «наименование» Хайдеггера не гниет. Следовательно, дело не в противопоставлении мира чувственного и сверхчувственного, метафизического и физического, дело в том, что Бог есть нечто чувственно-сверхчувственное, и Ницше говорит об этом прямо. Но тогда слова Ницше «Бог мертв» означают не конец сверхчувственного мира, не то, что он лишился своей действенной силы, не конец метафизики, а то, что вера в христианского Бога стала в Европе неправдоподобной. И вот это событие отбрасывает теперь свою тень на всю Европу, которая не знает, что делать с тем, что больше человека, которая хочет скрыть это свое незнание идеей сверхчеловека.

Как только Европа перестала быть христианской, Россия перестала быть Европой.

Лекция № 10

Человек и кукла. Кукла. Второй план. Игра. Платон о «человеке- кукле». Наука. Вера. Символ. О разуме. Декарт. «Рассуждение о методе».

Основная фигура этой лекции - это Декарт. Рассуждения будут идти в связи с двумя работами: «Размышление о методе» и «Размышления о первой философии». Прежде чем я займусь Декартом, я прочту три восьмистишья. После этого пойдёт общий текст: Декарт, изменение в способе мышления человека.

Я цитировал в прошлый раз стихи, но вы так бурно отреагировали, что я принужден ещё раз их взять. Это стихи Мандельштама. У нас вообще не так много поэтов, которые увлекаются и любят философию. Особенности людей творческих.

Итак, три восьмистишия. Только оцените, отнеситесь.

Шестого чувства крохотный придаток
Иль ящерицы теменной глазок,
Монастыри улиток и створчаток,
Мерцающих ресничек говорок.
Недостижимое, как это близко!
Ни развязать нельзя, ни посмотреть, —
Как будто в руку вложена записка
И на нее немедленно ответь.

Это то, что мы в себе не можем рассмотреть. То, что ближе всего к нам. Я могу посмотреть на чайник своими глазами, а туда не могу. Это как записка в нас. Она есть, но как её прочесть?

Я прихожу к вам с грёзами, галлюцинациями, призраками, призрачным бытием.

Когда, уничтожив набросок,
Ты держишь прилежно в уме
Период без тягостных сносок,
Единый во внутренней тьме, —
И он лишь на собственной тяге,
Зажмурившись, держится сам —
Он так же отнёсся к бумаге,
Как купол к пустым небесам.

И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьем гаме,
И Гёте, свищущий на вьющейся тропе,
И Гамлет, мысливший пугливыми шагами,
Считали пульс толпы и верили толпе.
Быть может, прежде губ уже родился шопот
И в бездревесности кружилися листы,
И те, кому мы посвящаем опыт,
До опыта приобрели черты

Я некоторые вещи делаю хуже, нежели это делает Мандельштам. У него ясно и очень хорошо. Поэт всегда возьмёт первенство. Поэтому эти изначальные философы, которых Хайдеггер называет: Гераклит, Парменид, я приписываю Протагора, - они поэты. Поэту много не надо. Восемь строчек, и всё сказано.

Человек и кукла.

Человек-кукла был у Платона. Это немного шире, потому что эта кукла загадочная вещь в некотором смысле.

Современный человек, обремененный фактом существования науки, не находит принципиальных различий между человеком и животным. Он не видит их ни в языке, ни в сознании, ни в игре. «Игра старше культуры», - говорит Хейзинга. «Человеческой исключительности пришел конец», - утверждает Жан-Мари Шеффер. «Человек – это складка материи», - констатирует Делёз. И с ними можно было бы согласиться, если бы не одно обстоятельство. Если бы человек перестал играть с куклами. Не орудие труда, а кукла является онтологически первой, то есть тем, что указывает на присутствие в мире человека. Пока дети играют с куклой, складку материи нельзя разгладить и человека нельзя свести к простой протяженности. Вот на эту невозможность и указывает феномен куклы.

Кукла.

Что такое кукла? «Киклос» у греков означает круг. Кукла – это нечто круглое, свернутое, то, что можно запеленать и свернуть. Латинское «cuculle» означает капюшон. То, что скрывает, переодевает и не позволяет по внешнему судить о внутреннем, которое присутствует.

Для русских кукла – это то, во что играют дети. По словам Выготского, кукла – это предмет, в котором закодированы определенные способы действия человека. Но это

определение мало что говорит о кукле, ибо определенные способы действия человека закодированы и в консервной банке, отчего она не перестает быть банкой и не приобретает свойства куклы.

В кукле миру реального являет себя нереальное, воображаемое. Кукла – проводник в мир грез. В ней актуализируется всякий раз заново некое воображаемое. Кукла – это место пребывания человека в мире сновидного, не различенностью яви и грез.

Второй план

Воображаемое разрывает связь действия и мышления. Мыслить не значит действовать, а действовать не значит мыслить. Равно как говорить не значит воображать, а воображать не значит говорить. Что отличает человека от животного? Второй план сознания. Что образует второй план? Кукла. Игра с куклой отличает человека и от робота. Человек – не интеллектуальная машина. В кукле мы имеем дело с образом, вынесенным за пределы мозговых структур человека. У машины нет такого образа. А значит, у нее нет и сознания.

Человек делает куклу в той мере, в какой кукла делает человека. Поэтому неверно думать, что человек старше куклы, у них один и тот же возраст. Не может быть так, чтобы человек был, а куклы, то есть его опредмеченного образа не было. Самая древняя кукла была найдена на раскопках в Брно, в Чехии. Ее создали примерно 35 тысяч лет до н.э. Следовательно, этим временем можно датировать и появление человека. Не раньше и не позже.

Игра

Игра, вопреки Хейзингу, не старше культуры, ибо игра – это перевоплощение, переодевание, связанное с переносом смысла, его освобождением от телесной детерминации. Кошка с мышкой не играет, но доминирует. То, что Хейзинга называет игрой, игрой не является, ибо принадлежит естеству, самой природе как ее признак, а не знак. В природе игра происходит без перевоплощения, без куклы. Мышка – это не свое иное кошки. В природе игра происходит без перевоплощения, без куклы. В культуре игра связана с перекодировкой плоти, со сменой знака телесности. Между первым и вторым, между природой и культурой стоит третье, нечто неприродное и некультурной. Это третье – культ, мистерия, то есть чистое перевоплощение, то, в чем нет никакой игры. Культ – это перевоплощение без игры. Имея в виду этот факт, можно с уверенностью сказать, что культ старше культуры. Если бы не было мистерии перевоплощения, то человек оказался бы простой складкой материи, и его нельзя было бы отличить ни от робота, ни от

животного. Складка повторяет одно и то же, образуя пустое, как у бочки, внутреннее. Кукла не повторяет одно и то же, а прибавляет к тому, что есть, то, чего нет, но что может быть, если мы захотим, чтобы оно было.

Платон о «человеке- кукле»

Для Платона кукла – это не предмет, с которым играет ребенок. Для него это сам человек. Платон говорит, не боги нами играют, хотя они нас и создали. Обычно считают, что боги дергают нас за ниточки. Платон отсекает эту мысль. Боги ничего не дергают. Вы помните, что дергают? Страсти. Мы куклы со страстями.

Быть куклой – значит следовать только одному влечению и оказывать сопротивление всем остальным. Если мы будем это делать, тогда в мире появится добро и зло. Если мы не будем этого делать, то тогда в мире не будет ни добра, ни зла, и мы не будем даже знать, чем они отличаются друг от друга.

У Декарта вместо куклы есть несколько оборотов. Например, такое выражение появляется «путник, заблудившийся в лесу». У Канта – человек-марионетка в «Критике практического разума».

Обычно я говорю о живописи. Наскальная живопись для меня это и кукла, и всё остальное. Это та мнимость, посредством которой расширяется реальное. И в этом расширении оно не зависит от этого реального.

Наука

Наука – это знание. А знать – значит располагать нечто в последовательности, рассчитывать, вычислять. Наука наложила печать неустранимую на всю культуру. Наука основана на числовой сущности мира. В ней всякое суждение относительно. Всякое знание требует пересмотра. Науке нужна относительная истина, по крайней мере. В вопросе об истине наука расходится с верой, ведь верить – значит верить абсолютно, а знать – значит диссимилировать абсолютное, рассеивать его, распылять. Наука полагает, что жизнь – это числовой процесс. Вера полагает, что жизнь – это не арифметика, не логический процесс, а реальный. Она полагает, что жизнь – это некий абсурд. Поэтому можно верить и знать, но нельзя знать и верить.

Вера

Греки и римляне были людьми, конечно, образованными. Они учились в академиях и лицеях и знали, что есть законы природы и эти законы никому нельзя

нарушать. А потом появились христиане, люди Востока, люди невежественные и темные, ибо в академиях они не учились и думали, что у них есть такой Бог, которого, как человека, можно поймать и гвоздями прибить к кресту. Римлянам казалось нелепым называть Богом того, кто смертен. Бог – это Юпитер. Разве мог кто-нибудь из людей арестовать Юпитера, заковать его в наручники, посадить в тюрьму. Юпитер испепелил бы людей, уничтожил мир, ибо он бессмертен и всесилен. И это правильно.

Но в третьем веке нашей эры жил Тертуллиан. Он был защитником христианства, апологетом. Да, говорил он, Христос распят, но мы этого не стыдимся, хотя это и постыдно. Да, Сын Божий умер, мы верим в это, потому что это нелепо. Погребенный он воскрес. И это верно. Ибо это невозможно. То есть греки и римляне открыли горизонты знания, а христиане открыли горизонты веры, которая не нуждается в знании, в ссылке на цепочку причин и следствий, в основаниях. Если я знаю, то я уже не верю. А если верую, то абсурдно. Нельзя верить со ссылкой на такие языковые формулировки, как: «потому что», «если, то». Ибо эти ссылки уводят в мир наличного, фактического. А мир реальный всегда относителен, для него есть понятия, метафоры и аллегории. Но нет символов.

Символ

Символ – это не знак. Знак произволен и не зависит от обозначаемого предмета. Символ и символизируемое есть одно и то же. Для того чтобы появился символ, нужна тайна. Но в мире относительного нет тайны. Вернее, она есть, но носит характер языкового секрета, того, что мы знаем, а другие не знают. И мы им его не раскроем. Носителями таких секретов являются секретари. Онтологическая тайна – встреча абсолютного и относительного. Логически эта встреча невозможна. Ведь для того чтобы встретиться, либо относительное должно перестать быть тем, что оно есть, либо абсолютное. Тем самым, сама встреча теряет смысл. Так вот, эта встреча – тайна. Она требует веры, поэтому у веры всегда есть символы и нужно быть верным символу. Верен тот, кто верит. А тот, кто потерял веру, тот не верен. Конечно, легче от фактического, наличного потребовать соответствия своему понятию, чем от себя потребовать соответствия символу. Вещи соответствуют своему понятию. А человек соответствует своему символу. Вера и верность не из мира фактического, в котором все случайно и преходяще. Вера и верность из мира символического. А символы неизменны. Поэтому не следует искать человека или человеческое среди возможного. Человека нужно искать среди невозможного, ибо человек – это его вера.

С верой связана верность. Но верность нельзя понимать как правильность. Правила губят веру и мысль. Верность нельзя заменить истинностью, ибо истина требует соотношения с вещами, а верность соотносима только с самой собой, с верой. В мире веры

простые мысли и твердые основания. В современном мире много знания и мало веры. Поэтому в нем преобладают сложные мысли, и человек строит свою жизнь на зыбких основаниях.

Вера слепа, но не потому, что она не видит. А потому что она видит видения, для которых нет никаких оснований. Если для веры есть основания, то она становится разумной, знающей. Знающая вера перестает быть верой. Знание и вера несовместимы. Одно ведет к поиску причин, к логике. Другое – к невозможному.

О разуме

За последнее время в философии радикально поменялось отношение к разуму. Суть этих изменений можно выразить так: быть разумным – значит не покидать природу, быть реактивным, послушным природе, то есть быть адекватно реагирующим на изменения среды. Природа разумна, но человек безумен, потому что он не послушен, являясь причиной реальности объектов своих представлений.

Что мы говорим ребёнку? Будь умным. Слушай маму. Слушай папу. Будь послушным. Для чего нужен ум? Он ему не нужен. Ум нужен мне, чтобы он был послушный. Разум нужен для того, чтобы оправдать глупость задним числом. Мы всё делаем глупо, но когда разум включается, всё это выглядит вполне разумно.

Он воображает, то есть смотрит на мир со стороны сознания. Для него призрак так же реален, как и вещь. В дискуссии между Фуко и Деррида про безумие и Декарта есть проблема. Вещь отличима от призрака или не отличима? От этого зависит всё.

Быть разумным – не значит быть мыслящим, а быть мыслящим – не значит быть разумным. Появляется ещё один неизвестный 20 веку оборот. Разумный человек лишает себя видений. Его отношение к миру не опосредовано отношением к самому себе. Ему определено быть animal rationale. Сегодня быть разумным – значит быть бюрократом расхожих ценностей. Возникает протест. Мыслящий человек – это человек грезящий, человек, к которому приходят видения. Его отношение к миру опосредовано отношением к самому себе. Он ищет истину, как ищут Бога. Люди, которые отказались от возможности веровать, уже не могут искать Бога, ибо искать его – это дело безумцев. Помните безумца у Ницше, который искал Бога? С фонарём безумцы ищут Бога. Безумен тот, кто ищет Бога. Мы слишком позитивны. Это стало негативной характеристикой.

Люди стали слишком разумными. *«Они,* – говорит Хайдеггер, – *больше не могут искать, потому что перестали думать».* И далее он говорит: «*Мышление начнется тогда, когда мы постигнем, что возвеличивавшийся веками разум – это наиупрямейший супостат мышления».* Мышление начнётся, когда мы поймём, что разум – это враг мышления. Иными словами, мысль законодательствует не тогда, когда она покоряется

разуму, но тогда, когда она, по словам Делеза, мыслит наперекор разуму. Что с мыслью происходит? Мысль мыслит наперекор разумы. Мы только что говорили, что разум всему голова, что человек разумен. Аффект на цепь, эмоции погасить, не будьте слишком эмоциональными. И вдруг…

Когда я говорю о внутреннем, наш язык заставляет искать, как в бочке, какую-то пещеру, щель, что-то, куда можно нырнуть, пустое. Некоторая пустота, образуемая материей. Нет, внутреннее не имеет к этому никакого отношения. То, что я называю внутренним, нельзя получить всей бесконечностью причин всего бесконечного мира. Внутреннее нельзя получить полнотой всех провзаимодействовавших субстанций.

Здесь слово «внутреннее» не имеет никакого отношения к поверхности. Поверхность – неудачное выражение. Ясно, что ты из каких-то нор вылезаешь. Сказано было Платоном: пещера. Куда ты выползешь? Отсюда возникает проблема доступности.

В отличие от Делёза и от французов вообще, я понимаю, каким образом или посредствам чего расширяется мир телесного. Ключевая роль принадлежит мнимостям. Тогда возникает проблема: бытие там, бытие внутри, бытие вовне – это одно и то же бытие?

Декарт.

Меня в «Рассуждениях о методе» волнует правило морали. Вы уже поняли, что мораль - это мир сновидений. Я выделю три правила. Первое правило звучит так: повиноваться законам своей страны и обычаям. Прекрасно. Это против кого? Против Сократа. Это тот, с кого начиналась эта странная философия, который боролся с софистами, которого не любил Ницще.

Второе правило: не придавать никакой цены собственным мнениям. Вы же хотите свободы? Нет свободы. Она всегда внутренняя. Именно поэтому не придавать никакой цены собственным мнениям. Что делать? Сообразовываться с поступками тех, среди кого ты будешь жить.

Вы обязаны узнать все существующие теории интеллигенции. Обязаны. Я вам ничего рассказывать не буду. Это ваши проблемы. Но одно из правил русской интеллигенции - это сообразовываться не с теми, среди которых ты живешь, а с теми, среди которых ты не живёшь.

Ещё одно правило. Декарт введёт различие и тут же закроет. Как вы думаете, мысль о вещах и мысль о призраках, они похожи или разные? Мысль, посредством которой мы думаем о вещах, отличается от мысли, посредством которой мы думаем о мысли. У бытия то же самое. Бытие одно. Так задумывалось, но не получилось. У Хайдеггера оно распалось. В этом закат греческого мифа о бытии. Всё закончилось.

Закончилось словами Хайдеггера о том, что бытие зависит от человека. В работе «Парменид» стоят слова, когда он пишет: «Бытие выше человечества». Позднее он скажет: «Бытие зависит от человека».

Из первого правила ещё один пункт. «*Ты не обязан считать что-либо хорошим, если оно перестало быть таковым, или я перестал таковым его считать».* Не надо быть толерантными. Где толерантность, там симуляция, там закончилась философия. Философия не может быть толерантной.

Я хочу вытащить проблемы заранее, чтобы у вас был какой-то инструмент, чтобы вы могли бы слушать и что-то измерять или фиксировать.

Имеем ли мы доступ к вещам самим по себе? К истине, к солнцу? Только ответьте на этот вопрос так, если бы вы прочли про пещеру Платона. Имеем, если у нас есть уже-сознание. Две стратегии. Правильно будет сказать имеем, и правильно будет сказать не имеем.

Ещё одна проблема: «*Нет ни одной вещи, которая была бы такова, каковой нам представляется».* Здесь же: *«Страсти, которые чувствует наша душа, не могут быть не такими, какими она их чувствует».* Великая вещь. Возьмите эти два выражения и вы поймёте, что есть вещи, и есть мир мнимости. Мир мнимости - это ничтожная часть в этой вселенной. Нулевая, никакая. Но когда она есть, это радикально. Всё распадется, рассыплется на вещи и мнимости. Человеческий мир очень сложно устроен. Не так примитивно, не из четырёх стихий.

Здесь же вы увидите у Декарта совершенно легкомысленное утверждение: *«Душа делает меня тем, кто я есть».* Всё понятно. Но следующая фраза идёт такая: *«Душу легче познавать, чем тело»*. Можно всё закрывать после этого.

«Рассуждение о методе»

«ЧАСТЬ III. НЕСКОЛЬКО ПРАВИЛ МОРАЛИ, ИЗВЛЕЧЁННЫХ ИЗ ЭТОГО МЕТОДА.
Во-первых, повиноваться законам и обычаям моей страны, неотступно придерживаясь религии, в которой…я был воспитан с детства, и не прибегать к крайним взглядам…
…мне казалось полезнее всего сообразоваться с поступками тех, среди которых я буду жить».

В русском языке есть такие слова: почвенник, беспочвенник. Несколько иное. Фактически Декарт русский почвенник. Здесь тема свободы, интеллигенции или интеллектуала.

«…действие мысли, посредством которой мы думаем о вещи, отличается от действия мысли, посредством которой мы сознаем, что думаем о ней, они часто независимы друг от друга».

Философский текст читается только тогда, когда есть философия. Если её нет, то читать невозможно. Читают, чтобы что-то возникло, но не для того, чтобы что-то понимать.

«…совершил бы большую ошибку против здравого смысла, если бы, одобряя что-либо, обязал себя считать это хорошим и тогда, когда оно перестало быть таковым или когда я перестал считать его таковым».

Есть только внутренняя свобода. Не надо уповать, что тебе спустят какую-то свободу, и ты заживёшь этой свободой. Если в тебе этого нет, нет этого чувства свободы, то нет и свободы. Читая философские тексты, должно быть чувство свободы. Ты радуешься, огорчаешься, как в любом спектакле. Если ты сидишь болваном, зачем ты пришёл сюда? Так же и здесь. Если ты открыл книгу, и всё принимаешь, то у тебя проблемы. Или ты всё не принимаешь, у тебя проблемы. Ты не на тот спектакль пришёл. У тебя проблемы со свободой. Ты не свободен.

Следующее правило почти в такой же тональности, в какой написана кукла у Платона. Твёрдо следовать одному. В мире кривые, а ты по прямой. Тебя отвлекают налево, направо, туда, сюда, забежать, что-то сделать. Ты должен удержаться. Удержать себя в мысли. Это трудно очень сделать.

«…оставаться настолько твердым и решительным в своих действиях, насколько это было в моих силах, и с не меньшим постоянством следовать даже самым сомнительным мнениям, если я принял их за вполне правильные».

Когда мы обсуждали платоновскую куклу, я вам говорил, что там нет оснований, когда он говорил, что сведёт до двух противоречащих друг другу страстей. Платон не может сказать почему, потому что ещё ничего нет. Нет ни добра, ни зла. Он не может сказать, в какую сторону. Потом ты пойдешь, и выяснится, и появятся какие-то различия.

Без оснований. Мы привыкли, чтобы были какие-то основания, а их нет. Это и называется преодолеть бессмыслицу. Вы помните упрёк, который я выдвигал интеллектуалам? Это эксперты. Когда вас будут приглашать в качестве эксперта, поймите, что вы стали тем интеллектуалом, экспертное знание которого требуется. Какое знание, и чем он отличается? Его знание не опосредовано отношением к самому себе. Он даже не

интеллигент, он даже не идеолог. Он эксперт. Дальше начинается бюрократ. Дальше власть появится. Откуда возникает тема власти? Бюрократ и истина, бюрократ и власть будут друг друга поддерживать.

В этом фрагменте у Декарта появляется обыкновенное обоснование, что ты не будешь заблуждаться, не будешь, как путник в лесу, кружить, то ли влево, то ли вправо. Если хочешь выйти, должен придерживаться какой-то линии. Куда-нибудь, да выйдешь. Очень просто. Философия та же самая, что и платоновская.

«…где им, по всей вероятности, будет лучше, чем среди леса».
«Третьим моим правилом было всегда стремиться побеждать скорее себя, чем судьбу…».

Какая замечательная формула «побеждать себя». Потому что, что в твоей власти? Ничего, кроме своих мыслей, да и то упрямые. Ты призываешь, ни одна не явится. Ты тоже не можешь ими командовать. Они приходят, когда хотят.

«…нет ничего лучшего, как продолжать те дела, которыми я занимаюсь…».

Чтобы не случилось, делай, что делаешь и не суетись.

Последний отрывок. Это текст Декарта, заключение этих правил. Он описывает своё путешествие в Голландию. Я имею в виду пещеру. Если вы помните, у Платона было желание выскочить к свету, к солнцу, которое прямым образом тебе дано, доступно. Мы можем даже убить того, кто нас выводит к свету, потому что люди всегда так делают.

Легко запомнить эти направления. У Декарта другие. В тьму, в пещеру, в панцирь, в кювет. Как и Сократ. Один, и ничего не понимаешь, и ничего не знаешь.

«Ровно восемь лет тому назад одно желание побудило меня удалиться от всех мест, где я мог иметь знакомства, и уединиться здесь, в стране, где продолжительная война породила такие порядки, что находящиеся здесь войска кажутся предназначенными только для того, чтобы с большой безопасностью пользоваться плодами мира, и где в толпе весьма деятельного народа, более заботящегося о своих делах, чем любопытного к чужим, я могу, не лишая себя всех удобств большого города, жить в таком уединении, как в самой отдаленной пустыне».

Я бы хотел ещё раз Декарта процитировать. Пассаж о том, что обманывают чувства. За этим стоит другая вещь. Что значит быть безумным?

«Таким образом, поскольку чувства нас иногда обманывают, я счел нужным допустить, что нет ни одной вещи, которая была бы такова, какой она нам представляется».

Зачем будет введён злокозненный гений. Если нет чувственных оснований, то есть интеллектуальные. Я умом постигаю. Как это? Не решишь проблему доступности, когда просто скажешь, что у меня не чувственные основания, а интеллектуальные. Всё равно возникает вопрос о доступности. Но можно добавить, как говорит Платон, уже-знание. Если его нет, но мы никогда не можем знать, как выглядят вещи сами по себе. А Кант говорит, что любой, ещё не родившийся, может нарисовать собачку. Он их никогда не видел. То есть он допускает некоторый источник.

Вы не задумывались, откуда он берется? Кто его туда положил? Очень простой ответ. Лучше всего его сформулировал Хомяков. Это называется живым знанием. В европейской традиции этого нет. Там другие слова. У Хомякова так: есть живое знание, ты живёшь и знаешь. Не потому, что ты думал, а потому, что ты живёшь. Сколько нам нужно было прожить, чтобы появилось уже-знание, этот свет? Обратитесь к биологам-антропологам. Они скажут, что для этого нужно было жить примерно 50000 лет, потому что 50000 лет взрывались галлюцинации. Шёл этот процесс, чтобы появился этот свет, это уже-знание. И есть вещи, которые мы не можем не знать.

Лекция 11.

Декарт как учёный. Декарт как философ. Каннибализм: Атрей и Фиест. Первое письмо из «Размышлений о первой философии». Второе письмо из «Размышлений о первой философии». Шестое письмо из «Размышлений о первой философии». Дискуссия Фуко и Деррида.

На этом занятии завершим об онейрическом состоянии, сновидном. Почитаем «Размышления о первой философии», потому что это самое философское сочинение Декарта, где он всё сказал. Я скажу то, что хочу сказать о первом письме, о шестом письме и о втором письме. Занимательно рассуждение Деррида и Фуко. В этих рассуждениях на кон ставится смысл философии, её история. Эти тексты есть, и я хочу, чтобы вы их самостоятельно прочитали независимо от меня.

Декарт как учёный.

Вначале я вам расскажу две присказки о Декарте. Поскольку сегодня мир страшно позитивный, такая тенденция, вступила в разговор наука, фактически происходит сложное отношение между наукой и философией в том смысле, что учёные вмешиваются. Наука хочет внести ясность. Они полагают, что они как учёные что-то решат, представят в виде тем: язык, сознание, человек. Происходит варваризация мышления.

Я начну с простой вещи. Декарт – это учёный и философ. В нём две натуры. Я подробно не буду говорить, потому что всё написано в книгах. Я только возьму две вещи, которые показывают две разные позиции. В одной из них Декарт поступает как учёный, в другой из них он поступает как философ. Я возьму стандартную вещь: его рассуждение о печали.

Декарт как учёный, как физик связывает ответ на этот вопрос с желудком. Набил, не набил, полон, не полон, счастлив – полон, полностью полон или совершенно не полон. Это варварское мышление. Я не хочу обидеть. Это время было науки. Нужны были схемы упрощения. Конечно, когда ты голодный, у тебя одно настроение: хочется есть, хочется в буфет сходить. Но я бы не стал так прямолинейно выстраивать философию, отвечающую на вопрос о том, что такое тоска. Это феномен субъективности, и к нему никакая наука подступиться не сможет. У неё рук нет для этого.

Декарт как философ.

Второй вариант – это философия. Когда берёте какую-либо тему, создайте философию. Как создаёт философию Декарт, я в качестве примера сейчас и хотел бы вам рассказать. Тоска или печаль. Как ты за неё возьмёшься? Используется аппарат самый обыкновенный, который был принят в 18в.

Рассуждения такие: предполагается, что добро субстанциально. А вы уж себе поймите, что каждое слово диктует. Субстанциальная вещь отсылает только к себе. Если она отсылает к другому, то какая это субстанция? Она не субстанция, она зависима, производна. А зло несубстанциальное. Поэтому все разговоры о том, что есть две субстанции, они борются друг с другом – это выдумка. Мы выстраиваем свою философию, где только добро субстанциально. Это первый шаг у Декарта. Я воспроизвожу его алгоритм.

Вторым шагом вы ставите себе задачу: каким образом при столкновении одного с другим, субстанциального с несубстанциальным можно одно отделить от другого. Как это сделать? Если бы это были две субстанции, границу провести можно. Протяжённость, непротяжённость; можно провести границу. А здесь что делать? Здесь такое не получится.

Тогда третьим шагом Декарт рассуждает о попытке отделить. Мы всю жизнь разбираемся: что хорошо, что плохо. Поскольку мы не можем одно отделить от другого, более того то, что несубстанциально, нуждается в субстанциальном и, как паразит, существует на нём. То есть где добро, там зло. Начинается рассуждение о том, что когда мы отделяем одно от другого, мы всегда, отделяя зло, отделяем и часть добра. Так получается в силу его субстанциальности. Получается, что всегда, когда мы расправляемся со злом, мы расправляемся с частью добра.

Каннибализм: Атрей и Фиест.

Ещё один фрагмент расскажу про каннибализм. Вы уже поняли, что я к этому отношусь скверно и не хочу, чтобы люди ели друг друга. Я нашёл, что в «Политике» Платон рассказывает о двух братьях, об Атрее и Фиесте. Атрей был женат на Европе, но Европа понравилась Фиесту. Фиест мало-помалу её соблазнил. Соответственно, что появляется? Дети. Что делать Атрею? Атрей бросил свою жену в море, убил детей Фиеста и сжарил их, и накормил ими своего брата. Факт людоедства перевернул мир. Людям нельзя есть друг друга. Это запрет. Из-за него Солнце изменило свой путь. Когда волк съест зайца, всё нормально. Это его еда. Так предустановленно Богом, природой. Нельзя, чтобы Фиест ел своих детей.

Солнце изменило свой путь. Закат стал восходом, а восход закатом. Всё поменялось. В отношениях между людьми есть вещи, на которые наложен абсолютный запрет. Нарушение этого запрета имеет какие-то космические последствия. Оно время заставляет течь в другом направлении. Боги спасли людей от взаимного пожирания. Боги спасли и поместили в пещеру. «Когда прекратилась… забота богов о людях, им пришлось самим думать о своем образе жизни и заботиться о себе». Самим, но лучше, когда Боги. Это намёк на работу Фуко «Забота о себе». У Фуко нет этих ссылок. Он цитирует более позднюю литературу, нежели Платон.

Когда бараны в твоём стаде ведут себя независимо от тебя, сами по себе, тебе очень плохо. И Богам очень плохо, когда люди своевольны, когда они не слушают, что им говорят Боги, когда они ведут себя не так совершенно, как установлено Богами.

Первое письмо из «Размышлений о первой философии».

Аристотель не обратил внимание на очень важную вещь, на раздвоенность человека. Мы с вами всё время имеем в виду раздвоенность: сон, явь. Весь горизонт человеческого есть реальное и нереальное. Это обременение, от которого мы не можем избавиться, не избавившись о самого себя.

Аристотель не обратил внимание. По каким меткам это видно? Потому что он науки о душе отнёс к биологии. За Аристотелем последовал Гегель, который антропологию заставил заниматься природной душой, а всё, что касается я, он относит к феноменологии. Потому что между душой и я происходит сдвиг, сумасшествие. Каждый сойдёт с ума по-своему у Гегеля. Как только у ребёнка появляется я, этому говорению предшествует сумасшествие, взрыв.

На эту раздвоенность обратил внимание Декарт. Я имею в виду рассуждение, где Декарт сидит перед камином. *«Я сижу перед камином. Я не безумец»*. Появляется тема безумца, и это важно зафиксировать, поймать момент: что имеется в виду под безумцем.

«Я сижу перед камином. Я не безумец, чтобы говорить, что моё тело не моё. Только безумцу мозг твердит, что он король, тогда как он нищий, что он одет, хотя он гол. Безумцу мозг твердит, что он стеклянный шар, а не человек. Безумец принимает на веру то, что говорит ему его мозг. Но ведь все мы безумцы». Почему все мы безумцы? Мы спим по ночам.

Декарт сейчас уже не держит то, что держал Гераклит: сон. Во сне и наяву - всё сон. Декарт уже будет искать границу между одним и другим. Безумец – это нечто, обозначающее с трудом улавливаемую границу между сном и бодрствованием. Он уже относится как некоторый исследователь, учёный. Заканчивается одно, начинается второе.

«Мы спим и переживаем во сне то, что безумец переживает наяву». Проблема сохраняется. Кто из них безумец? Как говорит Декарт, я сплю и вижу себя, сидящим у камина, хотя я раздет и сплю у себя в кровати? Это всё выдумано. Это безумный мир. Отличаюсь я тогда, когда я сплю, от безумца? Кто из нас безумцев более безумен? Кто из нас не безумен? Безумец, который видит дверь, может войти, выйти и делает всё по логике вещей, по ситуативной логике, не безумец, а нормальный человек. Просто он Кутузов.

«*Я сплю голым, а вижу во сне, что я сижу в халате перед камином. Так кто из нас безумец? Сон никогда не может быть отличен от бодрствования»*. Фактически в этой фразе содержится та традиция, те размышления, о которых я с вами уже беседую месяц или два, начиная с Парменида о двух путях и до Декарта.

Когда я говорю вам: будьте осторожнее, аккуратнее при употреблении слова «реальность», потому что вы почему-то думаете, что вам уже удалось отличить одно от другого, и поэтому вы так легко говорите, что это реальность, как будто это понятно. У вашего соседа по столу она другая, тем более у меня. Поэтому все упования на какую-то реальность не имеют смысла. Реальность - это проблема для человека. Мы не понимаем, как это происходит, откуда она взялась, потому что это то, что предваряет чувство реальности. Должно появиться чувство реальности. Я вам напомню о противоречии Декарта.

Я две формулы из Декарта воспроизведу, чтобы вы поняли, что вся его философия помещается в странном диапазоне, очень противоречивом. Первое: *«Нет ни одной вещи, которая бы была такова, каковой нам представляется»*. Мы не знаем, как выглядит мир. Мы понятия не имеем ни об одной вещи, потому что есть чувства. Эта тема сегодня обсуждается у реалистов.

Вторая: *«Страсти, которые чувствует наша душа, не могут быть не такими, какими она их чувствует»*. Ни одна вещь не является такой, какой она нам представляется, и любая страсть представляется такой, какой её представляет душа. Сюда не войдет никакой знак.

В первом случае можно выстраивать знаковые системы. Что можно сделать? Можно себя отделить от себя. В чём проблема знакового, лингвистического поворота в философии европейской? У них проблемы, потому что я не могу быть дан себе. Это значит, что я нахожусь или живу как пловец в лодке. Если лодка продырявилась, ты же не чувствуешь. Это же надо думать, осматривать, нет ли дыры в ней. А когда я голодный, я чувствую. Мне не надо думать. То есть когда я пловец в лодке? Когда тело не чувствует себя единым. Тогда вещи не такими выступают, какими они мне представляются. Когда я одно, и я чувствую, тогда я не знаю, как выглядит мир.

Сначала я борюсь с различением сна и бодрствования, что во сне, что наяву. Потом мы это всё убирает, новую партию ставим и говорим: «Слушайте: всё дело в

злокозненном гении». Фуко будет говорить Деррида: «Послушай: если есть что-то истинное, то это истина как наяву, так и во сне». Дважды два четыре. Тогда появляется запасная фигура в виде злокозненного гения, который говорит: «Нет, братцы. Дважды два не четыре, а у треугольника десять углов». Он гений. Мы же считаем, что Бог не лжёт. Он нас не обманывает.

Появляется злокозненный гений. Это тот гений, которого не останавливает вопрос истины. Он может всё. Бога мы сюда не включаем, потому что он не обманщик. Бог правдолюбец. А злокозненный гений лжёт. Тогда возникает такая штука: что делать со злокозненным гением. Деррида скажет согласиться с тем, что произошло расщепление логоса внутри самого логоса. Он распался. Как это? Единый логос распался. Это то, что позволяло познать мир.

Когда я чудовищными усилиями разлагаю, делаю распадающимся бытие хайдеггеровское, я тем самым разрушаю бастионы, выстроенные Хайдеггером. Если бытие не едино, если оно многое, то уже оно не может работать, ибо нам нужно объять множественное. Я два месяца показывал вам дыру: бытие-здесь или бытие-внутри и бытие-вовне. Это разное бытие. Я вас призвал передумать это высказывание Канта о том, что бытие – это нереальный предикат. Бытие нереальное означает, что оттуда ты существо не извлечёшь, из этого понятия. Это всё слова. Это всё понятия. Это всё идеальное. К существованию не проберешься. Нужно будет тогда это всё переделывать и понять, как происходит миграция нереального предиката от одной вещи к другой.

Сейчас мы говорим о том, что логос распадается. Если логос распадается, то как можно помыслить этим распадающимся логосом? На что он распадается? На ум и безумие. Тогда возникает несколько вариантов, как их свести, как их склеить. Деррида будет говорить, что восстание против разума возможно только внутри разума. Кто восстаёт? Это всё разум. В нём восстание против него самого. Он с самим собою воюет. Я в прошлый раз говорил, кто является настоящим противником мышления. Это разум. Он есть истовый супостат. Он же распался.

Итак, вещь никогда не будет такой, какой она нам представляется. А чувства всегда будут такими, какими мы их чувствуем. Этот разрыв не проясняет сам Декарт. Это главный разрыв в «Размышлениях о первый философии». Об этом главном разрыве говорят в споре, в дискуссии Фуко и Деррида.

Я взял формулу: сон никогда не может быть отличён от бодрствования с помощью верных признаков. «*Мысль эта повергает меня в оцепенение*». Это настолько радикальная вещь. *«И именно это состояние почти укрепляет меня в представлении, будто я сплю»*. Помните, я вам говорил о внутреннем живописце из «Филеба»? Платон сказал, что в каждом из нас есть свет и внутренний живописец. Декарт повторяет в «Размышлениях о первой философии» и говорит: *«Сонное видение суть как бы*

рисованные картинки, которые наше воображение может создать лишь по образу и подобию реально существующих вещей». И в этом проблема. Воображение бы создало картинки, но не такие, какие есть, а какие-нибудь другие. Ты на них смотришь: это воображение, а это в реальности. Но оно так мерзко устроено, что оно создаёт картинки такие же, какие в реальности.

Тогда нужно признать, что единственное реальное в этой живописи внутреннего живописца - это краска. То есть когда объективируется. Я мельком упоминал о наскальной живописи. Есть пещера, больше ничего нет. Есть только какая-то краска. Но краска может появиться у любой птицы. Они могут раскрашивать. Но появилось что-то абсолютно другое. Я вам говорю: смотрите бой титанов, раненого зубра, быка, кишки, которые тащатся.

Декарт допускает злокозненного гения, он может вообще пакости устраивать: то, что ты считал истиной, оказывается неистинным. Ты не можешь говорить на языке истины. Что нужно сделать? Отказаться от всего, то есть когда я сижу у камина, я пловец в лодке.

Чтобы вступить в борьбу со злокозненным гением тебе нужно предполагать, что у тебя нет ничего, полагая, что всё использует этот мерзавец в борьбе с тобой. И ты говоришь, что ни рук, ни ног нет, головы нет. Вообще ничего нет. Единственное, что есть – это сомнение. В таком духе будет размышлять Декарт, чтобы уберечь себя от обманов этого гения. *«Я похож на пленника, наслаждавшегося во сне воображаемой свободой, но потом спохватившегося, что он спит: он боится проснуться и во сне размягченно потакает приятным иллюзиям».* Лучше спать и не просыпаться.

<u>Второе письмо из «Размышлений о первой философии».</u>

Во втором письме Декарт будет говорить вещи совершенно другие. Он вспоминает, что он написал в первом. В первом он написал, что не отличить. Лёг спать. Он начинает второе письмо так: *«Вчерашнее моё размышление повергло меня в такие сомнения, что, с одной стороны, я уже не могу теперь выкинуть их из головы, а с другой – я не вижу пути, на котором сомнения эти могут быть сняты».* Как их обойти? *«Словно брошенный внезапно в глубокий омут, я настолько растерян, что не могу ни упереться ногою в дно, ни всплыть на поверхность».* Декарт тонет уже во втором письме.

«Однако я хочу приложить все усилия и сделать попытку вернуться на путь, на который я стал вчера: а именно, я хочу устранить все то, что допускает хоть малейшую долю сомнения, причем устранить не менее решительно, чем если бы я установил полную обманчивость всех этих вещей». Итак, всё ложно, но что же тогда истина?

Я теперь не на это обращаю внимание, потому что мы знаем, что он это откроет. Это потом предадут забвению, потому что всё не так. Обращаю внимание вот на какое рассуждение во втором письме. *«Чем же я считал себя раньше? Разумеется, человеком».* Лежит офицер и размышляет. Не офицером он себя считал, а человеком. *«Но что есть человек? Скажу ли я, что это – живое разумное существо?».* Вот она классическая, стандартная, непонимающая сути дела формула от Аристотеля до нынешних времён, да ещё лет двести будет эта формула, пока не переоформится вся философия. Живое, разумное существо. Что значит живое? Как они связаны: живое и разумное? Может быть разумное неживое? Это стандарт. Это не очень плодотворная формула. От меня вы уже услышали, что человек – это молчащее, безумное только лишь для того, чтобы убрать эту формулу, чтобы никогда она вам в голову не приходила. Пусть сразу вместе с ней приходит другая, чтобы вы были постоянно в растерянности: то ли я безумен, то ли я не безумен. Если я скажу по этой формуле, то мне надо за это отвечать.

«Нет, ибо тотчас же вслед за этим возникнет вопрос: что это такое – живое существо и что такое разумное?». Что такое «живое» не понятно, что такое «разумное» не понятно. *«…и так я от одного вопроса соскользну ко множеству еще более трудных».* Далее идёт Декарт. Вот вы хотите знать персоналии в философии? Вот персоналия пошла, как отличать декартову философию. Смотрите, что он говорит: *«между тем я не располагаю таким досугом, чтобы растрачивать его на подобные тонкости. Я лучше направлю свои усилия на то, что самопроизвольно и естественно приходило мне до сих пор на ум всякий раз, когда я размышлял о том, что я есмь».*

Итак, что он будет думать? У меня есть всё, у меня есть тело, ноги, руки и прочее. Декарт отделывается. Душа – это тело. У трупа есть всё. Он занимает место. Считайте, что я труп. У меня, как у трупа, есть всё, что у трупа. Отличить одно от другого совершенно невозможно. Остальное не важно.

«…что представляет собой упомянутая душа – на этом я либо не останавливался, либо воображал себе нечто немыслимо тонкое, наподобие ветра, огня или эфира, разлитого по моим более грубым членам».

Я вам хотел сказать простую вещь. Декарт как человек был склонен к неге. Во-первых, не любил людей. Уехал от всех подальше. Жил там, где никого нет. Дом в деревне, пещера. Уехать в Голландию, чтобы не видеть этих людей. Все надоели. Единственное, на что он ответил, на письмо принцессы из Швеции. Она хотела заниматься философией. Она написала письмо Декарту. Он ответил: «Да, я согласен. Я приеду к Вам, принцесса». И потащился туда осенью, простудился и умер.

Шестое письмо из «Размышлений о первой философии».

Из шестого письма фрагмент, где он всё, что говорил в первом, опять подвергнет сомнению. Почему я говорю об этом «Размышлении о первой философии»? Там дыра всей нововременной философии, которая подлежит заштопыванию.

Что нужно сделать? *«Особенно же надо отвергнуть сомнение, касающееся сна, который я не мог отличить от бодрствования».* Помните, как он начал? Теперь заканчивает. Это его мучает. Здесь какая-то проблема.

«…ныне я понимаю, что между тем и другим состоянием есть огромная разница, заключающаяся в том, что наша память никогда не сопрягает сонные видения со всей остальной нашей жизнедеятельностью». То есть Фрейд минус, Лакан минус, Бион минус. Если это так, то тогда это всё пропадает. Это дыра. Либо залатывать дыру у него, либо это дыра в европейской культуре.

«…подобно тому как это бывает с впечатлениями, которые мы испытываем, когда бодрствуем: в самом деле, если бы предо мною наяву неожиданно кто-то возник и столь же внезапно исчез – так, как это бывает во сне…». Какой аргумент? Внезапность. Когда я буду читать фрагменты Гегеля, об этом будет речь. Внезапно появляется, необъяснимо исчезает. Но мы так погружены в этот мир. Таков наш внутренний живописец.

«…то есть так что я не знал бы, ни откуда он явился, ни куда канул, я с полным правом счел бы его привидением или призраком, возникшим в моем мозгу, а не реальным человеком. Однако, когда мне встречаются вещи, относительно которых я четко понимаю, откуда, где и в какое время они предо мною возникли, и когда я без помех связываю их восприятие со всей остальной моей жизнью, я вполне уверен, что они явились мне не во сне, а наяву. Поэтому я отнюдь не должен сомневаться в истинности этих явлений, если после того, как я привлек к их исследованию все мои чувства, память и интеллект, ничто не указывает мне на противоречивость этих вещей по отношению ко всему остальному. Ведь из того, что Бог не обманщик, вытекает, что я вообще не ошибаюсь в подобных вещах». На что он намекает, скажите мне. Я вам две противоречащих друг другу формулы привёл. Он намекает на то, что я чувствую, не может быть не таким, каким я чувствую. Это никто не может изменить, даже злокозненный гений.

«Но поскольку настоятельность житейских дел не всегда оставляет нам досуг для такого точного изыскания, надо признать, что жизнь человеческая в частных вопросах нередко подвластна ошибкам; таким образом, мы должны признать немощность нашей природы». Немощность в том смысле, что спать хочется.

Помните, в чём ключ к страстям? Зачем вам нужны страсти, господа? Декарт скажет: «Ну, что вы. Если бы не было страсти, лень бы нас настолько обуяла, что вообще бы ничего не было». Она вас просыпает. Ты влюбился, уже не заснешь, не до этого. Ты бегаешь туда, сюда. Страсти – это то, что выталкивает нас из этого ленного состояния.

Дискуссия Фуко и Деррида.

Я начну с Деррида, потому что он нападает. Текст Фуко называется так: «Моё тело, эта бумага, этот огонь». Вы поняли, на что он намекает? Я у камина…

Концовка работы «Cogito и история безумия»: *«Определить философию как желание-сказать-гиперболическое, это признаться, – в философии, возможно, и есть это гигантское признание, – что в исторически сказанном, в чём философия отрезвляется и исключает безумие, она предает саму себя (или предаёт себя как мысль), она входит в состояние кризиса или самозабытья, которое является существенным и необходимым периодом ее движения. Я философствую лишь в страхе – но именно в высказанном страхе – стать безумным. Такое признание в его настоящем времени – это одновременно забвение и разоблачение, защита и выставление: экономия. Но этот кризис, в котором разум безумнее безумия».*

Когда читаете, всегда отвлекайтесь в сторону. Когда читаете какие-то тексты, всегда уходите куда-то быстро влево, совершенно немыслимое. Например, ведь это всё рассказ про Иванушку-дурачка. Иди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что. Иван всегда кается умнее умного. Умный начнёт стараться, спланирует, алгоритм найдёт и провалится. А дурачок пошёл, вообще ничего не надо. Раз и поймал. Вы чувствуете, как выстроен текст? Это вполне в стиле французском.

«…поскольку он есть бессмыслица и забвение – а безумие разумнее разума, поскольку оно в свою очередь ближе к живому, но и в то же время молчаливому». Безъязыкому, добавлю я вам. Дословность некоторая есть.

«…или еле шепчущему…». И нашептывает тебе листва или ручей. *«…источнику смысла, этот кризис всегда уже начался, и никогда не прекращался».* Это как по-русски «а у нас сегодня кошка родила вчера котят». Логики нет, это же кошмар. Это же не текст, а безобразие. А в нём фишка. Этот-то сломался, и всё поехало.

Слова должны приходить в замешательство. Если вы что-то делаете, а слова не приходят в замешательство, вы что-то не то делаете. Они должны быть в замешательстве. Они начинают толпиться и заскакивать.

«…если он [кризис] и классичен, то не в смысле классической эпохи, но в смысле вечно и по существу классического, и в то же время исторического в несколько необычном смысле.

Нигде и никогда понятие кризиса не смогло бы так обогатить и собрать все свои скрытые значения, всю энергию своего смысла, как в книге Мишеля Фуко. В ней кризис – это, с одной стороны, кризис в гуссерлианском смысле, опасность, угрожающая разуму и смыслу под маской объективизма». То есть под маской тёмной онтологии. Гуссерль – это начало 20в. Как говорил Аксаков, колесо движения Европы совершается раз в столетие.

«…забвение начал, полной захваченности с самим рационалистическим и трансцендентальным откровением». Что оно захватило? Рационализм. Позитивизм. Мы хотим позитивного. Я нахожусь в позитивном отношении с собой. Я мёртв. Кто находится в позитивном отношении с собой, уже умер. Это диагноз.

«Опасность как движение разума, которому угрожает его собственная безопасность». Мы слишком о безопасности заботимся. Туда нельзя. Это разуму мешает. Это нельзя. Умер уже.

Здесь он неожиданно цитирует того Парменида, с которого мы с вами начинали и долго о котором говорили. Он цитирует два пути. *«Кризис – это и решение, разрез, о котором говорит Фуко, решение в смысле выбора и раздела между двух путей, разведённых Парменидом в его поэме, пути логоса и не—пути».* Мы же ведь умные. Деррида проскочил, потому что их логос интересует. Он распался. Нас не-пути интересуют или кажимости, или как правдоподобно говорить в мире, в котором нет истины. Как жить в мире кажущихся вещей и как можно правдоподобно говорить? Правдоподобие и кажущиеся вещи – вот, что нас сейчас интересует. Нас интересует не реальность. Призраки – это наша реальность.

Лекция 12.

Деррида про злокозненного гения. Ответ Фуко. Мир числа, мир бытия и мир призраков. Кант «Грёзы духовидца, пояснённые грёзами метафизики». Изучение мифа о параллельном человечестве. Поршнев.

Напоминаю, что Фуко и Деррида разбирают фактически размышление Декарта, все эпизоды, где появляется фигура безумца. Появляется сон. Тоже разбирают. И, в конце концов, появляется злокозненный гений. Бога оставляют в покое. Здесь возникают разногласия. Нужно либо признать поражение разума, ума, либо не признавать.

Фуко будет говорить так: в конце концов, злокозненный гений изобретён, раз он изобретён, введён в подсознание и контролируется. Деррида говорит: нет, старик, всё не так. У них будет один вариант: логос распался на ум и безумие. Второй: внутри разума началось восстание против разума. Что это означает? Нельзя этим распадавшимся что-то помыслить и удержать. Здесь идёт концерт: и с субъектом покончено, субъект сдулся. По существу открывается дорога или пути для бессознательного. Только нужно вопрос решить: либо настороже ум и субъект, либо он заснул.

Деррида про злокозненного гения.

Деррида цитирует Фуко, чтобы ответить: *«Фуко пишет: «В момент, когда сомнение приблизилось к своей самой большой опасности, Декарт понял, что он не может быть безумным…»*. Фуко понял: безумие нельзя, мы не сумасшедшие. *«…хотя и был готов пойти даже на предположение злокозненного гения и на признание того, что все силы неразумия кружили вокруг его мысли»*. Фуко понял, что опасно там, где мыслят все силы безумия, немыслия кружат.

«То, что мы сегодня попытались сделать – это всего-навсего войти в промежуток этого угрызения совести, раскаяния Фуко и раскаяния Декарта, как его мыслил Фуко; в пространстве готовности пойти на признание, мы попытались не тушить этот другой свет, чёрный и неестественный: кружение «сил неразумия» вокруг cogito». Мы тушить не будет, замазывать не будем.

«Мы попытались согласиться с тем жестом, в котором сам Декарт принимает угрожающие силы безумия как противоположное начало философии… Определить философию как желание-сказать-гиперболическое, это признаться, – а философия, возможно, и есть это гигантское признание, – что в исторически сказанном, в чём она

отрезвляется и исключает безумие, философия предает саму себя (или предаёт себя как мысль), она входит в состояние кризиса или самозабытья, которое является существенным и необходимым периодом ее движения». Ясная мысль. Кто предал, когда этот кризис начался. Всё это можно установить в истории, можем назвать имена.

«Я философствую лишь в страхе…». Я говорил, когда мы разбирали Лакана, про болезни цивилизации. Я болею потому, что я боюсь заболеть. У вас немеет рука, потому что вы боитесь сдать философию. И мы реально болеем от страха заболеть.

«*…но именно в высказанном страхе – стать безумцем».* Если вы философствуете без страха быть безумцем, то вы не тем занимаетесь. Вы что-то будете делать и думать: Боже, я же безумец. Как на меня смотрят? Они же считают, что я безумец. А может, они уже позвонили: у нас тут проблемы! Это входной билет. Вы имеете право философствовать, если вы на гране этого безумия, в страхе. А если нет, тогда мы тут танцуем просто.

«Такое признание в настоящее время – это одновременно забвение и разоблачение, защита и выставление: экономия. Но этот кризис, в котором разум безумнее безумия, поскольку он есть бессмыслица и забвение…». Всё перевернулось. Посмотрите, что он делает! У того цепной пёс. Он вообще хотел заниматься безумием не так, как психиатрия устанавливает, а дать ему голос. Пусть говорит. Здесь начинаются мгновенно эти странные превращения.

«…а безумие разумнее разума». Можно что-то делать в этом поле? Ты можешь только в растерянности развести руками. А за что схватиться? Всё может обернуться тут же мгновенно. Как можно так работать?

«Нигде и никогда понятие кризиса не смогло бы так обогатить и собрать все свои скрытые значения, всю энергию своего смысла, как в книге Мишеля Фуко. В ней кризис – это, с одной стороны, кризис в гуссерлевском смысле, опасность, угрожающая разуму и смыслу под маской объективизма». Как вы понимаете, мне это очень нравится, потому что наш мир страшно позитивен. А что погубит человека? Позитивное отношение к самому себе. Это твоя гибель. Если у тебя всё в порядке, ты умер. Тебя нет. А если ты не совпадаешь, если у тебя проблемы, всё в порядке. Сновидения продолжаются.

«…под маской объективизма забвение начал, полной захваченности с самим рационалистским и трансцендентальным откровением…Кризис – это и разрез, о котором говорит Фуко, решение в смысле выбора и раздела между двух путей, разведённых Парменидом в его поэме, пути логоса и не—пути, лабиринта, «палинтропов», в котором теряется сам логос; пути смысла и пути бессмыслицы; бытия и не-бытия».

Это очень важно в философии. Всё на кон поставлено. На этом пункте я завершаю. Может быть, у вас какое-то появилось мнение о смысле этой работы «Cogito и история безумия». Это доклад, выступление Деррида, 1963 год.

Ответ Фуко

Деррида в каком-то смысле был его учеником. Он прочитал и надо ответить. Он не отвечал долго. По-моему где-то год или даже два. И вот ответил. Этот текст называется странно: «Моё тело, эта бумага, этот огонь».

Итак, Фуко пишет: вопрос о безумии, уклоняемся ли мы от вопроса о безумии? *«На этот вопрос Деррида заблаговременно отвечает: напротив, Декарт откровенно, лицом к лицу встречается с риском безумия; но только не тогда, как вы несколько предварительно и почти что маргинально предполагаете, когда речь идет о каких-то там кувшинах и голых королях».* То есть когда я сплю в одежде, но снюсь себе голым – это безумие. Что безумнее: не доверять своим чувствам во сне или безумец, который ходит в рванье, найденном на ближайшей помойке, и просит обратить внимание на его изыск.

«…это происходит в самом сердце его философского предприятия; а точнее там, где его дискурс, отрываясь от всех естественных соображений, касающихся ошибок чувств и помрачения мозга, обретает – в гиперболическом сомнении и гипотезе злого гения – свое радикальное измерение. Вот где по-настоящему ставится вопрос о безумии и где мы встречаемся с ним лицом к лицу». На кон поставлено. Они разбирают долго эти чувства. Под сомнение поставлены чувства. Декарт отказывается от всего. Помните, у него пловец в лодке. Я могу быть пловцом в лодке, и я могу быть единое существо, то есть тело с чувствами. Сижу перед камином – это я единое существо. Безумие считать, что у меня нет рук, ног. В то же время я готов, как только появляется злокозненный гений, отказаться от всего. И я думаю, что я думаю. Так понимаю, что я есть.

«…ещё более радикальное сомнение, чем те, кто полагает, что их тело из стекла; я дохожу до того, что воображаю себе, что 2 плюс 3 не равно 5; и затем, с появлением cogito, я достигаю той экстремальной точки, того избытка по отношению к любому определению, который позволяет мне сказать, что, ошибаясь или нет, безумный или разумный, я существую. Злой гений был бы той точкой, где самой философии в той степени, в какой ей свойственен избыток, угрожало безумие». Философии угрожало безумие. Безумие не тот источник философии у Фуко. Деррида говорит: а почему это ты разделяешь, где это ты разделили, где ты видел не безумцев?

«…а cogito – моментом где безумие стирается. Согласно Деррида, вовсе не нужно бы было придавать слишком большого значения мелкой выходке этого простеца, который совершает в начале текста свое вторжение, апеллируя к своим деревенским

сумасшедшим: несмотря на все свои бубенцы, им не удалось бы поставить вопрос о безумии. Вместо этого все грозные силы Неразумия задействовались бы в по-своему тревожных и темных фигурах злого гения. Точно так же было бы слишком легкой победой, если бы уже в самом начале текста сон перенимал бы на себя самые страшные отклонения сумасшедших; вместо этого после великого безумия злого гения, достаточно было лишь чуть-чуть забрезжить cogito, чтобы определения безумия и разума предстали бы как не достаточно радикальные». Вы понимаете, что идёт? Ставки повышаются. Это не то, это ещё не козырь, пока не доберёмся до злокозненного гения. Он выбрасывает чувства, сомнения в них и добирается до злокозненного гения, а там дважды три сколько хочешь.

«Все эти деривации, совершаемые на основе текста Декарта, нужны для того, чтобы злой гений и cogito стали, в соответствии с желанием Деррида, подлинной сценой встречи с безумием». Cogito с одной стороны, злой гений с другой стороны, и кто кого.

«Но нужно еще нечто большее: нужно устранить из самого текста Декарта все, что свидетельствует о том, что эпизод появления злого гения, является сознательным упражнением, контролируемым, подчиненным и осуществленным от начала и до конца размышляющим субъектом». Вот весь ключ у Фуко. Вот они его слова.

«размышляющим субъектом, который никогда не позволяет застать себя врасплох. Даже если и верно, что гипотеза злого гения вносит видимость заблуждения, расширяемого далеко за пределы всех чувственных иллюзий, то очевидно, что тот, кто создает эту фикцию, избегает риска «поверить в них», как это имеет место в случае несчастья безумных. Его обманывают, но не вынуждают это принять. Возможно, все есть иллюзия, но этому можно не доверять так легко. Несомненно, обман злого гения намного существеннее, чем простое помрачение мозга». В этом пункте я вам что говорил? Ещё страшнее появившийся алгоритм. Ещё более чудовищное по мощи своей. Нам не страшен злокозненный гений, но факт появления алгоритма, машины с искусственным мышлением – это серьёзное испытание для философии.

Главное я сказал. Контроль. Мы в уме. Пока мы в уме, безумию не бывать. Но вы знаете, что можно быть и не в своём уме. И когда ты говоришь, что ты в своём уме, это ещё не гарантия того, что в своём уме. Это всё очень зыбко.

Итак, Фуко уверен, спокоен, потому что полагает, что субъект всё контролирует, разум не спит, бодрствует.

Мир числа, мир бытия и мир призраков.

Я думаю, что Кант в душе своей Сведенборг. Об этом он прямо не говорил, не заявлял. Он убивал в себе самом Сведенборга. Он долго его мучил, но так и не убил. Я на

следующем уроке выберу некоторые фрагменты, положения очень важные, на мой взгляд, в философии Канта.

Я предварю некоторыми тезисами рассказ о грёзах метафизика. Читать не буду сами «грёзы», просто поговорю о них. Тезисы предварительные специально для того, чтобы ввести в рассуждение работы Канта. Предлагая тянуть, тащить всё то, о чём здесь, в этой аудитории я вам говорил.

Можно жить в мире, основанном на числе. Этот мир легитимизирует дигитальная философия. Первый дигитальный философ – Пифагор. Обратите внимание на перечисление. Раньше этого не было. И до сих пор это мало кто понимает. Можно жить в мире, основанном на бытии. Этот мир легитимизирует онтология. Первый онтолог – Парменид. Можно жить в мире призраков - этот мир легитимизирует сингулярная антропология. Я имею в виду современные течения. Первый антрополог – Протагор.

В первом мире нельзя воровать и обманывать. В мире числа. Но вы будете умными, потому что самое чудовищное воровство идёт с оперированием цифрами. В нём не нужно ни внешнее, ни внутреннее. В нём человек излишен, неоправдан.

Во втором мире нельзя откладывать вещи на потом. В нём нет времени. В нём, что возможно, то и налично. В нём разрешается только мыслить. И бытие тождественно мысли. И нет проблемы доступности. Для человека этот мир является необитаемым. Чтобы быть в нём, он должен быть в нём без сознания. Мир, основанный на бытии – это мир бессознательных процессов. Понятно, кто стоит? Парменид. Не этот жалкий Фрейд.

Третий мир основан на кажимостях и мнимостях. Это мир сновидений. В нём допускается жизнь человека, но человек может рассматриваться вне связи с миром. Вот я сейчас сказал, может быть, самую радикальную мысль, но вы даже не обратили на неё внимания.

Нельзя рассматривать человека вне связи с другими людьми. Вам давно привили ещё в школе эту мысль, и вы с ней пришли сюда и защищаете диссертации. И напрасно. Потому что она только укоренится в ваших головах, и вы будете ходить такими консервными банками, с этой мыслью. Это не так. Помните, как я вам говорил, когда пришёл? Мир - часть человека. Человек вне мира.

Я повторяю сейчас, что человек может рассматриваться вне связи с миром и должен так рассматриваться, а природа вне связи с человеком. В этом мире отклоняется бытие, ибо оно не предполагает времени. Здесь мир времени. В этом мире отклоняется принцип коррекции. Мысль может мыслиться вне связи с бытием как некое самостоятельное событие, а бытие может мыслиться как нечто, независимое от мысли.

В этом мире отклоняется принцип антропности. В нём повторяется только неживое. В нём различается только живое. Неживое, конечно, появляется раньше живого, а живое

раньше человека. Живое мыслится без человека. Я намеренно говорю какие-то вещи, чтобы вы понимали, поскольку они вбиты в головы.

Человек не ключ к обезьяне, а обезьяна не ключ к человеку. Неживое мыслится без живого. Живое может быть иным в любое время до взрыва галлюцинаций. Неживое может быть иным до большого взрыва. После взрыва галлюцинаций начинается время сознания. Время сознания - это время призраков и сновидений. Где существует сознание, там существует и бессознательное. Бессознательное - тень сознания. В нём нет ничего, что не было бы в сознании, кроме самого сознания. Запоминайте эти формулы.

Но не может быть бессознательное без сознания. Сознание – это сон наяву. Почему наяву? Потому что в нём многое связано посредством языка. Бессознательное – это сон, но в этом сне нет языка. Бессознательное и сознание неразличимо. Сейчас идёт терминологическая часть. Я понимаю, она скучная, глупая. Но, к сожалению, в этих коротких вещах можно сказать больше, чем я могу обычно говорить, цитируя, рассказывая.

Бессознательное и сознание неразличимы в уже-сознании. Уже-сознание - это свет от взрыва галлюцинаций внутри каждого из нас. Сознание открывает вход в мир внутреннего. Мир внутреннего - это мир смыслов. Язык привносит в этот мир порядок и время. Бессознательное не знает времени и не знает языка. В нём ночь, то есть прошлое, будущее и настоящее существуют в один и тот же момент. Сознание - это бессознательное, упорядоченное языком во времени.

Бытие вне времени. Мысль вне времени. Поэтому бытие и мысль одно и то же. Но если бытие во времени, и мысль во времени, то это не одно и то же. Человек мыслит во времени. Мыслить во времени - значит населять мир призраками. Бессознательное, как я уже сказал, смешивает время, разрушает линейность. Здесь можно встретиться прошлому с будущим и настоящим.

Это было короткое введение в грезы метафизика. Я предваряю. Кант ещё не знал. Он так не ставил вопросы. Далее идут грёзы метафизика. В чём там дело?

Кант «Грёзы духовидца, пояснённые грёзами метафизики».

Канту 40 лет. Он ученый. В то время в Европе нельзя было быть неучёным. Это время науки. Она наложила печать. А вам сдирать это ещё очень долго придётся. Только какие-то вещи, всё содрать невозможно.

Итак, Канту 40 лет. Он мальчишка. Ещё всё впереди, ещё многое будет впереди. У него только в 60 лет жизнь начнётся. Квартира появится, деньги чуть-чуть, слуга. Жизнь другая. И пойдёт, и понесётся.

Кант хотел бороться с лженаукой. Он узнаёт от одного из своих бывших студентов, а теперь он офицер, о существовании человека, который знается с духами (держите в голове всё, что я до этого рассказывал). Звали его Сведенборг. Он жил в Стокгольме. Это тоже ученый, естествоиспытатель. Кант написал письмо Сведенборгу. Тот, конечно, не ответил. Кто такой Кант? Кант попросил своего знакомого тогда, когда он будет в Стокгольме, зайти к Сведенборгу и пообщаться, спросить, как это он всё делает. Тот зашёл и узнал, что Сведенборг видит духов и общается с ними. Кант насторожился, стал собирать сведения. Он выписывает из Лондона 8 томов Сведенборга, читает. 8 томов! И пишет статью под названием «Грёзы духовидца…».

Что он узнал о Сведенборге? Сведенборг занимается минералогией, механикой, горным делом. Он член санкт-петербургской академии наук. Написал книгу, может, вы читали, «Тайны неба». Что он рассказывает в этой книге?

Первое: на небе живут ангелы. Ангелы изначально были людьми. Там на небе они живут городами, как и мы здесь. У них дома и одежды, они общаются, разговаривают. Они едят, пьют, курят. Умирая, люди попадают к ним сначала. Они по-прежнему испытывают жажду, голод, тоску, любовь, но люди там свободны. Уже оттуда, как от станции, они попадают либо в рай, либо в ад. В последние годы травили, критиковали, уничтожали протестантские епископы за то, что в мире ангелов не оказалось Христа.

Какие у него были видения? Первое: случай с голландцем. Что узнал Кант? Этот офицер сходил, потом рассказал. Был такой случай: умер какой-то голландский посланник, у него осталась жена. К жене через некоторое время приходят кредиторы и говорят, что посланник купил серебряный сервиз и не заплатил деньги. А если заплатил, то покажите квитанцию. Она говорит, что показать не может, муж умер. Значит, вы не заплатили. Она идёт к Сведенборгу: «Слушай. Такая ситуация. Пришли и говорят платить деньги. Я не хочу. Я им платила, а куда он дел квитанцию, я не знаю». «Нет проблемы, - отвечает Сведенборг, - сейчас мы решим». Сведенборг связался с этим голландским посланником. Тот ему разъяснил, где лежит эта квитанция. Она нашла её и показала кредиторам. Вопрос закрыт.

Кант насторожился. Как это так? Следующее. Рассказывают, что однажды Сведенборг был в каком-то городе недалеко от столицы. Он идёт и говорит: «Слушайте. Сейчас в Стокгольме пожар. А вы что, не видите? Какой пожар!». Через 2 дня приходит пресса с описанием этого пожара. Спрашивается: откуда он видел то, что не было видно никому. Как это так? Это видения. Видения - это то, что ты видишь, а никто больше не видит. Кто такой человек? Тот, кто видит невидимое. Он видит то, чего нет.

С какой проблемой сталкивается в этом эпизоде Кант? Существует ли мир духов. Что такое дух? Конечно, для Канта это просто разумное существо. Существует ли разумное существо? Ну, вообще существует. Но существует ли на небе, я не знаю. У меня

нет опыта. Я не могу этого сказать. Где нахожусь я, я вам скажу. *«Я там, где я ощущаю».* Здесь. А где моё я находится? Не знаю. Везде. И в пятке. Везде, во всём. Не может быть выделенное место, где я. Чувства, я и тело едино.

Сведенборг уверял в своих работах, что он бывает свободен от тела. Поэтому, будучи свободным от тела, он может находиться как бы посредине сна и бодрствования. Вы же знаете эту простую мысль, что живой мир не делит время на день и ночь. А мы можем находиться между сном и бодрствованием. Больше того, Сведенборг может говорить, что он, гуляя по центральной улице Стокгольма, гуляет и в другом мире, общается и видит.

Иными словами это всё привело Канта к выводу, что Сведенборг не обманщик. И далее начинается сложная конструкция у Канта. А что обманывает? Чувства. Ещё кто может обманывать? Ум. Есть обман чувств, есть обман ума. Кант говорит, что, наверное, всё дело в обмане чувств. Иногда бывает так, что чувства обманывают, и ум ни при чём. При этом нужно иметь в виду важность чувств. *«Чувственное созерцание предшествует всякому рассуждению…».* Если у тебя чувственное созерцание не предшествует рассуждению, тебя можно не слушать. *«…всегда предшествует всякому рассуждению. Чувственная основа всякого рассуждения должна быть в наличности».* Если они, эти чувства, дают неверную картинку, то никакая логика, никакой ум ничему не поможет.

Поэтому Кант говорит, что есть сновидцы ума и сновидцы чувств. Что объединяет и тех, и других? И тех и других объединяет то, что они видят то, чего не видят другие, здоровые люди. Но некоторые химеры внутри себя пытаются представить в качестве того, что существует вне их. Например, проясняет Кант: духовидцы – это те, которые относят вещи туда, где уже есть другие вещи. Уже место занято в пространстве. Кант на этом твёрдо стоит. А они полагают, что то, что у них внутри можно вынести вовне. Он будет называть их духовидцами.

И далее будет объяснять: *«все представления силы воображения сопровождаются определенными движениями в нервной ткани, или в нервном духе, нашего мозга… [они] похожи на движение, производимое чувственным впечатлением».*

Итак, причина духовидцев – умопомешательство, безумие. Человек принимает предметы из своего воображения за нечто внешнее, находящееся перед ним. Духовидцы - это кандидаты на лечение в больнице. Раньше некоторых придавали сожжению. Нынче времена цивилизованные, сжигать их не надо. А что надо им давать? Кант говорит: *«теперь совершенно достаточно дать им* слабительного». Это Кант. Но это Кант, которому 40 лет. Ещё карьера не состоялась, ничего нет, ещё всё впереди. А есть и другой Кант.

В этой работе Кант скажет одну прекрасную мысль: отчего это вы сопоставляете сознание с мозгом? С какой стати? Вообще, сопоставляется с телами. Не надо так делать.

Обратите внимание, как Кант уже в этом тексте будет аккуратно расставлять, будучи ученым, акценты. И он не станет делать то, что делают сегодня.

Изучение мифа о параллельном человечестве.

Итак, о том, как сапиенсы победили неандертальцев. Homo sapiensis – это, конечно, мы с вами. Мы люди. Homo neandertalensis – обезьяны, которых сейчас ученые называют параллельным человечеством. Цифры все очень условные. Я читаю учёных, а там всегда цифры, но эти цифры не важны.

Примерно сорок тысяч лет назад обезьяны вымерли, а пещеры, в которых они жили, остались. Ученые в них иногда находят обглоданные кости и людей, и обезьян. О чем это говорит? О том, что, возможно, мы ели друг друга. Они ели нас, мы ели их. Но если они вымерли, то почему генетики находят у нас гены неандертальцев? Кто-то говорит, что у нас четыре процента их генов. По другим подсчетам до 20 % генома в нас от обезьян. Не в этом дело. Значит, мы с ними тысячи лет жили вместе. И наши предки вступали с обезьянами в сексуальный контакт. Коренные африканцы с ними не жили, и у них не находят гены неандертальцев.

И мы, и они рожали детей. Трудно сказать, что в их детях было от нас. Были ли они высоколобыми или нет – мы не знаем. Возможно, в нас от них остался волосяной покров. В любом случае среди обезьян могли быть люди, а среди людей - обезьяны. Неандертальцы ассимилировали нас. Мы - обезьян. Но почему наши родственники вымерли? Знали ли мы, чем они отличались от нас? Или это было неважно для нас?

Некоторые ученые полагают, что виной смерти неандертальцев было извержение вулкана Флегрейских полей. Другие говорят о союзе людей и волков в войне против обезьян. Многие думают, что в борьбе с ними за ресурсы победил наш разум.

Неандерталь – немецкая деревня, около которой в 1856 году нашли кости обезьяны. Исследуя останки, антропологи пришли к выводу о том, что гоминиды были под два метра ростом. Вес – около 100 кг. Неандертальцы умели делать все, что умеют делать люди.

Главный редактор New Concepts journal Ю.Магаршак в статье «Альфа-самцы остаются не у дел» выделил семь характерных пунктов в физиологии неандертальцев.

1. Обезьяны-гоминиды имели мощную грудь и развитую мускулатуру.
2. У них были большие легкие, и они могли громко кричать.
3. Объем мозга у них был больше, чем объем мозга у человека в наши дни.
4. У неандертальцев был прекрасный волосяной покров.
5. У параллельных людей были сильные руки и ловкие пальцы. Они в отличие от нас становились хорошими охотниками, а также прекрасно владели орудиями труда.

6. Обезьяны умели добывать и хранить огонь. Они ухаживали за больными, воспитывали детей и коллективно охотились.

7. Неандертальцы, как люди, хоронили умерших.

Резюмируя все перечисленные признаки, следует признать, что интеллект неандертальцев был не хуже, чем у людей. А в физическом плане они своей мощью превосходили нас. У человека разумного Ю. Магаршак выделяет всего две характерные черты. Одну он относит к наличию лобных долей у человека. А вторую – к наличию наскальной живописи.

Вопрос о роли лобных долей у человека можно оставить открытым. Одни ученые полагают, что лобные доли играют большую роль в формировании членораздельной речи, другие ученые в этом сомневаются. Бесспорным остается только наличие у нас наскальной живописи. У неандертальцев ее не было. Хотя некоторые ученые говорят о наличии наскальной живописи и у неандертальцев. Как будто бы в Испании найдены пещеры в Ла-Пасьега, в которых ученые увидели красный геометрический символ, созданный почти 70 тысяч лет назад. По сравнению с тем, что найдено в пещере Ласко, можно считать эту информацию ошибкой наблюдения.

Итак, почему же неандертальцы вымерли? Ю. Магаршак полагает, что они вымерли потому, что они кричали, а мы разговаривали. А поскольку мы разговаривали, постольку мы могли договориться, поэтому мы их победили коллективом, численным превосходством договорившихся. Они выставили против нас стаю умных обезьян во главе с альфа-самцом, мы им ответили коллективным промискуитетом, основанном на договоре между самцами и самками.

На самом деле все было не так. Более правдоподобна другая гипотеза. Все дело не в языке и, конечно, не в бессознательном, а в сознании. Неандертальцы проиграли потому, что у них был интеллект, но у них не было сознания. Это тот ключевой пункт, который я разъясняю третий месяц. А у нас, у людей появилось сознание. Признаком появления сознания является не язык, а наскальная живопись. Наскальная живопись, которая самым прямым образом связана со взрывом галлюцинаций. Языка же по большому счету не было ни у них, ни у нас. Мы молчали, и они молчали. Мы молчали негромко. Они молчали громко. Но у нас была наскальная живопись, которая может быть понята как протописьмо. Мы победили неандертальцев, как смысл побеждает бессмыслицу.

Научная литература необозрима. Я только часть обозрел, собрал всё в рассказе и выставил аргумент: интеллект не имеет к сознанию никакого отношения. Сознание не имеет к знанию никакого отношения, а имеет отношение лишь только в воздействии на самого себя.

Поршнев.

Теперь другой вариант отношения к обезьянам. Я скажу сразу же, что здесь я имею в виду. У меня будет рассказ, связанный с Поршневым.

Итак, давным-давно жили-были обезьяны. Были они как люди. Звали их палеоантропами. Они имели две руки, две ноги и голову. Были они беззлобными и уживались со всеми животными. Их никто не боялся. Да и кому их было бояться, если они были тише воды и ниже травы. Питались они падалью и растениями. У них не было ни клыков, ни когтей, и было им очень тяжело жить.

Тогда сжалилась над ними природа, научила их вместо зубов использовать камни. Обрадовались обезьяны. Найдут они, бывало, где-нибудь у реки останки погибших животных, стащат в одно место и долбят камнями кости, добывая себе любимый ими мозг. Время от времени им улыбалось счастье, и они находили трупы мамонтов. Тогда палеоантропы устраивали настоящее пиршество, наслаждаясь обилием пищи. И много ими было съедено костного мозга. То ли по этому, то ли по каким-то другим причинам развилась у обезьян способность к подражанию. Стали они обезьянничать, подражать голосам других животных.

Так бы они и жили по сей день, и никто бы их не заметил, не обратил бы на них внимание. Но вот однажды случилось страшное. Пришла беда. Реки обмелели. Крупные животные вымерли. И падали стало меньше. В это время всем было плохо. Даже саблезубым тиграм махайродам. Не выдержали они, погибли. И обезьяны бы погибли, так как начался среди них страшный голод. Как в России после Гражданской войны. Если бы не одна старая обезьяна, которая смотрела, смотрела на своего близкого родственника, на его муки, а затем не выдержала, взяла его и съела. И стали обезьяны есть друг друга. Начался у них нервный срыв.

Всё, что для остальных обезьян было нормальным, для них стало ненормальным и наоборот. То, что для обычных палеоантропов было патологией, для необычных стало нормой. Всё смешалось в жизни обезьян. Они разделились на тех, кто ест, и на тех, кого едят. Ели в основном ненормальных, умников, тех, кто, как экстрасенс, научился гипнозу, то есть стал странные звуки издавать. И эти звуки обладали какой-то магической силой. Тот, кто их слышал, цепенел или повторял сигналы.

Но враги умников не дремали. Они научились обходить эти сигналы и при каждом удобном случае продолжали ловить умников и есть. И приобрели низколобые над умниками большую власть. Нарожают умные палеоантропы обезьян, а низколобые выждут момент, когда они повзрослеют, вес нагуляют, налетят на них и заберут себе на прокорм. Думали, думали умники с расшатанной нервной системой и придумали. Сами

стали сдавать своих детей на прокорм злым палеоантропам. Но по норме, как продразверстку, а тем всё мало.

Что только не делали обезьяны-невротики, чтобы спастись от своих родственников. Некоторые из них даже переселились в Америку, а самые умные во Францию. Но повсюду за ними шли хищные палеоантропы, которые, как колдуны, посылали своим собратьям неодолимые сигналы, подчиняя их себе. И тогда стали умники следы заметать, прятаться по пещерам, обмениваться сигналами, понятными только им. Долго продолжалось это истязание, пока не случилась с ними депривация и у них не появилась первое, а затем и второе слово, пока они не сказали «мы» и «они». Но были это уже люди, хотя похожие на обезьяну. Низколобых палеоантропов они потом, конечно, отлавливали, как животных, и убивали их. И всех убили. Так что никто не может найти предка человека.

В 1859 г. Дарвин опубликовал книгу «Происхождение видов путём естественного отбора». В это время Фохт, атеист и друг Герцена, ещё не пробудился от научного сна. Вместе с ним мирно спали друзья Дарвина Гексли и Геккель, хотя Бог строго-настрого наказал учёным не спать, а бодрствовать. Ибо истина может прийти во всякое время. Всех их разбудила теория эволюции Дарвина. И они спросонок объявили, что человек произошёл от обезьяны. Строго говоря, человек перестал быть падшим ангелом совсем недавно, в 1863 году. В этом году Европа поняла, что человек произошёл от обезьяны.

Дарвин не хотел происходить от обезьяны. Он долго молчал. А потом, через 12 лет издал две книги: «Происхождение человека и половой отбор» и «О выражении эмоций у человека и животных». И в общем согласился с тем, что все мы орангутанги, что наши эмоции восходят к простым биологическим актам. Например, улыбка человека - это проэволюционировавшее гримасоподобное выражение спокойствия и примирения у животного.

Все человеческие качества вредны для биологического организма, и самое вредное качество – это, конечно, ум, ибо он разрушает биологическую систему, приспособление к среде. Значит, эти качества появились вне связи с естественным отбором. Дарвину казалось убедительным последнее утверждение, поэтому наряду с естественным отбором, он ввёл ещё и биоэстетический фактор эволюции. Например, у петуха нет ума, но у него есть красивое оперение. Само по себе это оперение бесполезно, но его можно использовать как приманку для привлечения особей противоположного пола. То есть умён не петух, а умна природа.

Человек, как ангел, падал, падал и упал. Обезьяна поднялась и стала человеком. Поскольку делать ей было нечего, она стала делать орудия. Это уже дело серьёзное, потому что изготовление орудий есть первый шаг, принципиальный шаг на пути к очеловечиванию. И делала она их довольно долго, оставаясь по уму обезьяной, а по виду

человеком. Ведь для того, чтобы делать орудие, ума не надо. Для этого достаточно рефлексов.

Ещё один фрагмент. Продолжается история с аутистическим, галлюцинаторным наклоном.

После того, как обезьяны освободились от палеоантропов, им улыбнулось счастье аутиста. Избавились они от принудительной каузальности, от внешней причины. Стали они жить, как люди, галлюцинаторно. Ни отца у них ещё не было, ни матери. Так что некоторые даже увидели свет в конце тоннеля. Им бы жить, да поживать, да добра наживать, да не заладилась у них жизнь новая, человеческая. Им нужно было с самими собой начинать новый ряд явлений. А как его начать, если в каждом из них ещё сидела обезьяна-реалистка и требовала удовлетворения своих желаний.

Реалистами же манипулируют вещи, которые действуют на них, как змея на кролика. Если обезьяна увидит банан, то она не может не подойти к нему, и не съесть его. Аутисты говорят нет этим своим побуждениям. И это было непонятно для трезвомыслящих обезьян. И начались трения между реалистами и аутистами. Реалисты полагались на инструментальный интеллект, на инстинкт. Аутисты на воображение. Реалисты считали аутистов ленивыми, спящими на ходу, погруженными в дрему. Аутисты считали реалистов заземленными, плоскими. Обезьяны практики всегда знали, что они искали. Аутисты изобретали. Действовали они на авось, играли и были они, как лунатики.

Биологическая беспомощность грезящих обезьян заставляла их сбиваться в коллектив, в группу. Ни один аутист не смог бы выжить сам по себе, поэтому изгнание из группы было для них подобно смерти. Первой потребностью аутиста стала не пища и не секс, как у прагматиков, а потребность в «мы».

Не прагматик, а грезящий аутист мог часами бессмысленно комкать, сжимать, разжимать, разрывать и соединять предметы. Из хаоса этих ни к чему не предназначенных движений рождалось новое, инструментальное мышление. Обезьяны-реалисты мыслили действиями. Они много делали, мало понимали. Обезьяны-аутисты мыслили образами, объединёнными чувствами и обладающими аффективным значением. Они мало действовали, но многое понимали. Особенно они любили слушать самих себя. Подойдёт к озеру дремлющая обезьяна, увидит утку и произносит какой-нибудь «уа». И слушает себя. Это ей доставляло удовольствие.

Прагматики злились, потому что эти звуки были шумом. Они не несли никакой биологически важной информации. А аутисты стали теми же звуками называть и дождь, и лужу, и других птиц. Так возник у них особый автономный язык, отличающийся от языка обезьян с инструментальным мышлением. Если бы аутисты застряли на стадии автономной речи, то были бы они идиотами и афатиками. А они не застряли. Они шли дальше к логической мысли. Не было в языке аутистов ни грамматики, ни предметных

связей. У каждой вещи есть свой побудительный аффект. Тропинка требует, чтобы по ней пошли. Пещера требует, чтобы в неё зашли. Дерево, чтобы на него залезли. Реалисты, как дети, шли, заходили, лезли. Аутисты играли.

В этой игре воображаемого они научились подчиняться правилам игры и не починяться побудительной силе вещей. Желаний у аутистов было немного, но все они были какие-то странные. Захотят они есть, а им мерещится, что они хотят есть себе подобных. И это их мучило и пугало, но еще сложнее были отношения с сексом. И главная проблема – это другой. Взыграло у них либидо, а порядков в удовлетворении полового голода ещё не было. Ибо не было никаких социальных структур, а были только хаос и желание. А голод не тётка. Нет от него покоя даже аутисту ни днем, ни ночью. А тут ещё вожак-реалист оказался жадным. Он, как какая-нибудь обезьяна, собирал вокруг себя всех приличных самок и развлекался с ними, а о народе не думал. Других нуждающихся к ним не подпускал, и это было обидно для аутистов, потому что были они как бы второго сорта. И не знал этот обезьяний практик ни покоя, ни отдыха. Никто не мог его отправить в отставку и на пенсию по старости. Многих аутистов возмущала такая несправедливость, особенно молодых. Но что они могли сделать? Ничего. Ведь был вожак самым злым, сильным и умным. Тогда научились аутисты удовлетворять свои желания галлюцинаторным способом. Появились и первые однополые браки. На этих галлюцинациях и симулякрах строилась совместная жизнь первых людей, и не было у них никакого угнетенного бессознательного, а было только зыбкое сознание.

И всё бы у них устроилось, если бы не пришла к ним опять новая беда. Стали аутисты различать ночь и день, и стали их мучить одни и те же видения. Много раз они съедали во сне своего полового тирана-угнетателя и со многими его подругами вступали во сне в интимную связь. За это их с позором выгоняли из коллектива и приносили во сне эти последние галлюцинации аутистов особенно сильные страдания. Всё было бы хорошо, если бы не надо было бы им просыпаться. Ведь ночь коротка, а день длинный. И вместе с утром возвращалось чувство реальности. И долго аутисты жили этой двойной жизнью, а психоаналитика у них ещё не было.

Так бы и мучили днём ночные видения, если бы однажды они не подняли бунт против реальности и не устроили ночь днём. Никому не хотелось страдать ни за что, ни про что. Тогда без вины виноватые решили, что если уж страдать, то за дело. Поймали они своего реалиста-вожака и съели его. И совокупились кто с кем захотел, и не было им стыдно. И было это для аутистов началом первой мистерии, а потом было продолжение и было раскаяние в содеянном. После раскаяния к ним вернулся их предок, тот, кого они съели. Только был он уже не такой, как они. Он был зверем, а они людьми. Они смотрели на этого зверя и видели в нём предка. И стал он для них тотемом, а взгляд, который они на него бросали, был уже философским. Ибо в них совместилось идеальное и реальное,

чувственное и сверхчувственное. И научились тогда аутисты поступать вопреки своим аффектам, научились себя ограничивать. Зверя же они любили и ненавидели. К нему их тянуло и отталкивало. С тех давних пор каждый человек носит в себе свою шизофрению, а это значит, что у истоков сознания стоял реалист-отец и его убийство аутистами. А бессознательное у людей появится позже, вместе с языком. Тогда будет это бессознательное, как сирота, связанная с безотцовщиной.

Лекция 13.

Человек-марионетка у Канта. Романтизм в философии. Человек-ночь. День и ночь. Зияние Бога. Зияние человека. Башмаки.

Человек-марионетка у Канта.

Марионетка Канта – это не кукла. Кукла, как скажет психоаналитик Дональд Винникотт, - это переходный объект. Это значит, что кукла вытаскивает ребёнка из субъективности и ведёт к реальности. При помощи куклы создаётся функция мышления у человека. Это некий субъективный объект. В нём встретились иллюзия и материя.

Там, где должна была быть мама, появилась кукла. Мама от ребёнка удалилась. Кукла – это шаг на пути взросления инфантильного. Это способ убегания человека от Бога. Там я говорил: мама удаляется. А здесь я говорю о том, что человек удаляется.

Канта интересует свобода человека. Кто претендует на эту свободу? Бог. Почему? Потому что сказано, что ничто не произойдёт, волос не упадёт без его на то воли. Понятны тогда размышления. Если на всё воля Бога, то это его воля. Кант говорит, что это совершенно не годится, потому что тогда человек со всем тем, что он есть, с оснащением, с сознанием, интеллектом, мозгом превращается в марионетку. Это недопустимо. Надо защищать.

У Канта фактически начинается процесс оправдания человека, антроподицея, то есть людям нужно оправдываться: вы почему есть, вы для чего есть, вы кто, вы зачем. Начинается в это время, в человеке-марионетке этот длительный процесс оправдания человека и человечества.

Я вышиваю по определённой канве. Я говорю, что Европа человеком не занимается, она не знает его. В интервью, где речь шла о том, наука или нет психология, (в России эта проблема решена; любого спроси: наука) Фуко говорил Бадью: Кант впервые поставил вопрос о человеке в европейской философии. Бадью удивляется: что же, не писали о человеке? Фуко вновь повторяет: нет. Впервые у Канта. Во всех остальных случаях человек был в привязке. Фуко объясняет, что человек всегда был с расширениями: человек-Бог, то есть человек с Богом вместе идут. Тут же религия, три части: душа, дух, тело. Биологи подползли: род, вид, это же рядом с обезьянами, это гоминиды. Всё решено.

Итак, эта тема не европейской философии. Кант рискнул и тут же понял какие-то вещи, и умер. Дальше Ницше появился. Ему было смешно. Дальше появляется величина вроде Хайдеггера. Тоже не нравится, потому что Кант делает шаг к субъективности. Он

говорит: зачем ты нас тянешь в трясину? Эти иррационалисты надоели. Помните рассуждения Канта со Сведенборгом?

В этом смысле я и говорю про оправдания. Потому что продолжается эта странная линия в европейской культуре. Многие вещи проясняются. Какие? Цена знания природы - это незнание человека. На этом разломе появился психоанализ в европейской культуре, потому что надо было с этим незнанием что-то делать. Он не совсем к естественным наукам и вообще не к наукам. В европейской культуре этот излом компенсирует психоанализ. У Биона я встречаю онейрический способ существования человека, сновидение. Мы-то думаем, что мыслим мы, а, как вы понимаете, Бион считает, что мыслит сон в мышлении наяву. Вы-то думали, что вы. Бион говорит, как орган мышления формируется. Он говорит о детях. Публика пыталась понять, что происходит с ребёнком в возрасте до трёх лет, как у него формируется орган мышления. Я скажу орган сознания, потому что люди ненавидят сознание. Они хотят избавиться от него.

Страх перед смертью – это страх перед сознанием. Вы-то думаете, что смерть - это бегает с клюкой тётка? Нет. Это страх перед сознанием. Мы не хотим сознания. Мы боимся его. У Канта это есть, этот страх – быть в сознании, потому что я вам могу сказать, что никакой смерти нет. Она не существует. Существует лишь только страх перед смертью. А это ворота в сознание.

«Человек-марионетка» появляется у Канта в «Критике практического разума». Ещё раз напомню, что кукла у Платона спасала человека от нудящей необходимости природы, от четырёх причин. Помните концепт: четыре причины. Спасала, выводила, потому что если четыре причины, то нет проблемы. Мы всё время делаем вид, валяем дурака. А надо понять это странное состояние между. Почему я говорю, что наше положение призрачное? Мы подвешены, и не там, и не здесь, а сами. А что такое «сами»? Это кто «сам»? Что такое «самому на себя воздействовать»? Сознание – это тоже призрак. Оно создано для работы с внутренним миром, для восприятия его, осознания.

Что такое реальность? Вам в голову не приходило раньше полагать, что прежде чем появится какая-то реальность, должно быть сформировано чувство реальности. Что такое осознание? Ощущение страха, утраты чего-то, бояться осознания, своего одиночества и своей смерти. Это всё сознание. И фактически уже у этого странного существа 3 кг, которое вы даже не хотите признавать существом, происходят тонкости, вещи, которые вы знаете из Канта. У него будет одна институция, например, способность суждения, продуктивное воображение априори. Для чего? Для того чтобы располагать во времени, в последовательности, конструировать образ. Откуда они берутся? У ребёнка есть бета элементы, по словам Биона.

Биона интересует, как появляются образы. Много необработанного материала. Ребёнок их эвакуирует. Он кричит, плачет, орёт, а мама злится. Они могут делиться на

части. Переходят в альфа те, которые маме удалось эвакуировать, если она под рукой.

Когда вы читаете европейскую философию, там желание, желание. Если я чего-то хочу, то я это и делаю. Я создаю. Хочу есть. Пожалуйста. Я создаю. А потом мама отнимает грудь. Ребёнок создаёт этот объект, но причина объекта не в нём. Нужно ещё сформировать то, чем он будет думать. Он должен мыслить. Он должен быть готов к тому, что он будет отъезжать, расставаться. У него появится чувство реальности. Его формировать надо. Чем? Орган должен быть. Для этого должны быть разные образы, но их ещё надо сформировать при делении бета на альфа и бета, на обработанные и необработанные.

Итак, если Платон в своей кукле спасал от нудящей необходимости природы, то Кант от Бога. У Канта человек – это не туча комаров, которая бросается то туда, то сюда. Его интересует ответ на вопрос: как же сделать так, чтобы человек не был марионеткой. Он не говорил: «чтобы не было Бога». Не должно быть марионетки бога, чтобы человек не был марионеткой. Совместить это странное существование: и Бога, и свободного человека. Свести это трудно.

Ответ Канта звучит так: если бы существование человека во времени и в пространстве было бы его существованием самим по себе, то защитить свободу от бога было бы невозможно. Чем можно защитить? Либо хаос, где ничего не может быть. Там нет никакой устойчивости. Всё взрывается каждую секунду. Либо абсурд. От природы можем так защищаться и от Бога.

Человек не может превратиться в куклу богов только в том случае, если он, как говорит Кант, существует как явление, а не сам по себе. Он ставит Бога в ситуацию человека. Один знак всегда два знака, потому что не может быть один. Первый знак всегда речевой знак. Он отсылает к знаку. Один знак всегда два. Человек всегда больше, чем один. Это я цитирую Деррида.

Явления существуют в пространстве и времени, а вещи сами по себе – вне пространства и времени. Мы частью существуем в пространстве и времени, а другой частью неизвестно как и неизвестно где, без всякого времени и пространства. То есть всегда есть две вещи в себе. В России ищут одну вещь под названием «я как вещь в себе». Европа вся искала вещь в себе природы.

Бог же творит только вещи в себе, а не явления. Вы спасены, как явления. За всё, что делаете, вы отвечаете. Вас Бог создал как вещь в себе. Кант пишет: «… если бы поступки человека… были определениями человека не как явления, а как вещи самой по себе, то свободу нельзя было бы спасти. Человек был бы марионеткой или автоматом Вокансона, сделанным и заведенным высшим мастером всех искусных произведений». Человек может мыслиться разумным автоматом, но тогда сознание спонтанности будет в

нем, согласно Канту, обманом, ибо причина человека будет находиться не в нем, а в чужой власти.

Кант сталкивается с проблемой, и она не очень была понятна Канту. Как мы воздействуем на себя. Формула понятна, но хотелось бы ещё какой-то механизм.

В «Критике чистого разума» Кант пишет: «Мы представляем самих себя наглядно…». А вы своё я представляете наглядно? «Мы представляем самих себя наглядно лишь постольку, поскольку мы внутренне подвергаемся воздействию». То есть мне бывает иногда стыдно. Так я подвергаюсь воздействию. Если не бывает стыдно, то почему? А подвергаюсь ли тогда воздействию? Или вообще не подвергаюсь ничему. Или я не краснею, не бледнею, постоянно неопределённое выражение лица, как у куклы, мускул не дрогнет.

Но ведь представлять самого себя наглядно невозможно, потому что всё заслоняет от нас наше Я. О самости ничего не говорят не только губы, но даже глаза. Мы создаем свой наглядный автопортрет лишь постольку, поскольку забываем о внутреннем воздействии на самих себя.

Романтизм в философии.

Романтизм – это «Гимны к ночи» Новалиса, потрясенного смертью любимой девушки. Все случайно, хотя для всего есть причина. Все в мире тленно, только сон длится вечно. В ночи затерянный человек не может однажды не спросить себя: неужели наступающее утро неотвратимо? Неужели вечен гнет земного? Человек – это не кукла с электронными мозгами, которую боги дергают за ниточки. Человек сам должен построить модель своего поведения. Если цели его действий согласуются со средствами достижения этих целей, то человека можно назвать прагматиком, рационалистом. Если же оправдание цели находится в самой цели, то человек этот предстает перед нами как романтик, как тот, кто может спуститься в бездну мира, переживая присутствие непознанного, таинственного, невозможного. Если же пути человека ведут дальше цели, то он попадает в круг священного, где всегда играет Бог.

Первым философским романтиком был, конечно, Платон. Мы уже разбирали про неистовство. Влюблённый, невлюблённый. Кто ценнее, кто предпочтительнее. Итог был такой: неистовый предпочтительнее, если он от Бога.

Человек-ночь

При подготовке лекций 1805–1806 гг. Гегель писал: *«Человек есть эта ночь, это пустое Ничто, которое целиком содержится в своей нераздельной-простоте*

(Einfachheit): богатство бесконечного множества представлений, образов, ни один из которых не ведет прямо к духу, образов, которые существуют лишь в данный момент (gegenwartig). Здесь существует именно ночь, внутреннее-или-интимное (Innere) Природы: - чистое личное-Я. Оно распространяет ночь повсюду, наполняя ее своими фантасмагорическими образами: здесь вдруг возникает окровавленная голова, там — другое видение (Gestalt); потом эти призраки также внезапно исчезают».

Почему человек есть ночь, а не день? Почему романтики характеризуют человека как нечто темное, сумеречное? Потому что ночь – это царство образов, а образы – это не вещи, не предметы. У них нет четких границ, нет локализации в пространстве. У них есть только локализация в восприятии. Образы отсылают не к внешней реальности, а к грезам человека. Пробуждение же от грез обычно связывают с языком, с сознанием. Воображение извлекает предмет всегда вместе с его окружением. Рассудок как бы вырезает предмет из пространства, изолирует его от окружения. Грезящий человек не может отличить себя от бодрствующего. Бодрствующий же отличает себя от грезящего, потому что у него есть понятие об истине.

Теперь эта же часть по пунктам. Первое – пустота. Итак, напоминаю: «Человек есть эта ночь, это пустое Ничто». Во-первых, обратите внимание на слово «пустота». Чем она хороша? Пустоту нельзя делить. Сколько бы ты её не делил, она будет одна. Она одна и неделима. С чем её сравнить? С полными предметами. Полные предметы можно делить? Тоже нельзя. Нет, их разделить можно, но получишь не несколько полных предметов, а что-то совсем другое. Что такое полный предмет? Раньше, когда на первом курсе объясняли философию, она объяснялась очень просто. Философия – это разговор о полных предметах. Полными предметами называются такие вещи как добро, ум, красота. Они могут быть только полными. Не может быть половины добра, потому что половина добра - это зло. Если ты красива на 1/5, то говорят, что ты недостаточно красива, то есть ты некрасива. Исчезает полный предмет. Он неделим, но его можно делить с эффектом таким, как я сказал. Если будете делить ум, то вместо умного будет много дураков.

Второе – ночь. Следующее слово – «ночь». Что приходит на ум из того, что я вам уже говорил? У животных или у зверей нет деления на ночь и на день. Они всегда бодрствуют, даже если спят, а человек всегда спит, даже когда бодрствует. Звери не знают ночи, а человек не знает дня. Ночь – это сон, грёза, страхи и призраки. Границы неопределённые, нечеткие.

Третье. Что пугает человека? Ночью ничто не надежно, ничему нельзя доверять, нет ни одного образа, который ведёт к духу. Образ всегда ведет к духу, а ночью ни один образ не ведёт к духу. Что такое? Ночью все образы лопаются. Они ненадежны, ни за что нельзя уцепиться, ухватиться. Всё колеблется. Есть только образы, которые существуют только в данный момент. Это не образы. Это что-то лопающие, взрывающееся,

существующее в данный момент. То есть то, что не ведёт в следующий момент времени. Поэтому он постоянно говорит именно здесь. Этими оборотами он обозначает эти странные хлопанья, вспышки, взрывы. Именно здесь царствует ночь. Почему он называет внутреннее Природой? Обратите внимание, я когда-то вам говорил, на самых первых занятиях: философию иногда понимают как науку об изнанке природы. Так говорил Гегель, и поддержал Хайдеггер. Гегель на этот счёт говорит, чтобы вы не сомневались: *«…ни один из которых не ведет прямо к духу, образов, которые существуют лишь в данный момент (gegenwartig). Здесь существует именно ночь, внутреннее-или-интимное (Innere) Природы: - чистое личное-Я».* Я. Вот что изнанка природы. У неё нет ни цвета, ни формы, ни содержания. Что делает это я? Одну только функцию выполняет: «Оно распространяет ночь повсюду».

Я – это не солнце, не свет. Оно наполняет пустоту ночи. Чем оно наполняет? Частями тела человека, который как будто бы разъятый жестоким убийцей. Это фантасмагорические образы: «здесь окровавленная голова», там окровавленная нога. Потом эти призраки исчезают.

Когда мы говорим «я», мы не видим его. Я не вижу себя. Только ребёнок смотрит и говорит: она – это я. Это ситуация зеркала.

День и ночь.

Днем всем нам нужно говорить на языке истины, ночью можно грезить. День – это всегда какая-то чтойность, какая-то определенность. Днем вещи выходят на первый план. Ночью на первый план выходит наша самость, стирающая границы между вещами. Ночь пуста, неопределенна. Вот эту пустоту ночи и заполняют наши образы и мечты. Но эти образы, в отличие от вещей, существуют лишь в данный момент, который, в свою очередь, неуклонно стремится к нулю. И поэтому человеческие фантазии быстро исчезают, лопаясь как пузыри. В каждый следующий момент они перестают быть.

Человек – это ночь природы. Почему? Потому что человек – это отрицание природы, ибо его сущность, существующая как наличное бытие, скрыта во мраке знания.
Более того, человек есть отрицание самого себя. Он есть то, что он никогда не есть. И эту ночь наше Я распространяет повсюду. «Именно эту ночь, - пишет Гегель, - можно увидеть, если заглянуть человеку в глаза: (тогда взгляд погружается) в ночь, она становится ужасной (furchtbar), (тогда) перед нами предстает… ночь мира».

С эстетической точки зрения, романтизм закончился в первой половине 20 века. Первым в философии это почувствовал Хайдеггер в своей работе «Петь – для чего?».

Зияние Бога

Петь – для чего? – поставил вопрос Хайдеггер, комментируя элегию «Хлеб и вино» Гельдерлина. Ведь если богов нет, а Христос умер, то это значит, что день человека закончился. Люди стали реалистами и перестали петь себе метафизические песни. Вечер мира склонился к ночи. «Ночь мира, - говорит Хайдеггер, - ширит свой мрак». Это время мира определено неприходом, зиянием бога. Что такое «атеист»? Последние отбросы отсутствия Бога.

Что означает зияние бога? Дыра. На платье дыру сразу видно. Зияние означает, что не бог собирает вокруг себя людей и вещи, а обстоятельства. Не он ладит мировую историю, а случай. Сияние божественного угасло в мировой истории. «Ночное время – скудное время… Оно, - продолжает рассуждать Хайдеггер, - уже столь скудно, что больше не в состоянии заметить зияние бога как зияние». Это приговор. Мы не можем заметить зияние бога как зияние, потому что вещи собираются по обстоятельствам.

Вместе с этим зиянием из мира исчезает и дно, на котором он стоит. Времени мира, у которого нет дна, ничего не остается, как висеть над бездной. Во времена мировой ночи нужно испытать и выдержать бездонность мира, но для этого необходимо, чтобы были такие люди, которые бы спустились в бездну. Нужны романтики. Где вы видели романтиков? Последние романтики в философии давно уже исчезли. Остались одни позитивисты. Это скука жуткая. Одновременно страшно.

Зияние человека

Романтики – для чего? Конечно, не для того, чтобы исправлять ошибки в работе социального. Чем лучше становится социум, тем хуже становится человек. Чем меньше в нем самоаффектации, тем больше он уподобляет себя разумной машине. Романтики для того, чтобы петь свои аутистические песни, чтобы этим пением в мире длилось человеческое.

Зияние человеческого в человеке определяется сегодня как перспектива трансгуманизма, как неуклонное приближение эпохи постчеловека. Эту эпоху приближает, например, философское убеждение в том, что мысль может мыслиться вне связи с человеком. Сама по себе. Под знаком этой мысли создается искусственный интеллект, машины мысли. Рассматривая язык вне связи с тем, что говорит человек, мы создаем языковые машины, которые не пересекаются с сознанием. Мы пытаемся конструировать образы вне зависимости от того факта, что воображает только одно существо в мире, называемое человеком. Оно единственное и потерянное. Мы хотим

найти алгоритм творчества и заставить творить машины, полагая, что творит мозг, а не человек.

Э. Булгак, программист, разработал компьютерную программу под названием «Генератор постмодернизма». Подбирая подходящую лексику, грамматику и синтаксис, Булгак получал электронные тексты, ничем не отличимые от текстов Деррида, Делеза и Бурдье. Правда, специалисты, читающие такие тексты, после некоторого колебания начинали понимать, что их дурачат.

Башмаки

Хайдеггер ничего не понимал в искусстве, мне говорят. Я хотел прочитать и немножко прокомментировать его башмаки в этом зиянии человеческого. Конечно, авангардизм и концептуализм радикально меняют искусство, но еще более радикально его меняют хеппенинг, перформанс, инсталляция, через которые в культуру входит некультурное, вульгарное, банальное. В этом случае мы теряем идею художественной реальности, ибо перестает говорить художник, и начинают говорить сами вещи. Вы понимаете, сейчас никто не говорит. Исчез художник, исчезла художественная реальность.

Возьмем картину Ван Гога «Крестьянские башмаки». Что мы обычно делаем с износившейся обувью? Мы ее выбрасываем на свалку как хлам, как ненужную вещь, как то, что отслужило свой срок. Так же, видимо, поступили и с теми крестьянскими башмаками, которые изобразил Ван Гог. Но вот они изображены. Хайдеггер говорит, что картина Ван Гога раскрывает то, что поистине есть башмаки. Поверим Хайдеггеру. Отсюда следует, что башмак как башмак есть нераскрытое бытие. А нераскрытость бытия вещей означает, что у них нет собственного голоса, плана выражения. Они не могут сами говорить о том, что они есть поистине. О том, что они есть поистине, говорят их репрезентации. У Хайдеггера художник раскрывает истину башмаков. Но художник, на мой взгляд, в данном случае раскрывает то, что уже раскрыто крестьянином на деле, фактически. Если бы башмаки скрывали свою истину от крестьянина, то он бы их просто не носил. Картина Ван Гога говорит о вещи, за которой осталась жизнь. Башмаки изношены, и их путь теперь на свалку.

Хайдеггер говорит, что художник раскрывает истину башмака. Я подхожу с боку и говорю: а почему решил, что художник? Уж если кто-то и раскрыл башмаки, так это крестьянин, который их выбросил. Я дал вариант на тему «что говорят нам вещи сами по себе». Или требуется художественная реальность, художник, который нам расскажет, что нам говорят вещи сами по себе.

Лекция № 14.

От антропологии к призракологии. Скрытое недовольство цивилизацией. Человек как молчащее существо. Коммуникативный поворот в гуманитарных науках. Экономический человек. Антропогенез.

От антропологии к призракологии.

Современная философия сводится к мысли о том, что в мире есть только тела и силы. Современная антропология сводится к мысли о том, что ключ к человеку лежит не в обезьяне, не в постчеловеке и даже не в сверхчеловеке, а в призраках и галлюцинациях.

Есть ли какая-то связь между философией и антропологией? Есть. И она прямая. Современная философия – это антропология. Что это значит? Это значит, что мы принимаем мысль, которая звучит так: то, что не существует, реально. Эта фраза ключевая. Это прямо перпендикулярно по отношению к тому, что говорил Парменид, то есть к изначальной философии. Вся позднейшая философия только и состояла из нарушений. Парменид считал, что бытие и мысль одно и то же. Они неделимые, полные, без времени. Он этой формулой исключает человека.

То, что не существует, реально. То есть несуществующее реально. Если мы к чему-то относимся как к тому, что существует, то оно существует. Это после Канта легко говорить. Реальность несуществующего не принадлежит больше только психоаналитикам. Она принадлежит к самому способу, которым бытие бытийствует. Я небытие пытаюсь встроить в бытие. Я ещё пытаюсь сказать, что это бытие бытийствует так, что делает несуществующее реальным. То есть, внедренная в онтологию, эта мысль преобразует ее в антропологию.

При этом в субъекте обнаруживается еще один субъект, трансцендентный по отношению к первому. Но это все почему-то назвали бессознательным. Хотя это не бессознательное, а два сознания, между которыми нет никакого перехода, нет никакого углубления сознания. Этих субъектов не связывает речь. Если бы она их связывала, то тогда было бы одно сознания, а не два. В акте трансцендирования всегда гибнет сознание.

Человек сегодня не единое существо со своим телом. Человек сегодня – пловец в лодке. Его тело это уже не только органика. В наше тело встроено неорганическое. То, что дает нам тепло, свет, еду и протезы. У нас нет для этого тела сознания. У нас вообще для тела нет сознания. Сознание вообще не имеет никакого отношения к знанию. Сознание принадлежит к способу воздействия на себя. Или сознание – это способ восприятия внутреннего мира. Но у нас есть интеллект и знания, которые не имеют никакого

отношения к сознанию. Посредством интеллекта мы что-то можем знать о пробоинах в нашей лодке. Интеллект враг мышления. Знание скрывает человека от самого себя.

Достаточно ли нам понимать, как устроено тело человека, чтобы понимать человека? Или этого недостаточно? Все ли в человеке улавливаемо нами посредством тела или не все? По этим вопросам между философией и наукой сегодня нет согласия.

Наука хочет быть позитивной, но за эту позитивность ей нужно платить. Чем? Отказом от абсолютного. Не в этом ли коренится причина того, что наука вынуждена непрерывно пересматривать свои суждения? Философия обнаружила в себе желание быть не позитивной, а спекулятивной. Ее интересует не тело, а расширение тела. Что интересно в этом расширении? То, что оно не зависит от тела. Но за эту свою спекулятивность философии тоже приходится платить. Чем? Признанием фундаментальной роли мнимостей, призрака в жизни человека.

Мнимости – это кажимости, видимости, призраки, грезы. Указанный набор мнимостей меняет представление о субъективности. Субъективно не то, что принадлежит субъекту, а то, чему принадлежит субъект. Например, цвет – это то, что принадлежит субъекту, но это не субъективность, ибо различие цветов является объективной способностью существования живых существ. Призрак – это то, чему принадлежит субъект. Призраки делают человека человеком. Первым это заметил Деррида. Что такое призрак? Это то, что в себе показывает себя в качестве того, что оно не есть. Что следует из призракологики?

1. То, что предмет антропологии – это не дискретно выделенное тело человека.

2. То, что человек всегда больше, чем один человек.

3. То, что человек не единичное, а первое и единственное существо, принадлежащее субъективности.

Предметом антропологии является не человек, а событие, в котором происходит подчинение грезящего тела грезе. Это событие является сингулярным. Его нельзя повторить. Не только техническими средствами, но и всей полнотой взаимного действия тел и сил бесконечной вселенной. То есть гибель человека закодирована в самом способе его существования. Но это означает, что исчезновение человека не является точкой сингулярности. Оно является вполне ожидаемым и прогнозируемым событием. Отсюда следует, что человек – не центр вселенной. Но отсюда также не следует, что антропологическая граница может сдвигаться как угодно далеко от своего центра, то есть от человека. Это нарушает принцип сингулярности.

Скрытое недовольство цивилизацией

Что указывает на то, что знания скрывают от нас человека? Психоанализ. Что это значит? Это значит трехсотлетнее доминирование науки и технологии в жизни европейского человечества. Европа узнала, как устроена природа ценой незнания того, как устроен человек. В области изучения человека в Европе не было сделано ничего. Как сказал Аристотель «человек - это разумное животное», так ничего с этих пор не изменилось. Вот на этом разрыве знания между человеком и природой и возникает в Европе психоанализ. То есть психоанализ – это симптом симптомов, свидетельствующий о незнании человека европейской цивилизацией.

Почему мы недовольны современной цивилизацией? От чего мы устали? Конечно, от погони за техническими новшествами. В Европе на место религии, в конце концов, встала наука. В борьбе знания и веры победило знание. Но порождающая причина знания – это интеллект. Порождающая причина сознания – это вера. Интеллект раздавил в нас то, что носит имя «сознание». То, что стирается свидетельство присутствия сознания, позволяет сдвигать антропологические границы по двум направлениям. Одни границы сдвигаются к органике, то есть мы ничем не отличаемся от слизи. Другая граница позволяет нам (интеллект) обнаружить родство с самыми примитивными интеллектуальными машинами. То есть органика и интеллект проглотили человечество.

Последним барьером, отличающим человека от алгоритма, стала проблема цели, взбудораживавшая всех. Когда была вера, тогда были пути, ведущие дальше цели. А дальше цели лежит круг веры с колесом сакрального. Без Бога это колесо не крутится.

Последним убежищем человека стали грезы или сама себя показывающая сущность человека. И последнее. Хотелось бы знать, что имел в виду Кант, когда он говорил о последних целях человеческого разума. Почему знание о последних целях есть, на его взгляд, абсолютная ценность? У Канта очень редко встречается слово «абсолютное». Философия не любит абсолюты никакие. Мы историчны, релятивны. А он говорит об абсолютной ценности. И почему одновременно это единственная внутренняя ценность, которая придает ценность всяким другим знаниям? Знания не имеют никакой ценности. Так сказал Кант.

Человек как молчащее существо.

Первым молчащим существом, конечно, стал человек. Аристотель сказал: говорящее. Что я говорю? Молчащий. Я хочу, чтобы вы на этих сопоставлениях поняли, что что-то закончилось или делается вид, что закончилось, или тут какая-то проблема. Я намеренно говорю, что молчание является адекватным поведением для человека, который

всегда изгой. В этом молчании человеком впервые высказана претензия на обладание свободой. В безумии, не в уме. Молчать – значит в безумии претендовать на свободу, ибо разумных оснований для того, чтобы была свобода, нет. Когда человек молчит, он, дистанцируясь по отношению к наличному, открывает в себе свою самость. Когда человек говорит, он, наоборот, дистанцируется по отношению к самому себе и посредством языка открывает себя внешнему. Кому это надо? Тут появляется фигура социума. Это надо ему. Это наш договор с ним. Язык в этом смысле – это соглядатай мира, это дозор, высланный реальностью для поимки беглеца. Для того чтобы вернуть его к реальности, для пленения его воображаемого, поэтому до сих пор человек не может не бояться говорить, ибо говорить он может только о том, о чём невозможно молчать. Эта фраза от Витгенштейна из «Логико-философского трактата». Я придаю ей другой совершенно смысл.

Только тот, кто грезит и молчит, может заговорить, но его речи непременно будет предшествовать взрыв. Взрыв сознания, подобный взрыву галлюцинаций. Не слово, а ритм, не знак, а образ создают горизонт человечески возможного в мире. Язык убивает образ. Знак истребляет ритм и мелодию человека. Единственное свойство знака, оправдывающее его существование, состоит в том, чтобы не быть образом. Язык – это то, что препятствует работе образа в нас.

Воображаемое, появившееся в результате взрыва галлюцинаций, как раз и является той инстанцией, которая вынуждена человека тормозить. Реальное остаётся всегда позади на своем месте, как бы за спиной человека, а впереди у нас всегда как будто бы просматривает нечто нереальное. Сновидение, хаос грёз и беспокойство безместного пассажира Вселенной.

При переходе от естественного к воображаемому человек пересекает пределы реального. Он уходит от природы, но приходить ему некуда. Его никто не ждёт. В войне реального и воображаемого побеждает воображаемое или, говоря на языке Флоренского, культ. Воображаемое работает на уровне произведения, выведения человеческого из небытия. Грёзы необъяснимо приходят к человеку и необъяснимо уходят от него. Их невозможно воспроизводить. Они множественны и уникальны. Человеку приходится ловить свой ритм, свою мелодию, удерживая в культе так называемое «одно и то же».

Человек теперь уже никогда не сможет вернуться из воображаемого в реальное. Только смерть могла бы вернуть его в мир наличного и возможного, в пространство абсолютного равнодушия вещей.

В языке реальное берёт реванш над воображаемым. Язык – это второй уровень реального. Это тоже реальное. Я бы не стал вводить реальное и языковое. Это всё реальное, но этот второй уровень предназначен для существа, который называется человеком.

К реальному язык теперь относит только то, что воспроизводимо по его правилам. Невоспроизводимому в слове отказано в существовании. Язык неуклонно репрессирует воображаемое. В свою очередь воображаемое мстит языку компрессией смыслов в первом слове человека. Тайное желание языка состоит в том, чтобы проникнуть туда, где всё случается в первый раз, туда, где он мог бы стать причиной самого себя, где он мог бы стать своим антиязыком. Язык кажется всемогущим и вездесущим. Всё, что в нём от сознания, он присваивает себе и представляет от своего имени, хотя мысли, выраженные в языке, не принадлежат языку. Языку принадлежат только лишь рефлексивные структуры, которые не имеют никакого отношения к мысли. Если мыслят, то не рефлектируют. Рефлектируя, не мыслят. Языковой тоталитаризм заставляет стремиться к девербализации, к абсурду, к хаосу, к понимаю невербального выражения мысли, к неречевой мысли, к исследованию, к пониманию её места, потому что пока доминирует речевое сознание, речевое мышление, знаковое мышление, языковое мышление. Неязыковое допускается, но совершенно темно и непрозрачно.

Воображаемое нуждается в образе, языковое в знаке. Замена образа знаком стала одной из причин антропологической катастрофы. Воображаемое не знает ни прошлого, ни будущего. Оно знает только непрерывно длящееся настоящее. Языковое, как я уже сказал, не равно воображаемому. Между воображаемым и языковым идёт борьба. Язык относит воображаемое к асоциальному, к неприемлемому социумом буйству субъективного. Воображаемое указывает на себя как на границу языкового. Оно отказывает языку в сфере уникального, субъективного. Сознавать без языка – значит галлюцинировать. Говорить без сознания – бредить. Таковы два поля существования человеческого. Речь является тем способом, которым речь связывает воображение и язык. В этой связи человек начинает двоиться. На уровне воображаемого человек дан себе непосредственно. На языковом уровне он отделён от себя знаками. Язык откладывает встречу человека с самим собой, а без этой встречи человек не может говорить от своего имени. Он может говорить только на языке другого. Тем самым человек оказывается в ловушке. С одной стороны – его осаждает реальное, с другой – языковое, то есть социальное. Между ними находится человеческое, то есть воображаемое.

Возникает вопрос: может ли человек вернуться в непосредственность своего доязыкового бытия или не может? Существование в языке оформляет устойчивое желание человека вернуться к доязыковой непосредственности бытия, к воображаемому. Искусство – это и есть непрерывно возобновляемое возвращение человека в доязыковое человеческое состояние. В искусстве человек свободен от языка. Но в коммуникации человек свободен от искусства. Вопрос: не является ли коммуникативный поворот гуманитарных наук тем способом, при помощи которых мы отделываемся от самого себя?

Вы думаете, что когда я замолчал, я молчу? А могу говорить. Нет. Язык рождается в молчании. Молчание – это то, что накладывает запрет на то, чтобы кто-то непрерывно однородными преобразованиями животные звуки превратил в речь. Сколько бы Пинкер не писал книг, он ещё может сто написать, сколько бы не говорил, что он прогрессивный человек, он смешон. Потому что молчание – это адекватный способ существования человека. Вы не можете не испытывать иногда потребности побыть одному, побыть самому. Я хочу побыть с собой. С кем ты хочешь побыть, когда хочешь побыть с собой? Я хочу помолчать. Когда я говорю, язык меня связывает. Я с ним. Он меня возвращает. Когда я говорю, я дистанцирован по отношению к самому себе. Когда мне говорят, я тоже дистанцируюсь. Мне говорят: отвлекись от себя. Зачем ты себе? В тебе ничего нет, кроме материи. Ты складка материальная. Ты такая же, как всё остальное. Ты слизь, которая свёрнута так, как будто в ней что-то человеческое. Ничего в тебе нет. Что такое человеческое? Это непонятно. Язык? Но всё говорит. Дверь скрипнула, сказала. Птичка пролетела, сказала. Что ещё у тебя есть? Интеллект? Мир переполнен интеллектом.

Даже у Хайдеггера были колебания. Я на это обратил внимание. Есть статья про язык и «Бытие и время». Там разное отношение к молчанию. Они же люди знаковые, это погубило европейскую философию. Сейчас расскажу почему. Был у нас европеец в психологии. Звали его Выгодский, умный человек. Он говорит: мысль имеет как бы другую историю, не связанную с языком. У них разные истории. Случилось так, что они пересеклись. Могли не пересечься. Нет такого закона природы, чтобы они пересеклись. Его, конечно, интересует пересечённое языковое мышление. Но есть, значит, неязыковое, неречевое. И оно как-то существует, и даёт о себе знать. Что это? Есть невербализованная мысль.

Когда я говорю, что язык осваивает весь мир, как говорил когда-то Витгенштейн, это концлагерь. Он сказал страшную вещь. Потом он стал другим, у него появилась игра. Начинал-то он очень строго. Бог – это неязыковое. Это что такое? Вы что имеете в виду, когда говорите «добро»? Это что? Язык охватывает мир. Это такой тоталитаризм. Самое главное не в этом. Разные бывают тоталитарности, а он отделяет меня от себя. Понимаете? И в ответ на это я говорю: я больше, чем один. Меня нельзя отделить. Я дан себе непосредственно. То, что чувствует моя душа, не может быть не таким, каким она чувствует. Злокозненный гений не может меня обмануть. Если я влюбился, я влюбился. Хоть ты лопни. Мне всё равно, злокозненный гений ли меня ввёл в искушение. Случилось. Мне всё равно. Я не могу обмануться. Я дан себе.

Если я не дан, есть пауза, разрыв, зазор. А кто делает зазор? Знак. Это тот барьер, который нельзя перешагнуть. Что это означает? Сюда может поместиться кто угодно и манипулировать, вводить в заблуждение, водить за нос. Это была беда европейской философии.

Коммуникативный поворот в гуманитарных науках.

Я встраиваю этот поворот в наше движение, в нашу антропологию с тем, чтобы было понятно. В начале 20в. в сознании доминировали социальные науки. Эти науки помогали объяснить смысл перехода от традиционного общества к модернистскому, к современному. Когда в Европе этот переход был завершён, социальные науки прекратили своё значимое существование. Маркс – это фигура мощная, скала, глыба в болоте утопает, которая больше, чем социальные науки. Социальные науки прекратили своё значимое существование и вышли в отставку, оказавшись на периферии общественной жизни, где они с тех пор и прозябают в интеллектуально жалком состоянии. Время социальных наук прошло. Вы же не ждёте ничего. Что вы ждёте от завтрашнего? Ничего. Вы только спрашиваете: зарплаты будут повышать, инфляция уменьшится? А начало 20в. – это было грандиозный социум, всё по справедливости, будет другой мир, не будет бедных, не будет богатых. Это Европа придумала. И реализовали где? В России. Европа всё свое бессознательное реализовала в России. Мы весь 20в. потратили на это, погубили миллионы жизней.

Основной недостаток социальных наук состоит в том, что они социальное пытались объяснить социальным. Тогда же как социальное является всего лишь продуктом разложения структур воображаемого. В результате социальное оказалось никак не связанным с экзистенциальным, и Дюркгейм победил Тарда. Социальное без экзистенциального превратилось в малопонятную, неплодотворную абстракцию.

Тогда на смену социальным наукам пришли науки гуманитарные. Исток гуманитарных наук Леви-Стросс усматривал уже в сочинениях Руссо. Гуманитарные науки постарались избавиться от недостатков социальных наук, выдвигая на первый план языковое поведение человека, в котором социальное предполагается неотделимым от я человека. Но если мы берём я и социум вместе, как нам советовал Леви-Стросс, то тогда нам нужно взять на учёт и внутренний опыт, то, без чего невозможно антропологическое. Но как его взять, если он не встраивается в трансцендентную перспективу, если предметы внутреннего опыта каждому даны непосредственно? То есть они существуют, если мы хотим, чтобы они были.

Гуманитарные науки вынуждены были поменять представления об объективном. Так Барт и сделал, объявив в работе «От науки к литературе», что объективность - «одна из форм воображаемого», и её нельзя перенести в научный дискурс, ибо в этот дискурс нужно будет встраивать рассказ о пережитом. Это недопустимо, ибо переживания субъективны.

Гуманитарные науки с самого начала колебались между признанием того, что у человека есть некоторое внутреннее бытие, которое не определяется обществом, и

признанием того, что у человека нет никакого внутреннего бытия, не выраженного во внешнем. Так гуманитарные науки распяли себя сами между Дильтеем и Гадамером. То есть, есть внутреннее, не зависимое от социума, или нет никакого внутреннего, независимого, а есть социум.

Гадамер победил Дильтея. Поскольку в человеке нет ничего внутреннего, постольку теоретически гуманитарные науки должны были бы отказаться от идеи трансцендентализма в понимании человека, доверившись исключительно эмпирическому опыту. Но гуманитарное без трансцендентального обессмысливает само существование гуманитарного знания, которое принуждено теперь уступить своё место вновь формирующимся когнитивным наукам, не нуждающихся в идеях априоризма.

Для того чтобы выжить, гуманитарные науки совершают коммуникативный поворот, объявляя о существовании некоего третьего, нейтрального феномена, того, в чём совпадает социальное, антропологическое и когнитивное. Этим третьим является коммуникация.

Итак, что же такое коммуникация, и в чём философский смысл коммуникативного поворота гуманитарных наук? Человек может, по крайней мере, пребывать в двух состояниях. Он может быть на своём месте и не на своём месте. Быть на своём месте – значит обладать полнотой бытия, а полнота бытия ни в какой коммуникации не нуждается, ни в какой обмен смыслами не вступает. Если бы она вступала в обмен смыслами, она была бы не полнотой, и тогда бы нарушался принцип, что молчание является адекватной формой полноты существования.

Когда человек не на своём месте, когда он смещён в сторону от своего назначения, тогда он вступает в коммуникацию. Вступать в коммуникацию - значит сообщать о том, что ты не на своём месте. Это единственное, что мы можем сообщить. Что ты частичное существо. Поэтому посредством коммуникации пытаешься восполнить изъяны своей частичности. Говорить – значит уже коммуницировать, создавать дистанцию по отношению к самому себе и посредством языка открывать себя внешнему, другому.

Во времена Гегеля другого называли своим иным, и казалось, что другой навсегда затерялся в складках гегелевской философии. Но другого почему-то время от времени оттуда достают и всем показывают. Зачем? Ведь если мышление – это разговор с самим собой, то никакой другой нам не нужен. Другой нужен для тех, кто думает, что истина рождается в споре, в диалоге. Но человек мыслит в одиночестве, хотя и живёт социально.

Коммуникативный поворот гуманитарных наук формулирует перед каждым из нас проблему. Либо ты сам, но у тебя проблемы с коммуникацией, либо ты вступаешь в коммуникацию с другим, и тогда у тебя возникают проблемы с твоей самостью. Коммуникация и самость не совместимы. Расширение пространства коммуникации ведёт к деградации антропологической реальности, к необходимости искать себя где-то на дне у

другого. Ведь коммуницировать – это значит говорить на языке другого, того, кто тебя завершает, кто даёт тебе целостность и знает тебя лучше тебя самого.

Всякая коммуникация строится не в плане выражения, а в плане ускользания слова в порядке знака. Мы коммуницируем не потому, что нам есть, что сказать. Мы вступаем в коммуникацию для того, чтобы избежать встречи с самим собой, чтобы скрыть от себя свою пустоту. Прерывание коммуникации обнаруживает нашу ужасающую зависимость от обмена пустыми знаками. Любой диалог образует разговор, который ведёт в конечном счёте к болтовне, к разговору, в котором не рождается предмет разговора. Монолог уже тем выгодно отличается от диалога, что ведёт к молчанию, к тому, что отсылает тебя к самому себе. Монолог нельзя встроить в коммуникацию. Монолог всегда осмысленен. Коммуницируют в отсутствии смысла. Тогда как в присутствии смысла люди молчат. Для того чтобы коммуницировать, то есть быть вместе и одновременно быть в состоянии коллективной неуместности, необходимо научиться лгать. Ложь – условие коммуникации с другим. Самообман – условие коммуникации с собой. Содержание коммуникативного опыта составляет демагогию, ибо язык коммуникации говорит больше, чем люди могут сказать.

Любая истина некоммуникативна. Она монологична. Именно поэтому она подлежит забвению в коммуникативном пространстве. Благодаря коммуникации язык встал на место сознания. Сознание нуждается в том, чтобы человек оставался наедине с самим собой. Коммуникация представляет к нему другого. Между тем мыслить значит в центр ставить самого себя. Тогда как говорить значит в центр ставить другого. Нельзя одновременно мыслить и говорить. Следствием коммуникативного поворота является то, что сегодня почти невозможно говорить от своего имени. А это значит невозможно говорить искренне, то есть думать вслух.

Для того чтобы говорить от своего имени, нужно быть предоставленным самому себе. Но коммуникация – это не что иное, как отложенная встреча человека с самим собой. В каждый момент он опосредуется другим. Отложенная встреча – это отложенная смерть. Помните, так Кожев комментировал Гегеля: отложенное желание. У тебя есть возможность встретиться с собой, но никакой гарантии. Что значит «отложенное». Ты же всё время их откладываешь. То есть вся жизнь состоит в откладывании, потому что я избегаю встречи с собой. Я ведь понимаю, что ничего нет там, где есть я. С чем встречаться? Я боюсь, что там будет зиять бездна. Был один такой человек, который нырнул в такую бездну. Его звали Гоголь. Гоголь делал такие эксперименты, пытался в своём побывать внутреннем мире.

Мы слишком позитивны, слишком подвержены языковой культуре. Мы застёгнуты. Нас застёгивает другой. Велика роль другого. Другой нас формирует. Он ждёт нас. Ты родился – он тебя встретил. Ты умер – он тебя проводил. Всё в порядке. Но когда ты

мыслишь, тебе другой не нужен. Это я цитирую Канта. Есть три максимы кантовские, в которых одна из этих мыслей сформулирована. Эти максимы сформулированы поздним, старым Кантом, где он говорил, что значит мыслить. «Это разговор с самим собой». И как он будет называть людей? Он будет говорить: это виртуозы мышления. А философия – это законодатели разума. Мы законодатели, а не виртуозы.

Экономический человек.

У меня сейчас будет две темы: техническая и экономическая или хозяйственная. Вы помните, что я вам говорил о даре? Во Франции обсуждают дар. Многие там принимают участие. Деррида, Марион. Помните, что я говорил по этому поводу? Что человек начинается с дара, но не так, как Марион обсуждал и Деррида. А как? С обыкновенного одаривания, абсолютно бескорыстно. Прежде чем съем, я вас одарю: ешьте. Я умру голодный. С этим приходилось бороться. Подумай о себе. Будь экономическим человеком. Одаривание как странный акт, характерный для диких людей, для первого человека.

Они говорят: дай, дай мне. Это говорит человек цивилизованный, культурный. Сейчас я хочу влезть в эту тему и развивать тему этого одаривания. Меня интересует, когда скончается экономический человек, потому что все мы в этом смысле экономические люди.

Экономический человек, тот, который не одаривает, а присваивает, возникает в эпоху технической воспроизводимости объективных условий своего существования, а исчезает он в момент технической воспроизводимости субъективных условий его существования. Вместе с воспроизводимостью субъективности исчезает и сама субъективность. Вслед за ней исчезает значение таких феноменов как цена, прибыль, стоимость, товар. Человек теряет чувство реальности, а вместе с ним и реальность. Исчезновение человека экономического не означает исчезновение человека вообще. Оно означает, что человек продолжает существовать, но уже в согласии с природой как плохой робот. Так для человека возникает дилемма: вернуться к себе или умереть. Что значит «умереть»? Это значит превратить себя в чистую позитивность, содержание которой требует согласования с природой и не требует согласования с воображаемым. Позитивен только тот человек, у которого нет распри с самим собой, у кого есть согласие с реальностью. Согласование с природой нуждается в числе, в цифре, но не в образе, не в субъективности.

Из вышесказанного следует, во-первых, понимание того, что интеллект не имеет никакого отношения к сознанию. А также понимание того, что когда-то можно было стать человеком, только обменяв интеллект на сознание. Я хочу обратить ваше внимание на тему. Я говорил о даре. К сожалению, у нас нет сознания, а у первобытного художника оно

было. Полное. У него интеллект был минимум, а сознание было полное. Он однажды обменял сознание на интеллект, и мы этим всё время занимались. Философия – это огромный обломок когда-то бывшего сознания. Мы не знаем, что с этим обломком делать. Мы ползаем по нему, что-то делаем, ковыряемся, смотрим, изучаем. Я вам рассказываю про Парменида, про Протагора. Зачем? Сознания нет. Это обломок. Оно было, но оно было когда-то. Ницше говорит, что его разрушил уже Сократ.

Сознание было обменено на интеллект, чтобы выращивать злаки, уметь скотину одомашнивать, раба иметь, машину иметь. Шёл обмен. В конце концов, мы обменяли. Теперь говорим: всё, больше нечего обменивать теперь. Наступила эпоха алгоритма. Искусственный интеллект. Обмен завершён.

Я теперь вам переведу на язык философии. Начальная точка какая? Парменид. Он сказал простые вещи. Запомните: никакого небытия нет, никакого ничто нет. Всё гниет, но ничто нет. Есть бытие, и мысль может быть только о бытие. Бытие даёт существование мысли. Мысль делает бытие помысленным. Идите по этому пути. К чему придёте? К алгоритму. Одновременно сказал: люди, это вас не касается, так устроен механизм вселенной. В ней бытие и мысль одно и то же. А вы по своей дурной привычке, глупые, мыслите по времени. У вас проблемы. И живёте вы странно в мире призраков. У вас всё не так. У вас нет истины. У вас правдоподобие.

Потом мы доползли до Декарта. И что делает этот человек? Он говорит: никак не могу согласиться, мысль – это мысль, а бытие – это бытие. Какое тут тождество? Мысль – это одна субстанция, а бытие - другая. Вместе им не сойтись. Это было решительно. Крик по всему миру стоял. Разрушил всё. Что у него сразу же? Возникла проблема. Какая проблема? Только я, говорит, не понимаю, где начинается сон, и где он заканчивается. То, что мы разделили, - это две субстанции. Это точно. Но не понимаю, как решать проблему. Он её решил. Но как решил? Смешным образом. Я об этом вам рассказывал, и мы с вами смеялись. Я хихикал, а вы наблюдали за всем этим.

Идёт Новое время, философия. Дальше появляется другая фигура. Кант. Что он говорит? Слушайте, что-то здесь не так. Мало мы отделили мысль. Надо ещё и бытие разделить на две части. Взял и разделил. Давайте так, одно бытие есть в себе, а есть бытие для нас. Вот так оно верней будет. И так мы найдем выход к Богу. И так мы защитим человека от Бога. Фактически вещь в себе – это мы спим. Мы всегда спим и будем спать вечно. Тут же возникает какая проблема? Скажите, а что-нибудь доступно для нас? Что-нибудь дано нам? Или только всё аффицирует? Возникла проблема. Кант говорит: я знаю, что аффицирует что-то, но что это, понятия не имею. Никто этого никогда не узнает.

Кант разделил. Тут же сапожники нашлись: Гегель, Шеллинг. Стали сшивать. Фихте кричит Канту: браво, выкинь вещь в себе. Помните, Фихте говорит Канту, что на

75% он дурак, не додумал. В общем, тут же немцы всполошились. Кто-то стал сшивать, отождествлять ничто с бытием, то, что запрещено было делать.

Закончилось всё тем, что к началу 20в. появилось ещё одно деление. Вы даже не заметили. Мысль в себе. И мысль разделена. Вы-то думали, что мысль всегда для вас. И она разделена. Получилось, что бытие разделено, мысль разделена. Я уже не понимаю, если кому-то что-то дано, то кому и что именно? Полный круг. Случился кризис. Вы в нём пребываете. Вы даже не поняли, но прибываете. Что делать дальше? Одни выбросили знамя «вернуть внешнее», «вернуть природу», сделать её доступной. Я выдвигаю другой лозунг: человека сделать доступным для самого себя. Это состояние, в котором находится современная философия.

Конец экономического человека не означает конца человека вообще. Нужно несуществующее включить в экономику. Сейчас это и происходит. Какие-то галлюцинаторные вещи. Наша современная экономика галлюцинирует. Там слишком много галлюцинаций. Галлюцинации – это то, что даёт жизнь человеку. Мы существа галлюцинирующие, но не всякие галлюцинирующие – это люди, а подчинившие себя определённым образом организованной галлюцинации. Люди останутся до тех пор, пока они удержат себя в этой странной подчинённости.

Что такое «удержать себя в подчинённости»? Мы не можем себя от ценностей отделить. Тогда мы умрём вместе с ними. Менять их можно, но мы не можем жить без ценностей. Ценностями мы заполняем изъяны существования и называем это ценностями. Мы изъяты из мира, и она зияет этими пустотами, и заполняет эти пустоты воображаемым. Это наши ценности. То есть человек не умрёт до тех пор, пока он будет изобретать ценности, будет полагать, что они существуют. Смерть – это расставание. Даже если он физически будет ещё жить, то как курица без головы. Это уже будет не человек.

Антропогенез.

Когнитивные психологи, такие, как Стивен Миттен, написавший книгу «Поющие неандертальцы», нам говорят, что человек разумный появился 100 тысяч лет назад. По внешнему виду он был человеком, хотя само это человеческое никак в нем не проявлялось. И для антропологов остается загадкой: почему его называют разумным? Ведь его мозг ничем не отличается от мозга обезьяны и, как скажет Шеррингтон, от мозга крысы. Иными словами, 50 тысяч лет человек жил, если верить антропологам когнитивным, как животное, не выделяя себя из природы. Как животное, он использовал только камень или дерево для изготовления топора. У него не было специальных составных орудий и проч. Но 50 тысяч лет тому назад вдруг неожиданно он проявил активную деятельность – стал использовать в своей работе для изготовления своих инструментов кость, бивни, у него

появились сложносоставные орудия, бусы, запасы пищи, он изготовил из кости странные фигурки человека-льва, то есть с телом человека и головой льва. Что это за манера? Всё время с головой какие-то эксперименты. Вы заметили? Наскальная живопись: палка, тело человека и голова птицы. Почему? Нельзя ли это как-то объяснить?

Он изобрел лодку и поплыл, доплыл до Австралии, потом до Америки. Каким нужно быть безумцем? Сесть на лодку и поплыть в Австралию. Ты нормальный? Даже если нас двадцать, тридцать, пятьдесят, сто на лодках. Безумие. И антропологи недоумевают, зачем ему это было нужно, ведь еды хватало всем.

На мой взгляд, 50 тысяч лет назад случилось страшное – взорвались галлюцинации, человек раздвоился, и мир для него тоже раздвоился. Человек положил себя, свои галлюцинации в основание новой цепочки связей. Мир раздвоился. Для него теперь существовал не просто камень, предмет, отсылающий к другому предмету, а предмет, отсылающий к образу предмета.

Вы знаете, как начиналась философия? Она начиналась с этого. Отсылает к образу, к первообразу. Это проблеск сознания. Не вещь, отсылающая к другой вещи. На этой цепочке ты не пройдешь никогда. Там всегда всё куда-то отсылает, а потом так знаки будут отсылать к знаку. Вещь к вещи, знак к знаку. Это одна шайка. К образу – это невиданные вещи. А образ мог включать в себя уже и кость, и бивень, и что угодно. Он бесконечность открывает. Что делает бытие? Связывает всё множество сущего в той традиции. Что делает образ? То же самое. Когда вещь к вещи отсылает, ты ничего не сделаешь, ты будешь миллионы лет так отсылать. А здесь всё меняется. Сразу же открывается образ. Он обнимает всё множественное.

Теперь ты уже можешь делать это орудие из гранита, из дерева, из слона, из бивня, из паутины. Потому что у человека появились цели. Ведь что такое цель? Цель – это галлюцинация, согласованная с воображаемым. У животных нет целей, нет видений, которые могли бы длиться не только в данный момент, но и в следующий момент времени. Видение существует при условии, что кто-то хочет, чтобы оно было. Появление цели ведет к учреждению средства. Никакой приспособительной реакции. Мы выбросили, у нас другая экономика. Раздаривание. Появление цели ведёт к учреждению средства, появляется средство, появляется специальный инструмент. Топоры делаются не как у животных, не вообще, а для какой-то цели. Появляется первое изображение человека с головой льва. Соединение тела человека с головой льва – это продукт воображения, соединения воображаемого и реального. Появляется бусы и тотемные животные. Главным признаком появления человека является кукла и наскальная живопись.

Скажите, сколько человек жило во времена палеолита, сколько нас было? Как в университете. Их было сто тысяч человек. И мы разбрелись по миру. Зачем? Потому что трудно существовать с себе подобными. Потому что я терпеть не могу себе подобного. Это

Поршнев говорил. Когда его спрашивали, он объяснял, что трудно существовать с себе подобными. Куда угодно, хоть в Австралию. Послушайте, есть в этом правда. Кант повторил на другой манер то же самое. Помните, у него две вещи идёт: туда и оттуда, и человек одинок. Теперь я добавляю, что единственный. У Канта этого не было.

Лекция № 15

Признаки постхайдеггерианского мышления. Кризис субъекта.

Признаки постхайдеггерианского мышления.

В качестве точки отсчёта возьмём коперниканский переворот Канта. Кант понял, что нельзя через понятия или посредством понятий априорно расширять наши знания о предмете. Но это расширение все равно как-то происходит. Если не через понятия, то каким образом? Ответ: благодаря продуктивному воображению априори. А что же это такое? Это, говорит Кант, способность души человека.

«*У нас есть,* - пишет Кант, - *чистая способность воображения как основная способность человеческой души, лежащая в основании всех априорных знаний».*

Хайдеггеру не понравилась эта формула, потому что в ней Хайдеггер увидел устремление Канта к исследованию субъективности субъекта. Его интересовала субъективность. На взгляд Хайдеггера, Кант делает не совсем правильный выбор. Субъективность и душа человека – понятия очень тёмные. На них что-либо строить не нужно, нежелательно. И Хайдеггер совершает антикантианский переворот. Вот, как он это делает, рассуждая о чувственности и рассудке как двух стволах познания, в параграфе 35 в книге «Кант и проблемы метафизики»:

«*Истолкование трансцендентальной способности воображения как корня, то есть прояснение того, как чистый синтез дает из себя возникнуть обоим стволам и как их поддерживает, само по себе ведет назад в укорененность этого корня: к изначальному времени. Лишь оно, как изначальное, трояко-единящее образование будущего, отбывшего и настоящего вообще, делает возможным «способность» чистого синтеза…».*

Кант говорил, что есть два ствола познания: чувственность и рассудок. Все они коренятся в продуктивной способности воображения. Хайдеггер говорит: нет, этот сам корень ещё коренится. У него свой корень есть. Изначальное время. продуктивная способность воображения, потому что это субъективность, а изначальное время.

Изначальное время – то есть имеющее три модуса. Кант говорит, что есть продуктивная способность воображения у человека. Хайдеггер говорит: нет, это не очень интересно, давайте пойдём дальше. А если мы дальше пойдём, то будет изначальное время. Это изначальное время и совершает синтезы. У него есть три модуса. Вспоминайте Парменида, который говорил: нельзя мыслить во времени, время для человека. Только в том случае бытие тождественно мысли, когда бытие вне времени и мысль вне времени. Вы уже поняли, что нельзя делить бытие. Кант поделил. Нельзя делить мысль. Декарт делил.

Отделил мысль от бытия, потом стали делить мысль и так дальше. То есть сделали всё наоборот. Тогда возникает вопрос: что даёт единство?

Знаете, какая проблема возникла? Если бытие распалось на многое, то мы ничего не сможем удержать. Это великое многое, это бесконечное множественное. Мы не сможем его объять. Оно у нас неизбежно будет распадаться на бытие, которое для сущего, и бытие, которое для призраков.

В этом рассуждении Хайдеггера способность души человека исподволь заменена изначальным временем. «Изначальное» указывает на отсутствие связи с человеком, а время перестает интерпретироваться как внутреннее. У Канта внутреннее время. Что оно формирует? Отношение к себе. Что такое человек? Это то, что кристаллизируется в отношении к себе. Помните, я вам говорил: отношение к себе возможно в пространстве? Нет. А как? Во времени. А что такое «во времени»? Вот цель – это отношение к себе. Цель – это есть согласованная с тобой галлюцинация. Что делает Хайдеггер? Он говорит: нас это время не волнует, это внутреннее время, нам нужно не внутреннее время, а изначальное. У изначального есть прошлое, настоящее и будущее. Я буду работать с этими модусами.

Изначальное время предстает как время физиков. Почему это важно? Потому что внутреннее время может мыслиться как настоящее без прошлого и будущего, а изначальное обладает всеми тремя модусами: прошлым, настоящим и будущим. Изначальное время Хайдеггер рассматривает как инструмент бытия. Замещая продуктивное воображение априори, то есть способность души человека, бытием, Хайдеггер полагает, что «*онтическое познание само по себе не сможет обратиться к предметам, ибо без онтологического познания оно будет лишено самой направленности возможного обращения*». Если бы Кант не разделил на в себе и для себя, если бы Хайдеггер не взял это разделённое на онтическое и онтологическое, тогда мы ничего не могли бы понимать, ничего не смогли бы познавать. То есть идёт уже оправдание разделённости бытия. Оно будет лишено самой направленности возможного обращения к сущему.

Различие онтического познания и онтологического получено Хайдеггером без обращения к исследованию устройства человека. У Канта идёт в себе, для нас. У Хайдеггера разделяется независимо от человека. Это нечеловеческий способ познания. Это способ познания вообще. Мировой. Если бы он был возможен, то таким образом, и люди здесь не причём. Хотя Кант специально предупреждал, что слово «трансцендентальный» придумано им для того, чтобы обозначать только человеческий способ познания. Поэтому Хайдеггеру пришлось переделывать и смысл слова трансцендентальный. И не только его.

Кант во введении к «Логике» ясно говорит, что философия – это наука о внутренних принципах выбора между разными целями, то есть наука о последних целях.

Для Канта мы не можем понять мир, не понимая факт присутствия в нем человека. Для Хайдеггера это присутствие не обязательно. У Канта философия понимается как антропология. У Хайдеггера философия понимается как онтология. Для Канта – это наука о субъективном. Для Хайдеггера – это наука о бытии. Идею Канта будет развивать Гуссерль, правда, своеобразно. Идеи Хайдеггера воспримут французы Делез и Фуко, которые будут настаивать на том, что бытие бытийствует вне связи с тем, что бытийствует человек. Ими субъективности дается отвод. И в этом пункте они противостоят и Канту, и Гуссерлю. Тем самым, ими также полностью обессмысливается коперниканский переворот Канта.

Итак, наука о бытии строится Хайдеггером на двух основаниях: 1. Идее конечности человека; 2. Определении человека в качестве сущего. Эти две идеи и составляют признаки хайдеггерианского мышления. Следовательно, если ставить вопрос о постхайдеггерианском мышлении, то непременно он будет связан с преодолением этих двух тезисов.

Хайдеггер легитимизировал движение европейской мысли от человека к постчеловеку. Для меня это убийственная характеристика. Он легитимизировал необязательность обращения к нему. Также как Ясперс своей теорией конечного опыта открыл дорогу к легальному использованию наркотиков. Соответственно, переход к постхайдеггерианскому мышлению связан с отказом от идеи конечности человека и от его принадлежности к региону сущего.

Для Канта человек является целью самого себя, для Хайдеггера человек – это фигура неинтересная с точки зрения философии. Для Канта цель принадлежит субъективности, а не региону сущего. Хайдеггер развенчивает смысл идеи человеческого существования. Он придумывает некое Дазайн. Зачем? Затем, чтобы под этим титулом сделать неотличимым существование и экзистирование. Дазайн экзистирует и наряду с телами, которые существуют, но не экзистируют, входит в регион сущего. Хайдеггер нигде не объясняет, что делает возможным это объединение в регион. Равно как он нигде не объясняет, каким способом, за счет какой субъективности экзистирует Дазайн. Это становится понятным при анализе хайдегерровской интерпретации кантовских четырех вопросов из введения к «Логике».

Вот, как Хайдеггер интерпретирует эти вопросы:

1. Спрашивая, «что я могу знать», я, согласно Хайдеггеру, уже нахожусь в не-можествовании. Спрашивающий высказывает свою конечность: я не все могу. Кант понимал конечность в «Идее всеобщей истории» как передачу. Кант говорил: я не могу завершить. Я жизнь прожил, и мне даже кажется, что я понимаю всё, что я хочу сделать, но не могу. Остаётся какой-то пробел, и я вынужден передать другому.

Говорят, что есть другой, который по процедуре своей завершает тебя всегда. Ты, твоя суть на дне у другого по существу, потому что другой – главная фигура. У каждого есть другой, тот, который придаст тебе форму и завершит тебя, даст тебе цену. Без другого ты никогда не будешь оформлен. Это совершенно противная для меня философия. Каждому нужен господин в виде другого, каждому. Родители нас завершат когда-нибудь.

2. Спрашивая, что ты должен делать, ты находишься, говорит Хайдеггер, в состоянии не-исполненности и одновременно в готовности не делать не должное. «Существо, чей внутреннейший интерес заключается в долженствовании, в основе, - полагает Хайдеггер, - является конечным».

3. На что я смею надеяться? Что я вправе ожидать, а что не вправе? «Любое ожидание открывает нужду». Человеческий разум тем самым, на его взгляд, свидетельствует о себе как о сущностно конечном.

Далее Хайдеггер сводит первые три вопроса Канта к четвертому, а именно: к вопросу о том, что есть человек? Хайдеггер никак не сводит эти три вопроса. Он просто отделяет первые три вопроса от четвертого. Он говорит, что в четвертом вопросе «должно прояснить сущностную связь между бытием как таковым (не сущим) и конечностью в человеке». То есть первые три вопроса разъясняют четвертый. Хотя задача, поставленная Кантом, состоит в том, чтобы связать все эти вопросы таким образом, чтобы первые три вопроса были разъяснены исходя из ответа на последний вопрос.

Естественно я приведу сейчас эти вопросы из «Чёрных тетрадей». Хайдеггер заменяет четыре вопроса кантовских:

«Что нам следует делать?

Кто мы есть?

Почему мы должны быть?

Что есть сущее?

Почему свершается бытие?

Из этих вопросов снизу вверх в их единстве и состоит философствование»

Проблема Хайдеггера состоит в том, что он сам признал, что бытие зависит от человека. Если нас нет, то ничего свершаться не будет, и вся его структура будет пропадать. Словами «снизу вверх» Хайдеггер указывает на то, что последний вопрос по важности является первым. Ответ на него задает стиль философии Хайдеггера. Поскольку бытие – это то, что не существует, постольку Хайдеггер употребляет глагол свершаться. Бытие свершается. А поскольку бытия нет без языка, постольку оно совершается в языке или посредством языка. Вот откуда идёт мысль, что мысль свершается в слове. Бытие свершается в языке, мысль свершается в слове. Это одна и та же структура, один и тот же стиль.

Хайдеггер лишает бытие какой-либо самостоятельности. Оно не может быть нам дано непосредственно, при помощи внутреннего чувства. Оно может быть дано только языком, то есть сказано. То есть мы оказываемся в этом случае пловцами в лодке. Мы не единое существо. И к нам кто-то приставлен. Мейясу хочет приставить Абсолют. Это смешно. Надо Абсолюту связываться с какой-то конечностью?

В ответе на первый вопрос онтология превращается Хайдеггером в философию языка. Язык и есть то первое, с чего надо начинать. Но это противоречит простым соображениям о том, что прежде чем говорить, человек видит, а не спрашивает о бытии. Мы сначала видим, а потом, может быть, говорим. А прежде, чем видеть, он галлюцинирует. И Хайдеггеру нужно было бы разъяснить, как связано бытие и галлюцинации, и не ограничивается ли их связь грамматическим сочетанием слов: бытие галлюцинации. Можно ли в этом сочетании слов говорить о галлюцинации как о сущем, к которому относится бытие. Но он этого не делает даже в «Цоликоновских семинарах».

Ответ на второй вопрос не зависит от ответа на первый вопрос. В нем сущее проявляет абсолютную независимость от бытия, поскольку сущее существует, а бытие не существует.

В третьем вопросе под титулом «мы» появляется человек и задается странный вопрос о долженствовании совсем не в кантовском смысле. У Канта слово «должен» сопряжено с действием, а не с существованием. Но некантовский ответ на хайдеггеровский вопрос есть: мы должны быть потому, что нас нет в мире.

Вы знаете, как Гегель сказал, почему человек – прямоходящее существо? Кто-нибудь обратил внимание? Потому что мы хотим ходить прямо. Это ответ Гегеля. Здесь то же самое: мы должны быть потому, что нас нет.

В четвертом вопросе воспроизводится главный вопрос Канта: что есть человек? Никакого ясного ответа на этот вопрос у Хайдеггера нет. Отношение «человек – бытие» Хайдеггер называет «*абсолютно темным*» с.82.

Сущность же человека Хайдеггер видит в *«уполномочивающем внедрении в свершение бытия». «Здесь, в этом внедрении человек лишается обычной человечности и приобретает величие, в котором он исчезает и оказывается сущим»*.

То есть человек все-таки оказывается сущностью рангом ниже бытия или, что, то же самое, он, следуя своей сущности, исчезает, как исчезают люди в пещере после рычания льва у Ницше в «Так говорил Заратустра». Темнота, о которой говорит Хайдеггер, идет от Хайдеггера, а не от Канта.

Вот, например, как видит Хайдеггер задачу, решаемую в «Бытии и времени: «*С помощью понимания бытия…»*. Вот вы это как себе понимаете? То есть понимание нуждается в тебе или ты нуждаешься в понимании? Или вообще никто не нуждается?

«С помощью понимания бытия дать людям войти в себя…». Зачем я ввёл бытие? Зачем мы разделили парменидовское бытие? Зачем Хайдеггер разделил на онтическое и онтологическое? Он говорит: ну, как зачем, господа? Да вы же в себя-то не войдёте. Кто из вас вошёл в себя? Никто не вошёл. А у вас для этого не аппарата. Это тебе поможет сделать бытие.

«…но это «внутреннее» есть внешнее – и в самом внутреннем вырастает предельное, крайнее. Неизбежное». С.83 Он говорит: это не Кант, не кантовская субъективность. Французы это взяли и на полную катушку использовали стирание этой границы.

Непонятно, почему «понимание бытия» дает людям войти в себя. Хайдеггер ни объясняет, каким образом человек оказался вне себя. Он также не объясняет, откуда у человека тяга к возвращению к себе. Мы находимся в неведении относительно вопроса о том, нет ли у человека иных способов войти в себя, кроме понимания бытия.

И что значит себя? Не есть ли это нечто внутреннее по отношению к бытию? Не хочет ли он найти в бытие ещё одно бытие? Помните, как мы находили в субъекте ещё один субъект? И этот субъект трансцендентен по отношению к первому. То есть то, что называется бессознательным, есть не бессознательное, а два сознания или два субъекта. Одно сознание в другом сознании, но одно из них трансцендентно по отношению к другому. То есть никакой связи. Речь не связывает. Язык не может их связать. Может быть и всё, что разделено, находится в странной структуре вхождения с трансцендентностью по отношению к тому, во что ты входишь.

Или же «войти в себя» можно понимать, как нечто субъективное. Не существует ли «себя» вообще до бытия? Или же оно создается пониманием бытия? Но тогда понимание бытия относится не к нам, а к бытию и существует не как внутреннее, а как внешнее. Но в этом случае нельзя использовать глагол «входить». Ведь мы же входим не в комнату, а в себя? Хайдеггер нас убеждает, что внутреннее есть внешнее, а внешнее есть в самом внутреннем как неизбежное, предельное. Отличает ли сам Хайдеггер бытие и видимость бытия? Ответ на эти вопросы станет предметом озабоченности философии после Хайдеггера.

Постхайдеггерианское мышление исходит из того, что вопрос о том, что есть бытие, зависит от ответа на вопрос о том, что есть человек. А также из понимания того, что философия - это не онтология, а антропология. Как же теперь следует трактовать кантовский четырехугольник.

1. К вопросу «Что есть человек» следует добавить уточняющее вопрос разъяснение, а именно: «что есть человек, если он существует как цель самого себя»? Я могу сказать так ещё: что есть человек, если он грезит? Это фантазм, это видения, это странная субъективность, согласованная с тобой.

Существовать как цель самого себя – значит не существовать как тело, то есть существовать двояким образом: как бытие и одновременно как мысль о бытии. Это то, чему изначально учил Парменид. Как то, чего нет, но что одновременно дано в доопределении самого себя. Иными словами, ответ на вопрос о том, что есть человек, связан с золотым принципом антропологии, с принципом двойственности человеческого существования, с присутствием себя по отношению к себе.

2. Что я могу знать? В ответе на этот вопрос важно не то, что я не все могу знать, а важно то, что я вообще что-то могу знать. Важно указать не на «могу», а на «Я», на то, что оно определяет себя через грезу. Поэтому этот вопрос в постхайдеггерианском мышлении фактически звучит так: почему я, грезящий, хоть что-то могу знать? Что я могу знать, кроме своей грёзы? Ничего не могу знать. Вы не видите, этот вопрос вновь актуализируется, когда хотят вернуть великое внешнее, хотят вернуть данность.

3. Что я должен делать? Этот вопрос не констатация неисполненности. Он не нуждается в аналитике слова «должен». Он вновь обращен к пониманию устройства человека. В нем необходимо ответить на вопрос как, в каком случае возникает проблема долженствования в связи с делом? Что не определено во мне и почему я что-то должен делать, а не просто жить сообразно своему понятию? После Хайдеггера стало понятно, как может звучать сегодня этот кантовский вопрос. Что я, не имеющий сущности, должен делать? Всё определено сущностью. Ты же должен делать сообразно своей сущности. Кто-то изъял, у меня её унёс.

Что мне вообще делать, если я не отношусь к региону сущего, если я не марионетка бога и не автомат природы? Первое сделал Платон, второе сделал Кант. Когда я марионетка Бога, я понимаю. Это моя сущность. Понятно, что делать. Когда я кукла, тоже понятно. Есть четыре стихии.

Если я марионетка, то для меня не может существовать проблема должного. Если Я автомат природы, то мои действия уже определены. Что мне делать, если я внутренне свободен? Как мне вести себя в этом случае? Как мне жить, если мир учреждается моим произволом?

4. На что я вправе надеться? Этот вопрос не обозначение нужды. В нем суть дела заключается не в ограничении наших прав. Дело не в том, что мы можем на что-то надеяться, а на что-то не можем. Суть дела состоит не в конечности человека. В вопросе выражена тревога в связи с ускользанием реальности. На что мне

> надеяться, если я сам причина реальности объектов своих представлений? На что мне надеяться, если я кладу себя в основание своих действий? Если я сам основание этих действий. Мне не на что надеяться, хотя я надеюсь. Что меня, одинокого, одного, единственного не подведет, не обманет? В конце концов, во что мне верить, если я замкнут в себе самом? Не является ли моя вера вообще самообманом?

Это всё относится к постхайдеггерианской философии и постхайдеггерианской проблематизации тем следующей философии.

Современной философия придётся отказаться от бытия в пользу субъективности, заменяя опыт воображением, а идею конечности человека - идеей его невозможности. Человек не привратник бытия.

Этот текст, пожалуй, самый главный, поскольку он как будто определяет движение от чего-то к чему-то. Если вы это уловили, то слова, которые вы можете услышать, можно располагать как инструмент описания или понимания чего-то.

Движение от Парменида. Всегда считали, что входной билет в философию – это тождество бытия и мышления. Это было всегда, но мало кто рассказывал, что за этим стоит, и что этому тождеству предшествует. Сначала расчленили бытие и мысль, а потом стали сборку делать, и появился термин Делёза. Он точный. Когда распалось, разложили, распилили, разделили, то из разделённого можно только собирать. Сборка идёт.. Тогда нужно понимать, почему сборка, а не органика, не естественные фигуры и формы.

Кризис субъекта.

В фильме «Скромное обаяние буржуазии» шесть человек никак не могут встретиться, чтобы поужинать. Им всё время что-то мешает. Как говорил Лакан? Реальность – это то, что мешает, когда что-то не клеится. Весь психоанализ состоит в обращении к этой реальности, к склеиванию того, что не клеится.

Четверо из них приходит в гости в дом к двум своим друзьям, а их никто не ждал. Кто-то из них перепутал время встречи. Все вместе они идут в ресторан, но ресторан закрыт. Вернее открыт, но в нём хоронят умершего хозяина. На поминки попали.

Дамы хотят выпить чай в кафе, но в нём нет чая. В Европе это обычное дело. Они просят вино, а кафе безалкогольное. Они просят кофе, а кафе закрывается.

Время субъекта прошло, говорит Бунюэль. Наступило время субъективности. Это ощущается во всём. Во всём видна нехватка субъекта. Везде заметно его отсутствие. Его как бы изъяли. И что-то посыпалось.

Только это отсутствие в фильме пока ещё воспринимается не трагически, не как недостаток бытия, а скорее как мелочи быта. Бунюэль знает, что к буржуазии навсегда пристал запах денег, что буржуазия связана с финансами. Его интересует субъективность буржуа на уровне тихой повседневности быта. Субъективность, которая не грезит о воли к творчеству. Но что она знает? Она знает, как нужно пить сухое мартини. Эта субъективность ему симпатична. Герои фильма ничего не хотят. Они эмоциональны выгорели. Там нечему гореть. Но дело не в них, а в мире, в котором они живут. В этом мире оказались нереализуемыми самые простые желания.

Скромное обаяние буржуазии Бунюэль видит в том, что она ещё может грезить. Поэтому у неё пониженная реакция на окружающий мир. Её жизнь – это жизнь вперемешку со сновидениями. И ваша жизнь – это жизнь вперемешку со сновидениями. И моя тоже. Я до сих пор не проснулся. Тоже сон идёт какой-то.

Субъективность обессмысливает смыслы объективной реальности, но никто ещё не жаждет крови. Никто не жаждет смерти субъекта, как в фильме Годара «Прощай речь». Субъект – это другой, присутствие которого создаёт у нас ощущение обмана. Другой – это не тот, кто смотрит тебе в лицо, а тот, кто смотрит тебе в спину. Это вариации на тему Сартра.

Под субъектом в философии понимается универсальный другой, тот, кто видит одновременно и твоё лицо, и твою спину. У субъекта нет ни лица, ни спины. Ему нечего опасаться. Мир для него прозрачен и ясен. Субъект не создаёт субъективность. Он создаёт иллюзию объективности, окружая себя объектами. Всё, что делает субъект, держится усилиями субъекта, а не причинными отношениями. Следовательно, в мире всегда есть то, что держится причинами и требует субъективности хозяина. Ещё в нём есть то, что держится субъектом и требует объективности. Вы поняли? Субъект требует объективности, а не субъективности.

Между субъективностью человека и объективностью субъекта возникает конфликт, подобный конфликту в пьесе Чехова «Вишнёвый сад». Лопахин хочет продать сад и заработать денег. Это соответствует объективной логике событий. Раневская мечтает жить, как жила, полагая, что всё как-нибудь образуется. Это соответствует субъективным желаниям. Раневская и Лопахин.

Настоящий источник хаоса – это субъективность. Она противостоит телам и субъектам. Субъективность – это не цвета и не запахи, не то, что, как думали психологи, можно прикрепить к телу. Видеть в цвете не значит быть субъективным, а иметь аппетит не значит не иметь волю. Но субъективность – это и не некое внутреннее, образуемое разными складками, не то, что делает субъект.

Быть субъективным – это значит предоставлять себя действию сил воображаемого. Субъективность – это весть из мира воображаемого, параллельного миру реального.

Мерой субъективности является не аффект и даже не эмоция, а воля. Согласитесь, что вы не ожидали, что субъективность потребует волю.

В мире нет никакого ума, никакой логики. В нём есть, с одной стороны, тела и силы, а с другой, субъективность и воля. Чувствуется? Я нашёл применение Ницше.

И субъект существует не потому, что есть тела, а потому что есть субъективность, в которой волей к объективности учреждается субъект. Мир без субъективности – это пустой мир тел и сил, в котором некому возвращаться к себе. В нём нет необратимости, ибо всякая необратимость субъективна. Мир субъективности – это мир безнадежно испорченный субъектом, ибо то, что держится субъектом, держится во времени. Искушение субъекта состоит в том, чтобы своё содержание попытаться удержать посредством тел и сил, встроенных в цепь причин и следствий. Передать, перекинуть. Пусть оно попробует удержать то, что не удерживается.

В нашем мире становится невозможным самое простое действие. Самое простое действие оказывается сложным. Самое простое – это влюбиться. Нет, это сложная процедура. Шаги нужно делать.

В мире, который мы не понимаем, жить невозможно, ибо этот мир состоит из смеси тел и грёз. Тем самым человеку угрожает не забвение бытия, ибо бытие – это всего лишь вопрошание о бытии со стороны субъективности, а, возможно, разрыв между человеком и субъективностью. Призраки, учреждённые человеком, объявили себя независимыми от человеческой субъективности. Субъект без субъективности узнается теперь как машина, как автомат, как умное тело, которое возвещает когнитивную смерть человека. Это смерть – миг торжества в мире тел и сил, ибо она возвещает конец действия в основании которых лежит субъективность.

Сегодня пришло время для действий, в основании которых лежит чистое знание. Воля уступает место знанию и силам, которым не предшествует пробуждение аффекта. Субъективность спит.

Философский факультет МГУ

cogito ergo sum

ФИЛОСОФСКИЙ
ФАКУЛЬТЕТ
МГУ ИМЕНИ
М.В. ЛОМОНОСОВА

teach-in

ЛЕКЦИИ УЧЕНЫХ МГУ